

ШКОЛЬНАЯ

БИБЛИОТЕКА

Аркадий Тайгар

ТИМУР И ЕГО КОМАНДА

ПРОИЗВЕДЕНИЯ ПЕЧАТАЮТСЯ БЕЗ СОКРАЩЕНИЙ

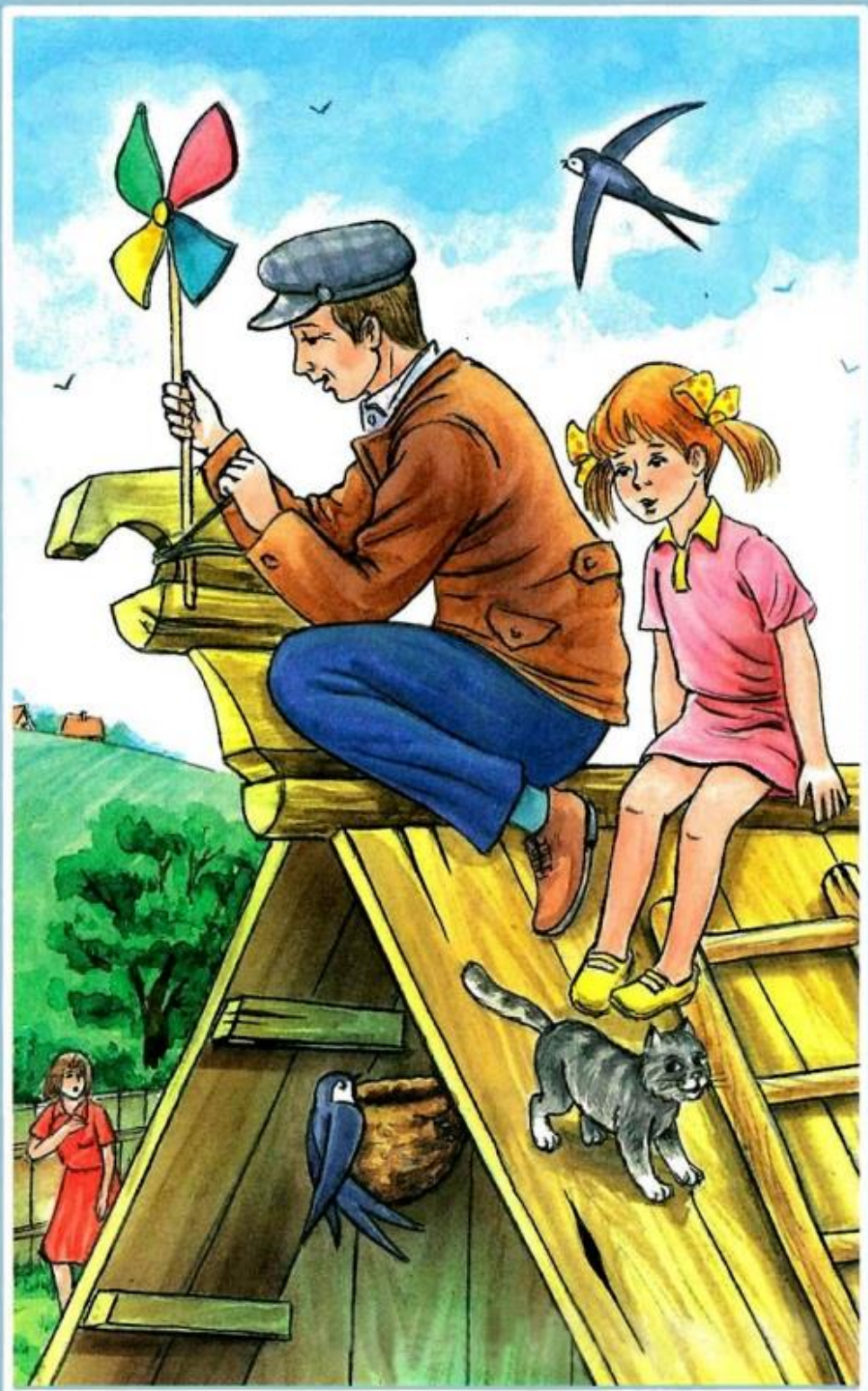
Арқақый Тайқар

ТИМУР И ЕГО КОМАНДА

Художник
Дмитрий Лемко

ГОЛУБАЯ ЧАШКА

Мне тогда было тридцать два года. Марусе двадцать девять, а дочери нашей Светлане шесть с половиной. Только в конце лета я получил отпуск, и на последний тёплый месяц мы сняли под Москвой дачу.

Мы со Светланой думали ловить рыбу, купаться, собирать в лесу грибы и орехи. А пришлось сразу подметать двор, подправлять ветхие заборы, протягивать верёвки, заколачивать костыли и гвозди.

Нам всё это очень скоро надоело, а Маруся одно за другим всё новые да новые дела и себе и нам придумывает.

Только на третий день к вечеру наконец-то всё было сделано. И как раз, когда собирались мы втроём идти гулять, пришёл к Марусе её товарищ – полярный лётчик.

Они долго сидели в саду, под вишнями. А мы со Светланой ушли во двор к сараю и с досады взялись мастерить деревянную вертушку.

Когда стемнело, Маруся крикнула, чтобы Светлана выпила молока и ложилась спать, а сама пошла проводить лётчика до вокзала.

Но мне без Маруси стало скучно, да и Светлана одна в пустом доме спать не захотела.

Мы достали в чулане муку. Заварили её кипятком – получился клейстер.

Оклеили гладкую вертушку цветной бумагой, хорошенько разгладили её и через пыльный чердак полезли на крышу.

Вот сидим мы верхом на крыше. И видно нам сверху, как в соседнем саду, у крыльца, дымит трубой самовар. А на крыльце сидит хромой старик с балалайкою, и возле него толпятся ребяташки.

Потом выскочила из чёрных сеней босоногая сторб-

ленная старуха. Ребятишек турнула, старика обругала и, схватив тряпку, стала хлопать по конфорке самовара, чтобы он закипел быстрее.

Посмеялись мы и думаем: вот подует ветер, закружится, зажужжит наша быстрая вертушка. Ото всех дворов сбегутся к нашему дому ребятишки. Будет и у нас тогда своя компания. А завтра что-нибудь ещё придумаем.

Может быть, выроем глубокую пещеру для той лягушки, что живёт в нашем саду, возле сырого погреба.

Может быть, попросим у Маруси суровых ниток и запустим бумажного змея – выше силосной башни, выше жёлтых сосен и даже выше того коршуна, который целый день сегодня сторожил с неба хозяйских цыплят и крольчат.

А может быть, завтра с раннего утра сядем в лодку – я на вёсла, Маруся за руль, Светлана пассажиром – и уплывём по реке туда, где стоит, говорят, большой лес, где растут на берегу две дуплистые берёзы, под которыми нашла вчера соседская девчонка три хороших белых гриба. Жаль только, что все они были червивые.

Вдруг Светлана потянула меня за рукав и говорит:

– Посмотри-ка, папа, а ведь, кажется, это наша мама идёт, и как бы нам с тобой сейчас не попало.

И правда, идёт по тропинке вдоль забора наша Маруся, а мы-то думали, что вернётся она ещё не скоро.

– Наклонись, – сказал я Светлане. – Может быть, она и не заметит.

Но Маруся сразу же нас заметила, подняла голову и крикнула:

– Вы зачем это, негодные люди, на крышу залезли? На дворе уже сыро. Светлане давно спать пора. А вы обрадовались, что меня нет дома, и готовы баловать хоть до полуночи.

– Маруся, – ответил я, – мы не балуем, мы вертушку приколачиваем. Ты погоди немного, нам всего три гвоздя доколотить осталось.

– Завтра доколоти! – приказала Маруся. – А сейчас слезайте, или я совсем рассержусь.

Переглянулись мы со Светланой. Видим, плохо наше дело. Взяли и слезли. Но на Марусю обиделись.

И хотя Маруся принесла со станции Светлане большое яблоко, а мне пачку табаку, – всё равно обиделись.

Так с обидой и уснули.

А утром – ещё новое дело! Только что мы проснулись, подходит Маруся и спрашивает:

– Лучше сознавайтесь, озорной народ, что в чулане мою голубую чашку разбили!

А я чашки не разбивал. И Светлана говорит, что не разбивала тоже. Посмотрели мы с ней друг на друга и подумали оба, что уж это на нас Маруся говорит совсем напрасно.

Но Маруся нам не поверила.

– Чашки, – говорит она, – не живые: ног у них нет. На пол они прыгать не умеют. А кроме вас двоих, в чулан никто вчера не лазил. Разбили – и не сознаётесь. Стыдно, товарищи!

После завтрака Маруся вдруг собралась и отправилась в город, а мы сели и задумались.

Вот тебе и на лодке поехали!

И солнце к нам в окна заглядывает. И воробьи по песчаным дорожкам скачут. И цыплята сквозь деревянный плетень со двора на улицу и с улицы на двор шмыгают. А нам совсем не весело.

– Что ж! – говорю я Светлане. – С крыши нас с тобой вчера согнали. Банку из-под керосина у нас недавно отняли. За какую-то голубую чашку напрасно выругали. Разве же это хорошая жизнь?

– Конечно, – говорит Светлана, – жизнь совсем плохая.

– А давай-ка, Светлана, надень ты своё розовое платье. Возьмём мы из-за печки мою походную сумку, положим

туда твоё яблоко, мой табак, спички, нож, булку и уйдём из этого дома куда глаза глядят.

Подумала Светлана и спрашивает:

– А куда твои глаза глядят?

– А глядят они, Светлана, через окошко, вот на ту жёлтую поляну, где пасётся хозяйская корова. А за поляной, я знаю, гусиный пруд есть, а за прудом водяная мельница, а за мельницей на горе берёзовая роща. А что там, за горой, уж этого я и сам не знаю.

– Ладно, – согласилась Светлана, – возьмём и хлеб, и яблоко, и табак, а только захвати ты с собой ещё толстую палку, потому что где-то в той стороне живёт ужасная собака Полкан. И говорили мне про неё мальчишки, что она одного чуть-чуть до смерти не заела.

Так мы и сделали. Положили в сумку что надо было, закрыли все пять окон, заперли обе двери, а ключ подсунули под крыльцо.

Прощай, Маруся! А чашки твоей мы всё равно не разбивали.

...Вышли мы за калитку, а навстречу нам молочница.

– Молока надо?

– Нет, бабка! Нам больше ничего не надо,

– У меня молоко свежее, хорошее, от своей коровы, – обиделась молочница. – Вернётесь – так пожалеете.

Загромыхала она своими холодными бидонами и пошла дальше. А где ей догадаться, что мы далеко уходим и, может, не вернёмся!

Да и никто об этом не догадывался. Прокатил на велосипеде загорелый мальчишка. Прошагал, наверное, в лес за грибами толстый дядька в трусах и с трубкой. Прошла белокурая девица с мокрыми после купания волосами. А знакомых мы никого не встретили.

Выбрались мы через огороды на жёлтую от куриной слепоты поляну, сняли сандалии и по тёплой тропинке пошли босиком через луг прямо на мельницу.

Идём мы, идём и вот видим, что от мельницы во весь дух мчится нам навстречу какой-то человек. Пригнулся он, а из-за ракитовых кустов летят ему в спину комья земли.

Странно нам это показалось. Что такое? У Светланы глаза зоркие, остановилась она и говорит:

– А я знаю, кто это бежит. Это мальчишка, Санька Карякин, который живёт возле того дома, где чьи-то свиньи в сад на помидорные грядки залезли. Он вчера ещё против нашей дачи на чужой козе верхом катался. Помнишь?

Добежал до нас Санька, остановился и слёзы ситцевым кульком вытирает. А мы спрашиваем у него:

– Почему это, Санька, ты во весь дух мчался и почему это за тобой из-за кустов комья летели?

Отвернулся Санька и говорит:

– Меня бабка в колхозную лавку за солью послала. А на мельнице сидит пионер Пашка Букамашкин, и он меня драть хочет.

Посмотрела на него Светлана. Вот так дело!

Разве же есть в Советской стране такой закон, чтобы бежал человек в колхозную лавку за солью, никого не трогал, не задирали и вдруг бы его ни с того ни с сего драть стали?

– Идём с нами, Санька, – говорит Светлана. – Не бойся. Нам по дороге, и мы за тебя заступимся.

Пошли мы втроём сквозь густой ракитник.

– Вот он, Пашка Букамашкин, – сказал Санька и попятился.

Видим мы – стоит мельница. Возле мельницы телега. Под телегой лежит кудластая, вся в репейниках собачонка и, приоткрыв один глаз, смотрит, как шустрые воробьи клюют рассыпанные по песку зёрна. А на кучке песка сидит без рубахи Пашка Букамашкин и грызёт свежий огурец.

Увидел нас Пашка, но не испугался, а бросил огрызок в собачонку и сказал, ни на кого не глядя:

– Тю!.. Шарик... Тю!.. Вон идёт сюда известный фашист, белогвардеец Санька. погоди, несчастный фашист! Мы с тобою ещё разделаемся.

Тут Пашка плюнул далеко в песок. Кудластая собачонка зарычала. Испуганные воробьи с шумом взлетели на дерево. А мы со Светланой, услышав такие слова, подошли к Пашке поближе.

– Пстой, Пашка, – сказал я. – Может быть, ты ошибся? Какой же это фашист, белогвардеец? Ведь это просто-напросто Санька Карякин, который живёт возле того дома, где чьи-то свиньи в чужой сад на помидорные грядки залезли.

– Всё равно белогвардеец, – упрямо повторил Пашка. – А если не верите, то хотите, я расскажу вам всю его историю?

Тут нам со Светланой очень захотелось узнать всю Санькину историю. Мы сели на брёвна, Пашка напротив. Кудластая собачонка у наших ног, на траву. Только Санька не сел, а, уйдя за телегу, закричал оттуда сердито:

– Ты тогда уже всё рассказывай! И как мне по затылку попало, тоже рассказывай. Думаешь, по затылку не больно? Возьми-ка себе да стукни.

– Есть в Германии город Дрезден, – спокойно сказал Пашка, – и вот из этого города убежал от фашистов один рабочий, еврей. Убежал и приехал к нам. А с ним девчонка приехала, Берта. Сам он теперь на этой мельнице работает, а Берта с нами играет. Только сейчас она в деревню за молоком побежала. Так вот, играем мы позавчера в чижа: я, Берта, этот человек, Санька, и ещё один из посёлка. Берта бьёт палкой в чижа и попадает нечаянно этому самому Саньке по затылку, что ли...

– Прямо по макушке стукнула, – сказал Санька из-за телеги. – У меня голова загудела, а она ещё смеётся.

– Ну вот, – продолжал Пашка, – стукнула она этого Саньку чижом по макушке. Он сначала на неё с кулаками,

а потом ничего. Приложил лопух к голове – и опять с нами играет. Только стал он после этого невозможно жулить. Возьмёт нашагнёт лишний шаг да и метит чижом прямо в кон.

– Врёшь, врёшь! – выскочил из-за телеги Санька. – Это твоя собака мордой ткнула, вот он, чиж, и подкатился.

– А ты не с собакой играешь, а с нами. Взял бы да и положил чижа на место. Ну вот. Метнул он чижа, а Берта как хватит палкой, так этот чиж прямо на другой конец поля, в крапиву, перелетел. Нам смешно, а Санька злится. Понятно, бежать ему за чижом в крапиву неохота... Перелез через забор и орёт оттуда: «Дура, жидовка! Чтоб ты в свою Германию обратно провалилась!» А Берта «дуру» по-русски уже хорошо понимает, а «жидовку» ещё не понимает никак. Подходит она ко мне и спрашивает: «Это что такое – жидовка?» А мне и сказать совестно. Я кричу: «Замолчи, Санька!» А он нарочно всё громче и громче кричит. Я – за ним через забор. Он – в кусты. Так и скрылся. Вернулся я – гляжу: палка валяется на траве, а Берта сидит в углу на брёвнах. Я зову: «Берта!» Она не отвечает. Подошёл я – вижу, на глазах у неё слёзы. Значит, сама догадалась. Поднял я тогда с земли камень, сунул в карман и думаю: «Ну погоди, проклятый Санька! Это тебе не Германия. С твоим-то фашизмом мы и сами справимся!»

Посмотрели мы на Саньку и подумали: «Ну, брат, плохая у тебя история. Даже слушать противно. А мы-то ещё собирались за тебя заступаться».

И только хотел я это сказать, как вдруг дрогнула и зашумела мельница, закрутилось по воде отдохнувшее колесо. Выскочила из мельничного окна обсыпанная мукой, ошалелая от испуга кошка. Спросонок промахнулась и свалилась прямо на спину задремавшему Шарику. Шарик взвизгнул и подпрыгнул. Кошка метнулась на дерево, воробы с дерева на крышу. Лошадь вскинула морду и дёрнула телегу. А из сарая выглянул какой-то лохматый, се-

рый от муки дядька и, не разобравшись, погрозил длинным кнутом отскочившему от телеги Саньке:

– Но, но... Смотри не балуй, а то сейчас живо выдеру!

Засмеялась Светлана, и что-то жалко ей стало этого несчастного Саньку, которого все хотят выдрать.

– Папа, – сказала она мне, – а может быть, он вовсе и не такой уж фашист? Может быть, он просто дурак? Ведь правда, Санька, что ты просто дурак? – спросила Светлана и ласково заглянула ему в лицо.

В ответ Санька только сердито фыркнул, замотал головой, засопел и хотел что-то сказать. А что тут скажешь, когда сам крутом виноват и сказать-то, по правде говоря, нечего. Но тут Пашкина собачонка перестала вдруг тявкать на кошку и, повернувшись к полю, подняла уши.

Где-то за рощей хлопнул выстрел. Другой. И пошло, и пошло...

– Бой неподалёку! – вскрикнул Пашка.

– Бой неподалёку, – сказал и я. – Это палят из винтовок. А вот слышите? Это застрочил пулемёт.

– А кто с кем? – дрогнувшим голосом спросила Светлана. – Разве уже война?

Первым вскочил Пашка. За ним помчалась собачонка. Я подхватил на руки Светлану и тоже побежал к роще.

Не успели мы пробежать полдороги, как услышали позади крик. Мы обернулись и увидели Саньку.

Высоко подняв руки, чтобы мы его скорее заметили, он мчался к нам напрямик через канавы и кочки.

– Ишь ты, как козёл скачет! – пробормотал Пашка. – А чем этот дурак над головой размахивает?

– Это не дурак. Это он мои сандалии тащит! – радостно закричала Светлана. – Я их на брёвнах позабыла, а он нашёл и мне их несёт. Ты бы с ним помирился, Пашка!

Пашка насупился и ничего не ответил. Мы подождали Саньку, взяли у него жёлтые Светланины сандалии. И те-

перь уже вчетвером, с собакой, прошли через рощу на опушку.

Перед нами раскинулось холмистое, поросшее кустами поле. У ручья, позвякивая жестяными бубенчиками, щипала траву привязанная к колышку коза. А в небе плавно летал одинокий коршун. Вот и всё. И больше никого и ничего на этом поле не было.

– Так где же тут война? – нетерпеливо спросила Светлана.

– А сейчас посмотрю, – сказал Пашка и влез на пенёк.

Долго стоял он, щурясь от солнца и закрывая глаза ладонью. И кто его знает, что он там видел, но только Светлане ждать надоело, и она, путаясь в траве, пошла сама искать войну.

– Мне трава высокая, а я низкая, – приподнимаясь на цыпочках, пожаловалась Светлана. – И я совсем ничего не вижу.

– Смотри под ноги, не задень провод, – раздался сверху громкий голос.

Мигом слетел с пенька Пашка. Неуклюже отскочил в сторону Санька. А Светлана бросилась ко мне и крепко схватила меня за руку.

Мы попятились и тут увидели, что прямо над нами, в густых ветвях одинокого дерева, притаился красноармеец.

Винтовка висела возле него на суку. В одной руке он держал телефонную трубку и, не шевелясь, глядел в блестящий чёрный бинокль куда-то на край пустынного поля.

Ещё не успели мы промолвить слова, как издалека, словно гром с перекатами и перегудами, ударил страшный орудийный залп. Вздогнула под ногами земля. Далеко от нас поднялась над полем целая туча чёрной пыли и дыма. Как сумасшедшая подпрыгнула и сорвалась с мочальной верёвки коза. А коршун вильнул в небе и, быстро-быстро махая крыльями, умчался прочь.

– Плохо дело фашистам! – громко сказал Пашка и посмотрел на Саньку. – Вот как бьют наши батареи.

– Плохо дело фашистам, – как эхо, повторил хриплый голос.

И тут мы увидели, что под кустом стоит седой борода-тый старик.

У старика были могучие плечи. В руках он держал тяжёлую суковатую дубинку, а у его ног стояла высокая лохматая собака и скалила зубы на поджавшего хвост Пашкиного Шарика.

Старик приподнял широченную соломенную шляпу, важно поклонился сначала Светлане, потом уже всем нам. Потом он положил дубинку на траву, достал кривую трубку, набил её табаком и стал раскуривать.

Он раскуривал долго, то приминая табак пальцем, то ворочая его гвоздём, как кочергой в печке.

Наконец раскурил и тогда так запыхтел и задымил, что сидевший на дереве красноармеец зачихал и кашлянул.

Тут снова загремела батарея, и мы увидели, что пустое и тихое поле разом ожило, зашумело и зашевелилось.

Из-за кустарника, из-за бугров, из-за канав, из-за кочек – отовсюду с винтовками наперевес выскакивали красноармейцы.

Они бежали, прыгали, падали, поднимались снова. Они сдвигались, смыкались, их становилось всё больше и больше; наконец с громкими криками всей громадой они ринулись в штыки на вершину пологого холма, где ещё дымилось облако пыли и дыма.

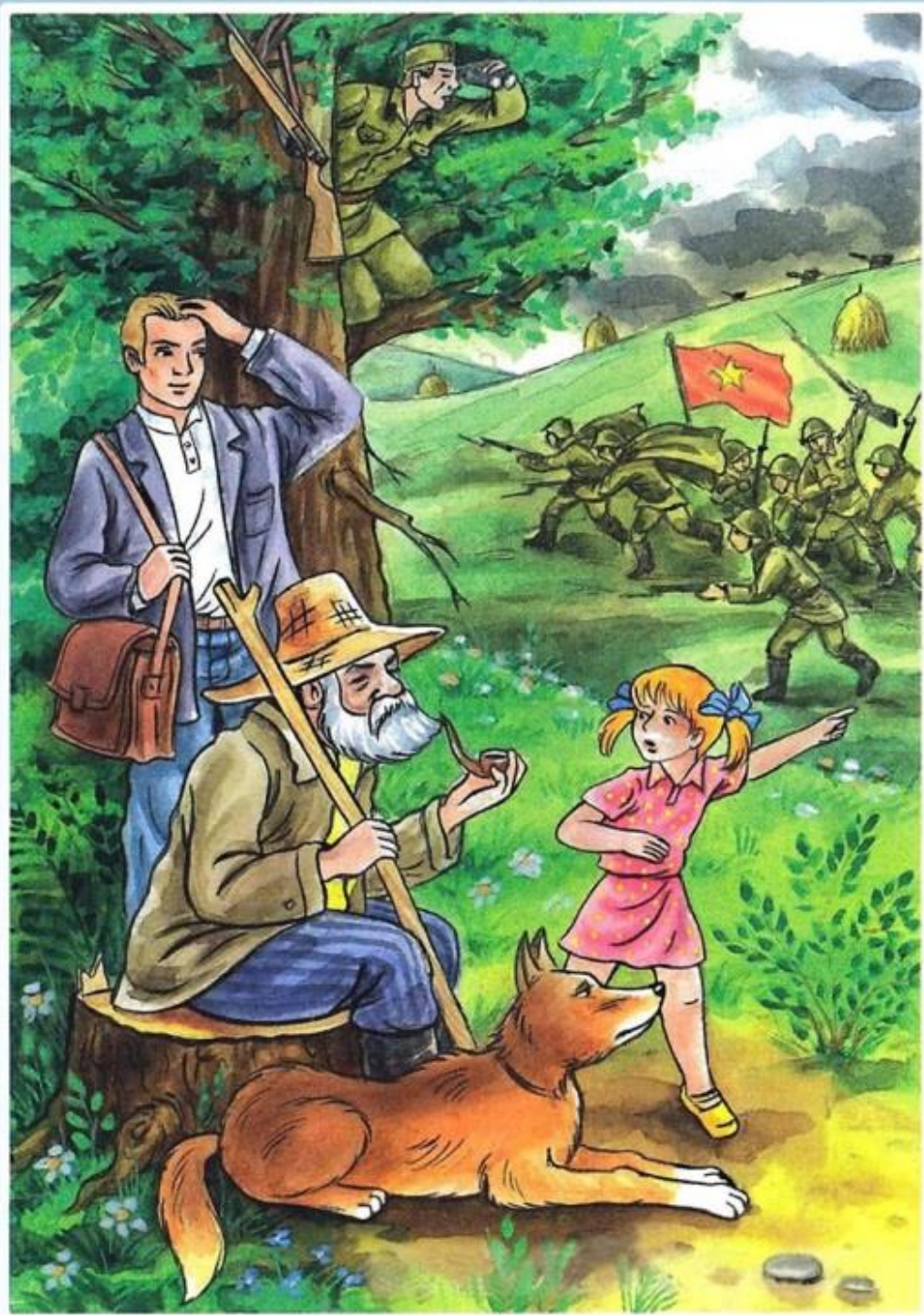
Потом всё стихло. С вершины замахал флагами еле нам заметный и точно игрушечный сигналист. Резко заиграла «отбой» военная труба.

Обламывая тяжёлыми сапогами сучья, слез красноармеец-наблюдатель с дерева. Быстро погладил Светлану, сунул ей в руку три блестящих жёлудя и торопливо убежал, сматывая на катушку тонкий телефонный провод.

Военное учение закончилось.

– Ну, видал? – подталкивая Саньку локтем, укоризнен-

Тут снова загрела батарея, и мы увидели, что пустое и тихое поле разом ожило, зашумело и зашевелилось. Отовсюду с винтовками наперевес выскакивали красноармейцы.

но сказал Пашка. – Это тебе не чижом по затылку. Тут вам быстро пособьют макушки.

– Странные я слышу разговоры, – двигаясь вперёд, сказал бородатый старик. – Видно, я шестьдесят лет прожил, а ума не нажил. Ничего мне не понятно. Тут, под горой, наш колхоз «Рассвет». Кругом это наши поля: овёс, гречиха, просо, пшеница. Это на реке наша новая мельница. А там, в роще, наша большая пасека. И над всем этим я главный сторож. Видал я жуликов, ловил и конокрадов, но чтобы на моём участке появился хоть один фашист – при Советской власти этого ещё не бывало ни разу. Подойди ко мне, Санька – грозный человек. Дай я на тебя хоть посмотрю. Да постой, постой, ты только слюни подбери и нос вытри. А то мне и так на тебя взглянуть страшно.

Всё это неторопливо сказал насмешливый старик и с любопытством заглянул из-под мохнатых бровей... на вытаращившего глаза изумлённого Саньку.

– Неправда! – шмыгнув носом, завопил оскорблённый Санька. – Я не фашист, а весь советский. А девчонка Берта давно уже не сердится и вчера откусила от моего яблока больше половины. А этот Пашка всех мальчишек на меня натравливает. Сам ругается, а у меня пружину зажулил. Раз я фашист, значит, и пружина фашистская. А он из неё для своей собаки какую-то качалку сделал. Я ему говорю: «Давай, Пашка, помиримся», – а он говорит: «Сначала отдеру, а потом помиримся».

– Надо без дранья мириться, – убеждённо сказала Светлана. – Надо сцепиться мизинцами, поплювать на землю и сказать: «Ссор, ссор никогда, а мир, мир навсегда». Ну, сцепляйтесь! А ты, главный сторож, крикни на свою страшную собаку, и пусть она нашего маленького Шарика не путает.

– Назад, Полкан! – крикнул сторож. – Ляжь на землю и своих не трогай!

– Ах, вот это кто! Вот он, Полкан-великан, лохматый и зубатый.

Постояла Светлана, покрутилась, подошла поближе и погрозила пальцем:

– И я своя, а своих не трогай!

Поглядел Полкан: глаза у Светланы ясные, руки пахнут травой и цветами. Улыбнулся и вильнул хвостом.

Завидно тогда стало Саньке с Пашкой, подвинулись они и тоже просят:

– И мы свои, а своих не трогай!

Подозрительно потянул Полкан носом: не пахнет ли от хитрых мальчишек морковкой из колхозных огородов? Но тут, как нарочно, вздымая пыль, понёсся по тропинке шальной жеребёнок. Чихнул Полкан, так и не разобравши. Тронуть не тронул, но хвостом не вильнул и гладить не позволил.

– Нам пора, – спохватился я. – Солнце высоко, скоро полдень. Ух, как жарко!

– До свидания! – звонко попрощалась со всеми Светлана. – Мы опять уходим далеко.

– До свидания! – дружно ответили уже помирившиеся ребяташки. – Приходите к нам опять издалека.

– До свидания, – улыбнулся глазами сторож. – Я не знаю, куда вы идёте и чего ищете, но только знайте: самое плохое для меня далеко – это налево у реки, где стоит наше старое сельское кладбище. А самое хорошее далеко – это направо, через луг, через овраги, где роют камень. Дальше идите перелеском, обогнёте болото. Там, над озером, раскинулся большущий сосновый лес. Есть в нём и грибы, и цветы, и малина. Там стоит на берегу дом. В нём живут моя дочь Валентина и её сын Фёдор. И если туда попадёте, то от меня им поклонитесь.

Тут чудной старик приподнял свою шляпу, свистнул собаку, запыхтел трубкой, оставляя за собой широкую полосу густого дыма, и зашагал к жёлтому гороховому полю.

Переглянулись мы со Светланой – что нам печальное

кладбище! Взялись мы за руки и повернули направо, в самое хорошее далеко.

Перешли мы луга и спустились в овраги.

Видели мы, как из чёрных глубоких ям тащат люди белый, как сахар, камень. И не один какой-нибудь заваливающийся камешек. Навалили уже целую гору. А колёса всё крутятся, тачки скрипят. И ещё везут. И ещё наваливают.

Видно, немало всяких камней под землёй запрятано.

Захотелось и Светлане заглянуть под землю. Долго, лёжа на животе, смотрела она в чёрную яму. А когда оттащил я её за ноги, то рассказала она, что видела сначала только одну темноту. А потом разглядела под землёй какое-то чёрное море, и кто-то там в море шумит и ворочается. Должно быть, рыба акула с двумя хвостами: один хвост спереди, другой – сзади. И ещё почудился ей Страшила в триста двадцать пять ног. И с одним золотым глазом. Сидит Страшила и гудит.

Хитро посмотрел я на Светлану и спросил, не видала ли она там заодно пароход с двумя трубами, серую обезьяну на дереве и белого медведя на льдине.

Подумала Светлана, вспомнила. И оказывается, что тоже видала.

Погрозил я ей пальцем: ой, не врёт ли? Но она в ответ рассмеялась и со всех ног пустилась бежать.

Шли мы долго, часто останавливались, отдыхали и рвали цветы. Потом, когда тащить надоедало, оставляли букеты на дороге.

Я один букет бросил старой бабке в телегу. Испугалась сначала бабка, не разобравши, что такое, и погрозила нам кулаком. Но потом увидела, улыбнулась и кинула с воза три больших зелёных огурца.

Огурцы мы подняли, вытерли, положили в сумку и весело пошли своей дорогой.

Встретили мы на пути деревеньку, где живут те, что пахут землю, сеют в поле хлеб, садят картошку, капусту, свёклу или в садах и огородах работают.

Встретили мы за деревней и невысокие зелёные могилы, где лежат те, что своё уже отсеяли и отработали.

Попалось нам дерево, разбитое молнией.

Наткнулись мы на табун лошадей, из которых каждая — хоть самому Будённому. Увидали мы и попа в длинном чёрном халате. Посмотрели ему вслед и подивились тому, что остались ещё на свете чудаки люди.

Потом забеспокоились мы, когда потемнело небо. Сбежались отовсюду облака. Окружили они, поймали и закрыли солнце. Но оно упрямо вырывалось то в одну, то в другую дыру. Наконец вырвалось и засверкало над огромной землёй ещё горячей и ярче.

Далеко позади остался наш серый домик с деревянной крышей.

И Маруся, должно быть, давно уже вернулась. Поглядела — нет. Поискала — не нашла. Сидит и ждёт, глупая!

— Папа! — сказала наконец уставшая Светлана. — Давай с тобой где-нибудь сядем и что-нибудь поедим.

Стали искать и нашли мы такую полянку, какая не каждому попадётся на свете.

С шумом распахнулись перед нами пышные ветви дикого орешника. Встала остриём к небу молодая серебристая ёлка. И тысячами, ярче, чем флаги в Первое мая, — синие, красные, голубые, лиловые, — окружали ёлку душистые цветы и стояли не шелохнувшись.

Даже птицы не пели над той поляной — так было тихо.

Только серая дура-ворона бухнулась с лёту на ветку, огляделась, что не туда попала, каркнула от удивления: «Карр... карр...» — и сейчас же улетела прочь к своим поганым мусорным ямам.

— Садись, Светлана, стереги сумку, а я схожу и наберу в фляжку воды. Да не бойся: здесь живёт всего только один зверь — длинноухий заяц.

— Даже тысячи зайцев я и то не боюсь, — смело ответила Светлана, — но ты приходи поскорее всё-таки.

Вода оказалась не близко, и, возвращаясь, я уже беспокоился о Светлане.

Но она не испугалась и не плакала, а пела.

Я спрятался за кустом и увидел, что рыжеволосая толстая Светлана стояла перед цветами, которые поднимались ей до плеч, и с воодушевлением распевала такую только что сочинённую песню:

Гей!.. Гей!..

Мы не разбивали голубой чашки.

Нет!.. Нет!..

В поле ходит сторож полей.

Но мы не лезли за морковкой в огород.

И я не лазила, и он не лез.

А Санька один раз в огород лез.

Гей!.. Гей!..

В поле ходит Красная Армия.

(Это она пришла из города.)

Красная Армия – самая красная,

А белая армия – самая белая.

Тру-ру-ру! Тра-та-та!

Это барабанщики,

Это лётчики,

Это барабанщики летят на самолётах.

И я, барабанщица, здесь стою.

Молча и торжественно выслушали эту песню высокие цветы и тихо закивали Светлане своими пышными головками.

– Ко мне, барабанщица! – крикнул я, раздвигая кусты. – Есть холодная вода, красные яблоки, белый хлеб и жёлтые пряники. За хорошую песню ничего не жалко.

Чуть-чуть смутилась Светлана. Укоризненно качнула головой и, совсем как Маруся прищутив глаза, сказала:

– Спрятался и подслушивает. Стыдно, дорогой товарищ!

Вдруг Светлана притихла и задумалась.

А тут ещё, пока мы ели, вдруг спустился на ветку серый чиж и что-то такое зачирикал.

Это был смелый чиж. Он сидел прямо напротив нас, подпрыгивал, чирикал и не улетал.

– Это знакомый чиж, – твёрдо решила Светлана. – Я его видела, когда мы с мамой качались в саду на качелях. Она меня высоко качала. Фють!.. Фють!.. И зачем он к нам прилетел так далеко?

– Нет! Нет! – решительно ответил я. – Это совсем другой чиж. Ты ошиблась, Светлана. У того чижа на хвосте не хватает перьев, которые выдрала ему хозяйкина одноглазая кошка. Тот чиж потолще, и он чирикает совсем не таким голосом.

– Нет, тот самый! – упрямо повторила Светлана. – Я знаю. Это он за нами прилетел так далеко.

– Гей, гей! – печальным басом пропел я. – Но мы не разбивали голубой чашки. И мы решили уйти насовсем далеко.

Сердито чирикнул серый чиж. Ни один цветок из целого миллиона не качнулся и не кивнул головой. И нахмурившаяся Светлана строго сказала:

– У тебя не такой голос. И люди так не поют. А только медведи.

Молча собрались мы. Вышли из рощи. И вот, мне на счастье, засверкала под горой прохладная голубая река.

И тогда я поднял Светлану. И когда она увидела песчаный берег, зелёные острова, то позабыла всё на свете и, радостно захлопав в ладоши, закричала:

– Купаться! Купаться! Купаться!

Чтобы сократить путь, мы пошли к речке напрямик через сырые луга.

Вскоре мы оказались перед густыми зарослями болотного кустарника. Возвращаться нам не хотелось, и мы решили как-нибудь пробраться. Но чем дальше мы продвигались, тем крепче стягивалось вокруг нас болото.

Мы кружили по болоту, поворачивали направо, налево, перебирались по хлюпким жёрдочкам, прыгали с кочки на кочку. Промокли, измазались, но согреться не могли никак.

А где-то совсем неподалёку за кустами ворочалось и мычало стадо, щёлкал кнутом пастух и сердито лаяла почуявшая нас собачонка. Но мы не видели ничего, кроме ржавой болотной воды, гнилого кустарника и осоки.

Уже тревога выступила на веснушчатом лице притихшей Светланки. Чаше и чаще она оборачивалась, заглядывая мне в лицо с молчаливым упрёком: «Что ж это, папка? Ты большой, сильный, а нам совсем плохо!»

– Стой здесь и не сходи с места! – приказал я, поставив Светлану на клочок сухой земли.

Я завернул в чашу, но в той стороне оказалась только переплетённая жирными болотными цветами зелёная жижа.

Я вернулся и увидел, что Светлана вовсе не стоит, а осторожно, придерживаясь за кусты, пробирается мне навстречу.

– Стой, где поставили! – резко сказал я.

Светлана остановилась. Глаза её замигали и губы дёрнулись.

– Что же ты кричишь? – дрогнувшим голосом тихо спросила она. – Я босая, а там лягушки – и мне страшно.

И очень жалко стало мне тогда попавшую из-за меня в беду Светланку.

– На, возьми палку, – крикнул я, – и бей их, негодных лягушек, по чему попало! Только стой на месте! Сейчас переберёмся.

Я опять свернул в чашу и рассердился. Что это? Разве сравнить это поганое болотце с бескрайними камышами широкого Приднепровья или с угрюмыми плавнями Ахтырки, где громили и душили мы когда-то белый врангельский десант!

С кочки на кочку, от куста к кусту. Раз – и по пояс в воду. Два – и захрустела сухая осина. Вслед за осиной полетело в грязь и трухлявое бревно. Тяжело хлюпнулся туда же гнилой пень. Вот и опора. Вот ещё одна лужа. И вот он и сухой берег.

И, раздвинув тростник, я очутился возле испуганно подскочившей козы.

– Эгей-гей! Светлана! – закричал я. – Ты стоишь?

– Эгей-гей! – тихо донёсся из чащи жалобный тоненький голос. – Я сто-о-ю!

Мы выбрались к реке. Мы счистили всю грязь и тину, которые облепили нас со всех сторон. Мы выполоскали одежду, и, пока она сохла на раскалённом песке, мы купались.

И все рыбы с ужасом умчались прочь в свою глубокую глубину, когда мы с хохотом взбивали сверкающие пенистые водопады.

И чёрный усатый рак, которого я вытащил из его подводной страны, ворочая своими круглыми глазами, в страхе забился и запрыгал: должно быть, впервые увидел самое нестерпимо яркое солнце и такую нестерпимо рыжую девчонку. И тогда, изловчившись, он злобно хватил Светлану за палец. С криком отбросила его Светлана в самую середину гусяного стада. Шарахнулись в стороны глупые толстые гусята.

Но подошёл сбоку старый серый гусь. Много он видал и пострашней на свете. Скосил он голову, посмотрел одним глазом, клюнул – тут ему, раку, и смерть пришла.

...Но вот мы выкупались, обсохли, оделись и пошли дальше.

И опять нам всякого по пути попадалось немало: и люди, и кони, и телеги, и машины, и даже серый зверь – ёж, которого мы прихватили с собой. Да только он скоро наколол нам руки, и мы его столкнули в студёный ручей.

Фыркнул ёж и поплыл на другой берег. «Вот, – думает, – безобразники! Поищи-ка теперь отсюда свою нору».

И вышли мы наконец к озеру.

Здесь-то и кончалось самое далёкое поле колхоза «Рассвет», а на том берегу уже расстилались земли «Красной зари».

Тут мы увидели на опушке бревенчатый дом и сразу же догадались, что здесь живёт дочь сторожа Валентина и её сын Фёдор.

Мы подошли к ограде с той стороны, откуда караулили усадьбу высокие, как солдаты, цветы-подсолнухи.

На крыльце, в саду, стояла сама Валентина. Была она высокая, широкоплечая, как и её отец, сторож. Ворот голубой кофты был распахнут. В одной руке она держала половую щётку, а в другой – мокрую тряпку.

– Фёдор! – строго кричала она. – Ты куда, негодник, серую кастрюлю задевал?

– Во-на! – раздался из-под малины важный голос, и белобрысый Фёдор показал на лужу, где плавала груженная щепками и травой кастрюля.

– А куда, бесстыдник, решето спрятал?

– Во-на! – всё так же важно ответил Фёдор и показал на придавленное камнем решето, под которым что-то ворочалось.

– Вот погоди, атаман!.. Придёшь домой, я тебя мокрой тряпкой приглажу, – пригрозила Валентина и, увидав нас, одёрнула подоткнутую юбку.

– Здравствуйте! – сказал я. – Вам отец шлёт поклон.

– Спасибо, – отозвалась Валентина. – Заходите в сад, отдохните.

Мы прошли через калитку и улеглись под спелой яблоней.

Толстый сын Фёдор был только в одной рубашке, а перепачканные глиной мокрые штаны валялись в траве.

– Я малину ем, – серьёзно сообщил нам Фёдор. – Два куста объел. И ещё буду.

– Ешь на здоровье, – пожелал я. – Только смотри, друг, не лопни.

Фёдор остановился, потыкал себя кулаком в живот, сердито взглянул на меня и, захватив свои штаны, вперевалку пошёл к дому.

Долго мы лежали молча. Мне показалось, что Светлана уснула. Я повернулся к ней и увидел, что она вовсе не спит, а, затаив дыхание, смотрит на серебристую бабочку, которая тихонько ползёт по рукаву её розового платья.

И вдруг раздался мощный рокочущий гул, воздух задрожал, и блестящий самолёт, как буря, промчался над вершинами тихих яблонь.

Вздрогнула Светлана, вспорхнула бабочка, слетел с забора жёлтый петух, с криком промелькнула поперёк неба испуганная галка – и всё стихло.

– Это тот самый лётчик пролетел, – с досадой сказала Светлана, – это тот, который приходил к нам вчера.

– Почему же тот? – приподнимая голову, спросил я. – Может быть, это совсем другой.

– Нет, тот самый. Я сама вчера слышала, как он сказал маме, что он улетает завтра далеко и насовсем. Я ела красный помидор, а мама ему ответила: «Ну, прощайте. Счастливый путь...» Папка, – усаживаясь мне на живот, попросила Светлана, – расскажи что-нибудь про маму. Ну, например, как всё было, когда меня ещё не было.

– Как было? Да всё так же и было. Сначала день, потом ночь, потом опять день, и ещё ночь...

– И ещё тысячу дней! – нетерпеливо перебила Светлана. – Ну, вот ты и расскажи, что в эти дни было. Сам знаешь, а притворяешься...

– Ладно, расскажу, только ты слезь с меня на траву. Как-то мне рассказывать тяжело будет. Ну, слушай!..

Было тогда нашей Марусе семнадцать лет. Напали на их городок белые, схватили они Марусиного отца и посадили его в тюрьму. А матери у ней давно уже не было, и осталась наша Маруся совсем одна...

– Что-то её жалко становится, – подвигаясь поближе, вставила Светлана. – Ну, рассказывай дальше.

– Накинула Маруся платок и выбежала на улицу. А на улице белые солдаты ведут в тюрьму и рабочих и работниц. А буржуи, конечно, белым рады, и всюду в ихних домах горят огни, играет музыка. И некуда нашей Марусе пойти, и некому рассказать ей про своё горе...

– Что-то уже совсем жалко, – нетерпеливо перебила Светлана. – Ты, папка, до красных скорее рассказывай.

– Вышла тогда Маруся за город. Луна светила. Шумел ветер. И раскинулась перед Марусей широкая степь...

– С волками?

– Нет, без волков. Волки тогда от стрельбы все по лесам попрятались. И подумала Маруся: «Убегу я через степь в город Белгород.

Там стоит Красная Армия товарища Ворошилова. Он, говорят, очень храбрый. И если попросить, то, может быть, и поможет».

А того не знала глупая Маруся, что не ждёт никогда Красная Армия, чтобы её просили. А сама она мчится на помощь туда, где напали белые. И уже близко от Маруси продвигаются по степи наши красноармейские отряды. И каждая винтовка заряжена на пять патронов, а каждый пулемёт – на двести пятьдесят.

Ехал я тогда по степи с военным дозором. Вдруг мелькнула чья-то тень и сразу – за бугор. «Ага! – думаю. – Стой, белый разведчик. Дальше не уйдёшь никуда».

Ударил я коня шпорами. Выскочил за бугор. Гляжу – что за чудо: нет белого разведчика, а стоит под луной какая-то девчонка. Лица не видно, и только волосы по ветру развеваются.

Соскочил я с коня, а наган на всякий случай в руке держу. Подошёл и спрашиваю: «Кто ты и зачем в полночь по степи бегаешь?»

А луна вышла бо-ольшая, большущая! Увидала дев-

чонка на моей папaxe красноармейскую звезду, обняла меня и заплакала.

Вот тут-то мы с ней, с Марусей, и познакомились.

А под утро из города белых мы выбили. Тюрьмы раскрыли и рабочих выпустили.

Вот лежу я днём в лазарете. Грудь у меня немного прострелена. И плечо болит: когда с коня падал, о камень ударился.

Приходит ко мне мой командир эскадрона и говорит:

«Ну, прощай, уходим мы дальше за белыми. На тебе в подарок от товарищей хорошего табаку и бумаги, лежи спокойно и скорее выздоравливай».

Вот и день прошёл. Здравствуй, вечер! И грудь болит, и плечо ноет. И на сердце скучно. Скучно, друг Светлана, одному быть, без товарищей!

Вдруг раскрылась дверь, и быстро, бесшумно вошла на носках Маруся! И так я тогда обрадовался, что даже вскрикнул.

А Маруся подошла, села рядом и положила руку на мою совсем горячую голову и говорит:

«Я тебя весь день после боя искала. Больно тебе, милый?»

А я говорю:

«Наплевать, что больно, Маруся. Отчего ты такая бледная?»

«Ты спи, – ответила Маруся. – Спи крепко. Я около тебя все дни буду».

Вот тогда-то мы с Марусей во второй раз встретились и с тех пор уж всегда жили вместе.

– Папка, – взволнованно спросила тогда Светлана. – Это ведь мы не по правде ушли из дома? Ведь она нас любит. Мы только походим, походим и опять придём.

– Откуда ты знаешь, что любит? Может быть, тебя ещё любит, а меня уже нет.

– Ой, врѐ-ѐшь! – покачала головой Светлана, – Я вчера ночью проснулась, смотрю, мама отложила книгу, повернулась к тебе и долго на тебя смотрит.

– Эко дело, что смотрит! Она и в окошко смотрит, на всех людей смотрит! Есть глаза, вот и смотрит.

– Ой, нет! – убеждённо возразила Светлана. – Когда в окошко, то смотрит совсем не так, а вот как...

Тут Светлана вздёрнула тоненькие брови, склонила набок голову, поджала, губы и равнодушно взглянула на проходящего мимо петуха.

– А когда любят, смотрят не так.

Как будто сияние озарило голубые Светланкины глаза, вздрогнули опустившиеся ресницы, и милый задумчивый Марусин взгляд упал мне на лицо.

– Разбойница! – подхватывая Светлану, крикнул я. – А как ты на меня вчера смотрела, когда разлила чернила?

– Ну, тогда ты меня за дверь выгнал, а выгнанные смотрят всегда сердито.

Мы не разбивали голубой чашки. Это, может быть, сама Маруся что-нибудь разбила. Но мы её простили. Мало ли кто на кого понапрасну плохое подумает? Однажды и Светлана на меня подумала. Да я и сам на Марусю плохое подумал тоже. И я пошёл к хозяйке Валентине, чтобы спросить, нет ли нам к дому дороги поближе.

– Сейчас муж на станцию поедет, – сказала Валентина. – Он вас доведёт до самой мельницы, а там уже и недалеко.

Возвращаясь в сад, я встретил у крыльца смущённую Светлану.

– Папа, – таинственным шёпотом сообщила она, – этот сын Фёдор вылез из малины и тянет из твоего мешка пряники.

Мы пошли к яблоне, но хитрый сын Фёдор, увидав нас, поспешно скрылся в гуще подзаборных лопухов.

– Фёдор! – позвал я. – Иди сюда, не бойся.

Верхушки лопухов закачались, и было ясно, что Фёдор решительно удаляется прочь.

– Фёдор! – повторил я. – Иди сюда. Я тебе все пряники отдам.

Лопухи перестали качаться, и вскоре из чаши донеслось тяжёлое сопение.

– Я стою, – раздался наконец сердитый голос, – тут без штанов, везде крапива.

Тогда, как великан над лесом, зашагал я через лопухи, достал сурового Фёдора и высыпал перед ним все остатки из мешка.

Он неторопливо подобрал всё в подол рубашки и, не сказав даже «спасибо», направился в другой конец сада.

– Ишь, какой важный, – неодобрительно заметила Светлана, – снял штаны и ходит как барин!

К дому подкатила запряжённая парой телега. На крыльцо вышла Валентина:

– Собирайтесь, кони хорошие – домчат быстро.

Опять показался Фёдор. Был он теперь в штанах и, быстро шагая, тащил за шиворот хорошенького дымчатого котёнка. Должно быть, котёнок привык к таким ухваткам, потому что он не вырывался, не мяукал, а только нетерпеливо вертел пушистым хвостом.

– На! – сказал Фёдор и сунул котёнка Светлане.

– Насовсем? – обрадовалась Светлана и нерешительно взглянула на меня.

– Берите, берите, если надо, – предложила Валентина. – У нас этого добра много. Фёдор! А ты зачем пряники в капустные грядки спрятал? Я через окно всё видела.

– Сейчас пойду ещё дальше спрячу, – успокоил её Фёдор и ушёл вперевалку, как важный косолапый медвежонок.

– Весь в деда, – улыбнулась Валентина. – Этакий здоровоила. А всего только четыре года.

...Мы ехали широкой ровной дорогой. Наступал вечер.
Шли нам навстречу с работы усталые, но весёлые люди.

Прогрохотал в гараж колхозный грузовик.

Пропела в поле военная труба.

Звякнул в деревне сигнальный колокол.

Загудел за лесом тяжёлый-тяжёлый паровоз. Ту-у!..
Ту!.. Крутитесь, колёса, торопитесь, вагоны, дорога железная, длинная, далёкая!

И, крепко прижимая пушистого котёнка, под стук телеги счастливая Светлана распевала такую песню:

Чики-чики!

Ходят мыши.

Ходят с хвостами,

Очень злые.

Лезут всюду.

Лезут на полку.

Трах-тарарах!

И летит чашка.

А кто виноват?

Ну, никто не виноват.

Только мыши

Из чёрных дыр.

– Здравствуйте, мыши!

Мы вернулись.

И что же такое

С собой несём?..

Оно мяукает,

Оно прыгает

И пьёт из блюдечка молоко.

Теперь убирайтесь

В чёрные дыры,

Или оно вас разорвёт

На куски,

На десять кусков,

На двадцать кусков,

На сто миллионов
Лохматых кусков.

Возле мельницы мы спрыгнули с телеги.

Слышно было, как за оградой Пашка Букамашкин, Санька, Берта и ещё кто-то играли в чижа.

– Ты не жульничай! – кричал Берте возмущённый Санька. – То на меня говорили, а то сами нашагивают.

– Кто-то там опять нашагивает, – объяснила Светлана, – должно быть, сейчас снова поругаются. – И, вздохнув, она добавила: – Такая уж игра!

С волнением приближались мы к дому. Оставалось только завернуть за угол и подняться наверх.

Вдруг мы растерянно переглянулись и остановились.

Ни дырявого забора, ни высокого крыльца ещё не было видно, но уже показалась деревянная крыша нашего серого домика, и над ней с весёлым жужжанием крутилась наша роскошная сверкающая вертушка.

– Это мамка сама на крышу лазила! – взвизгнула Светлана и рванула меня вперёд.

Мы вышли на горку.

Оранжевые лучи вечернего солнца озарили крыльцо. И на нём в красном платье, без платка и в сандалиях на босу ногу, стояла и улыбалась наша Маруся.

– Смейся, смейся! – разрешила ей подбежавшая Светлана. – Мы тебя всё равно уже простили.

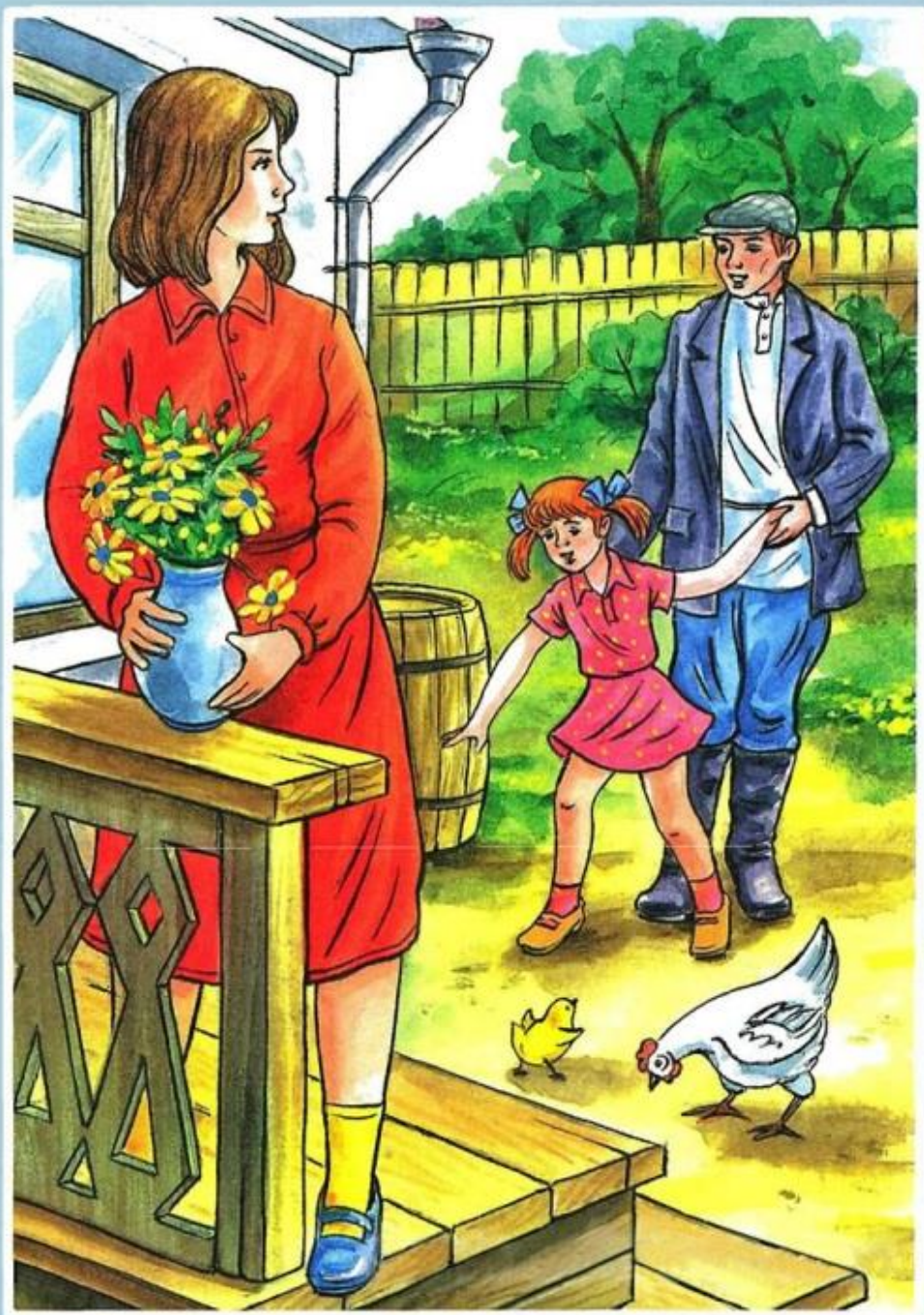
Подошёл и я, посмотрел Марусе в лицо.

Глаза Маруси были карие, и смотрели они ласково. Видно было, что ждала она нас долго, наконец-то дождалась и теперь крепко рада.

«Нет, – твёрдо решил я, отбрасывая носком сапога валявшиеся черепки голубой чашки. – Это всё только серые злые мыши. И мы не разбивали. И Маруся ничего не разбивала тоже».

...А потом был вечер. И луна и звёзды.

Долго втроем сидели мы в саду под спелой вишней, и

На крыльце стояла и улыбалась наша Маруся.
— Смейся, смейся! — разрешила ей подбежавшая Светлана.
— Мы тебя всё равно уже простили.

Маруся нам рассказывала, где была, что делала и что видела.

А уж Светланкин рассказ затянулся бы, вероятно, до полуночи, если бы Маруся не спохватилась и не погнала её спать.

– Ну что?! – забирая с собой сонного котёнка, спросила меня хитрая Светланка. – А разве теперь у нас жизнь плохая?

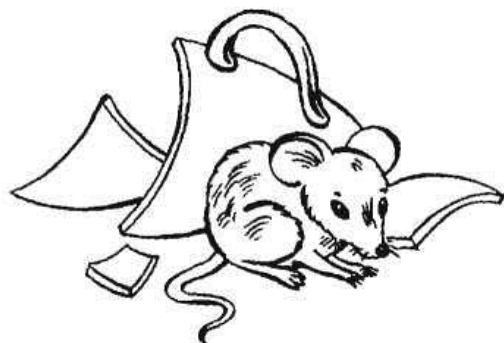
Поднялись и мы.

Золотая луна сияла над нашим садом.

Прогремел на север далёкий поезд.

Прогудел и скрылся в тучах полуночный лётчик.

А жизнь, товарищи... была совсем хорошая!

ЧУК И ГЕК

Жил человек в лесу возле Синих гор. Он много работал, а работы не убавлялось, и ему нельзя было уехать домой в отпуск.

Наконец, когда наступила зима, он совсем заскучал, попросил разрешения у начальников и послал своей жене письмо, чтобы она приезжала вместе с ребятишками к нему в гости.

Ребятишек у него было двое – Чук и Гек.

А жили они с матерью в далёком огромном городе, лучше которого и нет на свете.

Днём и ночью сверкали над башнями этого города красные звёзды.

И, конечно, этот город назывался Москва.

Как раз в то время, когда почтальон с письмом поднимался по лестнице, у Чука с Геком был бой. Короче говоря, они просто выли и дрались.

Из-за чего началась эта драка, я уже позабыл. Но помнится мне, что или Чук стащил у Гека пустую спичечную коробку, или, наоборот, Гек стянул у Чука жестянку из-под ваксы.

Только что оба эти брата, стукнув по разу друг друга кулаками, собирались стукнуть по второму, как загремел звонок, и они с тревогой переглянулись. Они подумали, что пришла их мама. А у этой мамы был странный характер. Она не ругалась за драку, не кричала, а просто разводила драчунов по разным комнатам и целый час, а то и два не позволяла им играть вместе. А в одном часе – тик да так – целых шестьдесят минут. А в двух часах и того больше.

Вот почему оба брата мигом вытерли слёзы и бросились открывать дверь.

Но, оказывается, это была не мать, а почтальон, который принёс письмо.

Тогда они закричали:

– Это письмо от папы! Да, да, от папы! И он, наверное, скоро приедет.

Тут, на радостях, они стали скакать, прыгать и кувыркаться по пружинистому дивану. Потому что хотя Москва и самый замечательный город, но когда папа вот уже целый год не был дома, то и в Москве может стать скучно.

И так они развеселились, что не заметили, как вошла их мама.

Она очень удивилась, увидав, что оба её прекрасных сына, лёжа на спинах, орут и колотят каблуками по стене, да так здорово, что трясутся картины над диваном и гудит пружина стенных часов.

Но когда мать узнала, отчего такая радость, то сыновей не заругала. Она только турнула их с дивана.

Кое-как сбросила она шубку и схватила письмо, даже не стряхнув с волос снежинок, которые теперь растаяли и сверкали, как искры, над её тёмными бровями.

Всем известно, что письма бывают весёлые или печальные, и поэтому, пока мать читала, Чук и Гек внимательно следили за её лицом.

Сначала мать нахмурилась, и они нахмурились тоже. Но потом она заулыбалась, и они решили, что это письмо весёлое.

– Отец не приедет, – откладывая письмо, сказала мать, – у него ещё много работы, и его в Москву не отпускают.

Обманутые Чук и Гек растерянно глянули друг на друга. Письмо оказалось самым что ни на есть распечальным.

Они разом надулись, засопели и сердито посмотрели на мать, которая неизвестно чему улыбалась.

– Он не приедет, – продолжала мать, – но он зовёт нас всех к себе в гости.

Чук и Гек спрыгнули с дивана.

– Он чудак человек, – вздохнула мать. – Хорошо сказать в гости! Будто бы это сел на трамвай и поехал...

– Да, да, – быстро подхватил Чук, – раз он зовёт, так мы сядем и поедem.

– Ты глупый, – сказала мать. – Туда ехать тысячу и ещё тысячу километров поездом. А потом в санях лошаадьми через тайгу. А в тайге наткнёшься на волка или на медведя. И что это за странная затея! Вы только подумайте сами!

– Гей-гей! – Чук и Гек не думали и полсекунды, а в один голос заявили, что они решили ехать не только тысячу, а даже сто тысяч километров. Им ничего не страшно. Они храбрые. И это они вчера прогнали камнями заскочившую во двор чужую собаку.

И так они говорили долго, размахивали руками, притопывали, подпрыгивали, а мать сидела молча, всё их слушала, слушала. Наконец рассмеялась, схватила обоих на руки, завертела и свалила на диван.

Знайте, она давно уже ждала такого письма, и это она только нарочно поддразнивала Чука и Гека, потому что весёлый у неё был характер.

Прошла целая неделя, прежде чем мать собрала их в дорогу. Чук и Гек времени даром не теряли тоже.

Чук смастерил себе кинжал из кухонного ножика, а Гек разыскал себе гладкую палку, забил в неё гвоздь, и получилась пика, до того крепкая, что если бы чем-нибудь проколоть шкуру медведя, а потом ткнуть этой пикой в сердце, то, конечно, медведь сдох бы сразу.

Наконец все дела были закончены. Уже запаковали багаж. Приделали второй замок к двери, чтобы не обокрали квартиру воры. Вытряхнули из шкафа остатки хлеба, муки и крупы, чтобы не развелись мыши. И вот мать уехала на вокзал покупать билеты на вечерний завтрашний поезд.

Но тут без неё у Чука с Геком получилась ссора.

Ах, если бы только знали они, до какой беды доведёт их эта ссора, то ни за что бы в этот день они не поссорились!

У запасливого Чука была плоская металлическая коробочка, в которой он хранил серебряные бумажки от чая, конфетные обёртки (если там был нарисован танк, самолёт или красноармеец), галчиные перья для стрел, конский волос для китайского фокуса и ещё всякие очень нужные вещи.

У Гека такой коробочки не было. Да и вообще Гек был разиня, но зато он умел петь песни.

И вот как раз в то время, когда Чук шёл доставать из укромного места свою драгоценную коробочку, а Гек в комнате пел песни, вошёл почтальон и передал Чуку телеграмму для матери.

Чук спрятал телеграмму в свою коробочку и пошёл узнать, почему это Гек уже не поёт песни, а кричит:

Р-ра! Р-ра! Ура!

Эй! Бей! Турумбей!

Чук с любопытством приоткрыл дверь и увидел такой «турумбей», что от злости у него затряслись руки.

Посреди комнаты стоял стул, и на спинке его висела вся истыканная пикой, разлохмаченная газета. И это ничего. Но проклятый Гек, вообразив, что перед ним туша медведя, яростно тыкал пикой в жёлтую картонку из-под маминых ботинок. А в картонке у Чука хранилась сигнальная жестяная дудка, три цветных значка от Октябрьских праздников и деньги – сорок шесть копеек, которые он не истратил, как Гек, на разные глупости, а запасливо приберёт в дальнюю дорогу.

И, увидав продырявленную картонку, Чук вырвал у Гека пикку, переломил её о колено и швырнул на пол.

Но, как ястреб, налетел Гек на Чука и выхватил у него из рук металлическую коробку. Одним махом взлетел на подоконник и выкинул коробку через открытую форточку.

Чук увидел такой «турумбей», что от злости у него за-
тряслись руки. Гек, вообразив, что перед ним туша медведя,
яростно тыкал пикой в жёлтую картонку из-под маминых
ботинок.

Громко завопил оскорблённый Чук и с криком: «Телеграмма! Телеграмма!», в одном пальто, без калош и шапки, выскочил за дверь.

Почувяв неладное, вслед за Чуком понёсся Гек.

Но напрасно искали они металлическую коробочку, в которой лежала ещё никем не прочитанная телеграмма.

То ли она попала в сугроб и теперь лежала глубоко под снегом, то ли она упала на тропку и её утянул какой-либо прохожий, но, так или иначе, вместе со всем добром и нераспечатанной телеграммой коробка навеки пропала.

Вернувшись домой, Чук и Гек долго молчали. Они уже помирились, так как знали, что попадёт им от матери обоим. Но так как Чук был на целый год старше Гека, то, опасаясь, как бы ему не попало больше, он придумал:

– Знаешь, Гек, а что, если мы маме про телеграмму ничего не скажем? Подумаешь – телеграмма! Нам и без телеграммы весело.

– Врать нельзя, – вздохнул Гек. – Мама за враньё всегда ещё хуже сердится.

– А мы не будем врать! – радостно воскликнул Чук. – Если она спросит, где телеграмма, – мы скажем. Если же не спросит, то зачем нам вперёд выскакивать? Мы не выскочки.

– Ладно, – согласился Гек. – Если врать не надо, то так и сделаем. Это ты хорошо, Чук, придумал.

И только что они на этом порешили, как вошла мать. Она была довольна, потому что достала хорошие билеты на поезд, но всё же она сразу заметила, что у её дорогих сыновей лица печальные, а глаза заплаканы.

– Отвечайте, граждане, – отряхиваясь от снега, спросила мать, – из-за чего без меня была драка?

– Драки не было, – отказался Чук.

– Не было, – подтвердил Гек. – Мы только хотели подраться, да сразу раздумали.

– Очень я люблю такое раздумье, – сказала мать.

Она разделась, села на диван и показала им твёрдые зелёные билеты: один билет большой, а два маленьких. Вскоре они поужинали, а потом утих стук, погас свет, и все уснули.

А про телеграмму мать ничего не знала, поэтому, конечно, ничего не спросила.

Назавтра они уехали. Но так как поезд уходил очень поздно, то сквозь чёрные окна Чук и Гек при отъезде ничего интересного не увидели.

Ночью Гек проснулся, чтобы напиться. Лампочка на потолке была потушена, однако всё вокруг Гека было озарено голубым светом: и вздрагивающий стакан на покрытом салфеткой столике, и жёлтый апельсин, который казался теперь зеленоватым, и лицо мамы, которая, покачиваясь, спала крепко-крепко. Через снежное узорное окно вагона Гек увидел луну, да такую огромную, какой в Москве и не бывает. И тогда он решил, что поезд уже мчится по высоким горам, откуда до луны ближе.

Он растолкал маму и попросил напиться. Но пить ему она по одной причине не дала, а велела отломить и съесть дольку апельсина.

Гек обиделся, дольку отломил, но спать ему уже не захотелось. Он потолкал Чука – не проснётся ли. Чук сердито фыркнул и не просыпался. Тогда Гек надел валенки, приоткрыл дверь и вышел в коридор.

Коридор вагона был узкий и длинный. Возле наружной стены его были приделаны складные скамейки, которые сами с треском захлопывались, если с них слезешь. Сюда же, в коридор, выходило ещё десять дверей. И все двери были блестящие, красные, с жёлтыми золочёными ручками.

Гек посидел на одной скамейке, потом на другой, на третьей и так добрался почти до конца вагона. Но тут прошёл проводник с фонарём и пристыдил Гека, что люди спят, а он скамейками хлопает.

Проводник ушёл, а Гек поспешно направился к себе в купе. Он с трудом приоткрыл дверь. Осторожно, чтобы не разбудить маму, закрыл и кинулся на мягкую постель.

А так как толстый Чук развалился во всю ширь, то Гек бесцеремонно ткнул его кулаком, чтобы тот подвинулся.

Но тут случилось нечто страшное: вместо белобрысого, круглоголового Чука на Гека глянуло сердитое усатое лицо какого-то дядьки, который строго спросил:

– Это кто же здесь толкается?

Тогда Гек завопил что было мочи. Перепуганные пассажиры повскакали со всех полок, вспыхнул свет, и, увидав, что он попал не в своё купе, а в чужое, Гек заорал ещё громче. Но все люди быстро поняли, в чём дело, и стали смеяться. Усатый дядька надел брюки, военную гимнастёрку и отвёл Гека на место.

Гек проскользнул под своё одеяло и притих. Вагон покачивало, шумел ветер.

Невиданная огромная луна опять озаряла голубым светом вздрагивающий стакан, оранжевый апельсин на белой салфетке и лицо матери, которая во сне чему-то улыбалась и совсем не знала, какая беда приключилась с её сыном.

Наконец заснул и Гек.

...И снился Геку странный сон:

Как будто ожил весь вагон,

Как будто слышны голоса

От колеса до колеса.

Бегут вагоны – длинный ряд –

И с паровозом говорят.

Первый. Вперёд, товарищ! Путь далёк

Перед тобой во мраке лёг.

Второй. Светите ярче, фонари,

До самой утренней зари!

Третий. Гори, огонь! Труби, гудок!

Крутись, колёса, на восток!

Четвёртый. Тогда закончим разговор,

Когда домчим до Синих гор.

Когда Гек проснулся, колёса, уже без всяких разговоров, мерно постукивали под полом вагона. Сквозь морозные окна светило солнце. Постели были заправлены. Умытый Чук грыз яблоко. А мама и усатый военный против распахнутых дверей хохотали над ночными похождениями Гека. Чук сразу же показал Геку карандаш с наконечником из жёлтого патрона, который он получил в подарок от военного.

Но Гек до вещей был не завистлив и не жаден. Он, конечно, был растеря и разиня. Мало того, что он ночью забрался в чужое купе, – вот и сейчас он не мог вспомнить, куда засунул свои брюки. Но зато Гек умел петь песни.

Умывшись и поздоровавшись с мамой, он прижался лбом к холодному стеклу и стал смотреть, что это за край, как здесь живут и что делают люди.

И пока Чук ходил от дверей к дверям и знакомился с пассажирами, которые охотно дарили ему всякую ерунду – кто резиновую пробку, кто гвоздь, кто кусок кручёной бечёвки, – Гек за это время увидел через окно немало.

Вот лесной домик. В огромных валенках, в одной рубашке и с кошкой в руках выскочил на крыльцо мальчишка. Трах! – кошка кувырком полетела в пушистый сугроб и, неловко карабкаясь, запрыгала по рыхлому снегу. Интересно, за что это он её бросил? Вероятно, что-нибудь со стола стянула.

Но уже нет ни домика, ни мальчишки, ни кошки – стоит в поле завод. Поле белое, трубы красные. Дым чёрный, а свет жёлтый. Интересно, что на этом заводе делают? Вот будка, и, укутанный в тулуп, стоит часовой. Часовой в тулупе огромный, широкий, и винтовка его кажется тоненькой, как соломинка. Однако попробуй-ка, сунься!

Потом пошёл танцевать лес. Деревья, что были поближе, прыгали быстро, а дальние двигались медленно, как будто их тихо кружила славная снежная река.

Гек окликнул Чука, который возвращался в купе с богатой добычей, и они стали смотреть вместе.

Встречались на пути станции большие, светлые, на которых шипело и пыхтело сразу штук по сто паровозов; встречались станции и совсем крохотные, – ну, право, не больше того продуктового ларька, что торговал разной мелочью на углу возле их московского дома.

Проносились навстречу поезда, гружённые углем и громадными, толщиной в пол вагона, брёвнами.

Нагнали эшелон с быками и коровами. Паровозишко у этого эшелона был невзрачный, и гудок у него тонкий, писклявый, а тут как один бык рявкнул: «Му-у!...» Даже машинист обернулся и, наверное, подумал, что это его большой паровоз нагоняет.

А на одном разъезде бок о бок остановились они рядом с могучим железным бронепоездом.

Грозно торчали из башен укутанные брезентом орудия. Красноармейцы весело топали, смеялись и, хлопая варежками, отогревали руки.

Но один человек в кожанке стоял возле бронепоезда молчалив и задумчив. И Чук с Геком решили, что это, конечно, командир, который стоит и ожидает, не придёт ли приказ Ворошилова открыть против врагов бой.

Да, немало всякого они за дорогу повидали. Жаль только, что на дворе бушевали метели и окна вагона часто бывали наглухо залеплены снегом.

И вот наконец утром поезд подкатил к маленькой станции.

Только-только мать успела ссадить Чука с Геком и принять от военного вещи, как поезд умчался.

Чемоданы были свалены на снег. Деревянная платформа вскоре опустела, а отец встречать так и не вышел.

Тогда мать на отца рассердилась и, оставив детей караулить вещи, пошла к ямщикам узнавать, какие за ними отец прислал сани, потому что до того места, где он жил, оставалось ехать ещё километров сто тайгою.

Мать ходила очень долго, а тут ещё неподалёку по-

явился страшный козёл. Сначала он глодал кору с замороженного бревна, но потом противно мемекнул и что-то очень пристально стал на Чука с Гekom поглядывать.

Тогда Чук и Гек поспешно укрылись за чемоданами, потому что кто его знает, что в этих краях козлам надо.

Но вот вернулась мать. Она была совсем опечалена и объяснила, что, вероятно, отец телеграмму о их выезде не получил и поэтому лошадей на станцию он за ними не прислал.

Тогда они позвали ямщика. Ямщик длинным кнутом огрел козла по спине, забрал вещи и понёс их в буфет вокзала.

Буфет был маленький. За стойкой пыхтел толстый, ростом с Чука, самовар. Он дрожал, гудел, и густой пар его, как облако, поднимался к бревенчатому потолку, под которым чирикали залетевшие погреться воробьи.

Пока Чук с Гekom пили чай, мать торговалась с ямщиком: сколько он возьмёт, чтобы довезти их в лес до места. Ямщик просил очень много – целых сто рублей. Да и то сказать: дорога и на самом деле была не ближняя. Наконец они договорились, и ямщик побежал домой за хлебом, за сеном и за тёплыми тулупами.

– Отец и не знает, что мы уже приехали, – сказала мать. – То-то он удивится и обрадуется!

– Да, он обрадуется, – прихлёбывая чай, важно подтвердил Чук. – И я удивлюсь и обрадуюсь тоже.

– И я тоже, – согласился Гек. – Мы подъедем тихонько, и если папа куда-нибудь вышел из дому, то мы чемоданы спрячем, а сами залезем под кровать. Вот он приходит. Сел. Задумался. А мы молчим, молчим, да вдруг как завоём!

– Я под кровать не полезу, – отказалась мать, – и выть не буду тоже. Лезьте и войте сами... Зачем ты, Чук, сахар в карман прячешь? И так у тебя карманы полны, как мусорный ящик.

– Я лошадей кормить буду, – спокойно объяснил Чук. – Забирай, Гек, и ты кусок ватрушки. А то у тебя никогда ничего нет. Только и знаешь у меня выпрашивать!

Вскоре пришёл ямщик. Уложили в широкие сани багаж, взбили сено, укутались одеялами, тулупами.

Прощайте, большие города, заводы, станции, деревни, посёлки! Теперь впереди только лес, горы и опять густой, тёмный лес.

...Почти до сумерек, охая, ахая и дивясь на дремучую тайгу, они проехали незаметно. Но вот Чуку, которому из-за спины ямщика плохо была видна дорога, стало скучно. Он попросил у матери пирожка или булки.

Но ни пирожка, ни булки мать ему, конечно, не дала. Тогда он насупился и от нечего делать стал толкать Гека и отжимать его к краю.

Сначала Гек терпеливо отпихивался. Потом вспылил и плюнул на Чука. Чук обозлился и кинулся в драку. Но так как руки их были стянуты тяжёлыми меховыми тулупами, то они ничего не могли поделаться, кроме как стукать друг друга укутанными в башлыки лбами.

Посмотрела на них мать и рассмеялась. А тут ямщик ударил кнутом по коням – и рванули кони. Выскочили на дорогу и затанцевали два белых пушистых зайца. Ямщик закричал:

– Эй, эй! Ого-го!.. Берегись: задавим!

Весело умчались в лес озорные зайцы. Дул в лицо свежий ветер. И, поневоле прижавшись друг к другу, Чук и Гек помчались в санях под гору навстречу тайге и навстречу луне, которая медленно выползала из-за уже недалёких Синих гор.

Но вот безо всякой команды кони стали возле маленькой, занесённой снегом избушки.

– Здесь ночуем, – сказал ямщик, соскакивая в снег. – Это наша станция.

Избушка была маленькая, но крепкая. Людей в ней не было.

Быстро вскипятил ямщик чайник; принесли из саней сумку с продуктами.

Колбаса до того замёрзла и затвердела, что ею можно было забивать гвозди. Колбасу ошпарили кипятком, а куски хлеба положили на горячую плиту.

За печкой Чук нашёл какую-то кривую пружину, и ямщик сказал ему, что эта пружина от капкана, которым ловят всякого зверя. Пружина была ржавая и валялась без дела. Это Чук сообразил сразу.

Попили чаю, поели и легли спать. У стены стояла широкая деревянная кровать. Вместо матраца на ней были навалены сухие листья.

Гек не любил спать ни у стены, ни посередине. Он любил спать с краю. И хотя ещё с раннего детства он слышал песню «Баю-баюшки-баю, не ложися на краю», Гек всё равно всегда спал с краю.

Если же его клали в серёдку, то во сне он сбрасывал со всех одеяла, отбивался локтями и толкал Чука в живот коленом.

Не раздеваясь и укрывшись тулупами, они улеглись: Чук у стенки, мать посередине, а Гек с краю.

Ямщик потушил свечку и полез на печь.

Разом все уснули. Но, конечно, как и всегда, ночью Гек захотелось пить, и он проснулся.

В полудреме он надел валенки, добрался до стола, глотнул воды из чайника и сел перед окном на табуретку.

Луна была за тучками, и сквозь маленькое окошко сугробы снега казались чёрно-синими.

«Вот как далеко занесло нашего папу!» – удивился Гек. И он подумал, что, наверное, дальше, чем это место, уже и не много осталось мест на свете.

Но вот Гек прислушался. За окном ему почудился стук. Это был даже не стук, а скрип снега под чьими-то тяжёлыми шагами. Так и есть! Вот во тьме что-то тяжело вздохнуло, зашевелилось, заворочалось, и Гек понял, что мимо окна прошёл медведь.

– Злобный медведь, что тебе надо? Мы так долго едем к папе, а ты хочешь нас сожрать, чтобы мы его никогда и не увидели?.. Нет, уходи прочь, пока люди не убили тебя метким ружьём или острой саблей!

Так думал и бормотал Гек, а сам со страхом и любопытством крепче и крепче прижимался лбом к обледенелому стеклу узкого окошка.

Но вот из-за быстрых туч стремительно выкатилась луна. Чёрно-синие сугробы засверкали мягким матовым блеском, и Гек увидел, что медведь этот вовсе не медведь, а просто это отвязавшаяся лошадь ходит вокруг саней и ест сено.

Было досадно. Гек залез на кровать под тулуп, а так как только что он думал о нехорошем, то и сон к нему пришёл угрюмый.

Приснился Геку странный сон:
Как будто страшный Турворон
Плюёт слюной, как кипятком,
Грозит железным кулаком.
Кругом пожар! В снегу следы!
Идут солдатские ряды
И волокут из дальних мест
Кривой фашистский флаг и крест.

– Постойте! – закричал им Гек, – Вы не туда идёте! Здесь нельзя!

Но никто не постоял, и его, Гека, не слушали.

В гневе тогда выхватил Гек жестяную сигнальную дуду, ту, что лежала у Чука в картонке из-под ботинок, и загудел так громко, что быстро поднял голову задумчивый командир железного бронепоезда, властно махнул рукой – и разом ударили залпом его тяжёлые и грозные орудия.

– Хорошо! – похвалил Гек. – Только стрельните ещё, а то одного раза им, наверное, мало...

Мать проснулась оттого, что оба её дорогих сына с двух сторон нестерпимо толкались и ворочались.

Она повернулась к Чуку и почувствовала, как в бок ей ткнуло что-то твёрдое и острое. Она пошарила и достала из-под одеяла пружину от капкана, которую запасливый Чук тайно притащил с собой в постель.

Мать швырнула пружину за кровать. При свете луны она заглянула в лицо Геку и поняла, что ему снится тревожный сон.

Сон, конечно, не пружина, и его нельзя выкинуть. Но его можно потушить. Мать повернула Гека со спины на бок и, покачивая, тихонько подула на его тёплый лоб.

Вскоре Гек засопел, улыбнулся, и это означало, что плохой сон погас.

Тогда мать встала и в чулках, без валенок, подошла к окошку.

Ещё не светало, и небо было всё в звёздах. Иные звёзды горели высоко, а иные склонялись над чёрной тайгой совсем низко.

И – удивительное дело! – тут же и так же, как маленький Гек, она подумала, что дальше, чем это место, куда занесло её беспокойного мужа, наверное, и не много осталось мест на свете.

Весь следующий день дорога шла лесом и горами. На подъёмах ямщик соскакивал с саней и шёл по снегу рядом. Но зато на крутых спусках сани мчались с такой быстротой, что Чуку с Геком казалось, будто бы они вместе с лошадьми и санями проваливаются на землю прямо с неба.

Наконец под вечер, когда и люди и кони уже порядком устали, ямщик сказал:

– Ну, вот и приехали! За этим мыском поворот. Тут, на поляне, и стоит ихняя база... Эй, но-о!.. Наваливай!

Весело взвизгнув, Чук и Гек вскочили, но сани дёрнули, и они дружно плюхнулись в сено.

Улыбающаяся мать скинула шерстяной платок и осталась только в пушистой шапке.

Вот и поворот. Сани лихо развернулись и подкатили к трём домишкам, которые торчали на небольшой, укрытой от ветров опушке.

Очень странно! Не лаяли собаки, не было видно людей. Не валил дым из печных труб. Все дорожки были занесены глубоким снегом, а кругом стояла тишина, как зимой на кладбище. И только белобокие сороки бестолково скакали с дерева на дерево.

– Ты куда же нас привёз? – в страхе спросила у ямщика мать. – Разве нам сюда надо?

– Куда рядились, туда и привёз, – ответил ямщик. – Вот эти дома называются «Разведывательно-геологическая база номер три». Да вот и вывеска на столбе... Читайте. Может быть, вам нужна база под названием номер четыре? Так то километров двести совсем в иную сторону.

– Нет, нет! – взглянув на вывеску, ответила мать. – Нам нужна эта самая. Но ты посмотри: двери на замках, крыльцо в снегу, а куда же девались люди?

– Я не знаю, куда б им деваться, – удивился и сам ямщик. – На прошлой неделе мы сюда продукт возили: муку, лук, картошку. Все люди тут были: восемь человек, начальник девятый, со сторожем десять... Вот ещё забота! Не волки же их всех поели... Да вы постойте, я пойду посмотрю в сторожку.

И, сбросив тулуп, ямщик зашагал через сугробы к крайней избушке. Вскоре он вернулся:

– Изба пуста, а печка тёплая. Значит, здесь сторож, да, видать, ушёл на охоту. Ну, к ночи вернётся и всё вам расскажет.

– Да что он мне расскажет! – ахнула мать. – Я и сама вижу, что людей здесь уже давно нету.

– Это я уж не знаю, что он расскажет, – ответил ямщик. – А что-нибудь рассказать должен, на то он и сторож!

С трудом подъехали они к крыльцу сторожки, от которого к лесу вела узенькая тропка.

Они вошли в сени и мимо лопат, мётел, топоров, палок, мимо промёрзлой медвежьей шкуры, что висела на железном крюку, прошли в избушку. Вслед за ними ямщик тащил вещи.

В избушке было тепло.

Ямщик пошёл давать лошадям корм, а мать молча раздевала перепуганных ребятишек.

– Ехали к отцу, ехали – вот тебе и приехали!

Мать села на лавку и задумалась. Что случилось, почему на базе пусто и что теперь делать? Ехать назад? Но у неё денег оставалось только-только заплатить ямщику за дорогу. Значит, надо было ожидать, когда вернётся сторож. Но ямщик через три часа уедет обратно, а вдруг сторож возьмёт да не скоро вернётся? Тогда как? А ведь отсюда до ближайшей станции и телеграфа почти сто километров!

Вошёл ямщик. Оглядев избу, он потянул носом воздух, подошёл к печке и открыл заслонку.

– Сторож к ночи вернётся, – успокоил он. – Вот в печи горшок со щами. Кабы он ушёл надолго, он бы щи на холод вынес... А то как хотите, – предложил ямщик. – Раз уж такое дело, то я не чурбак. Я вас назад до станции бесплатно доставлю.

– Нет, – отказалась мать. – На станции нам делать нечего.

Опять поставили чайник, подогрели колбасу, поели, попили, и, пока мать разбирала вещи, Чук с Геком забрались на тёплую печку. Здесь пахло берёзовыми вениками, горячей овчиной и сосновыми щепками. А так как расстроенная мать была молчалива, то Чук с Геком молчали тоже. Но долго молчать не намолчишься, и поэтому, не найдя себе никакого дела, Чук и Гек быстро и крепко уснули.

Они не слышали, как уехал ямщик и как мать, забравшись на печку, улеглась с ними рядом. Они проснулись

уже тогда, когда в избе было совсем темно. Проснулись все разом, потому что на крыльце послышался топот, потом что-то в сенях загрохотало – должно быть, упала лопата.

Распахнулась дверь, и с фонарём в руках в избу вошёл сторож, а с ним большая лохматая собака.

Он скинул с плеча ружьё, бросил на лавку убитого зайца и, поднимая фонарь к печке, спросил:

– Это что же за гости сюда приехали?

– Я жена начальника геологической партии Серёгина, – сказала мать, соскакивая с печки, – а это его дети. Если нужно, то вот документы.

– Вон они, документы: сидят на печке, – буркнул сторож и осветил фонарём на встревоженные лица Чука и Гека. – Как есть в отца – копия! Особо вот этот толстый. – И он ткнул на Чука пальцем.

Чук и Гек обиделись: Чук – потому, что его назвали толстым, а Гек – потому, что он всегда считал себя похожим на отца больше, чем Чук.

– Вы зачем, скажите, приехали? – глянув на мать, спросил сторож. – Вам же приезжать было не велено.

– Как не велено? Кем это приезжать не велено?

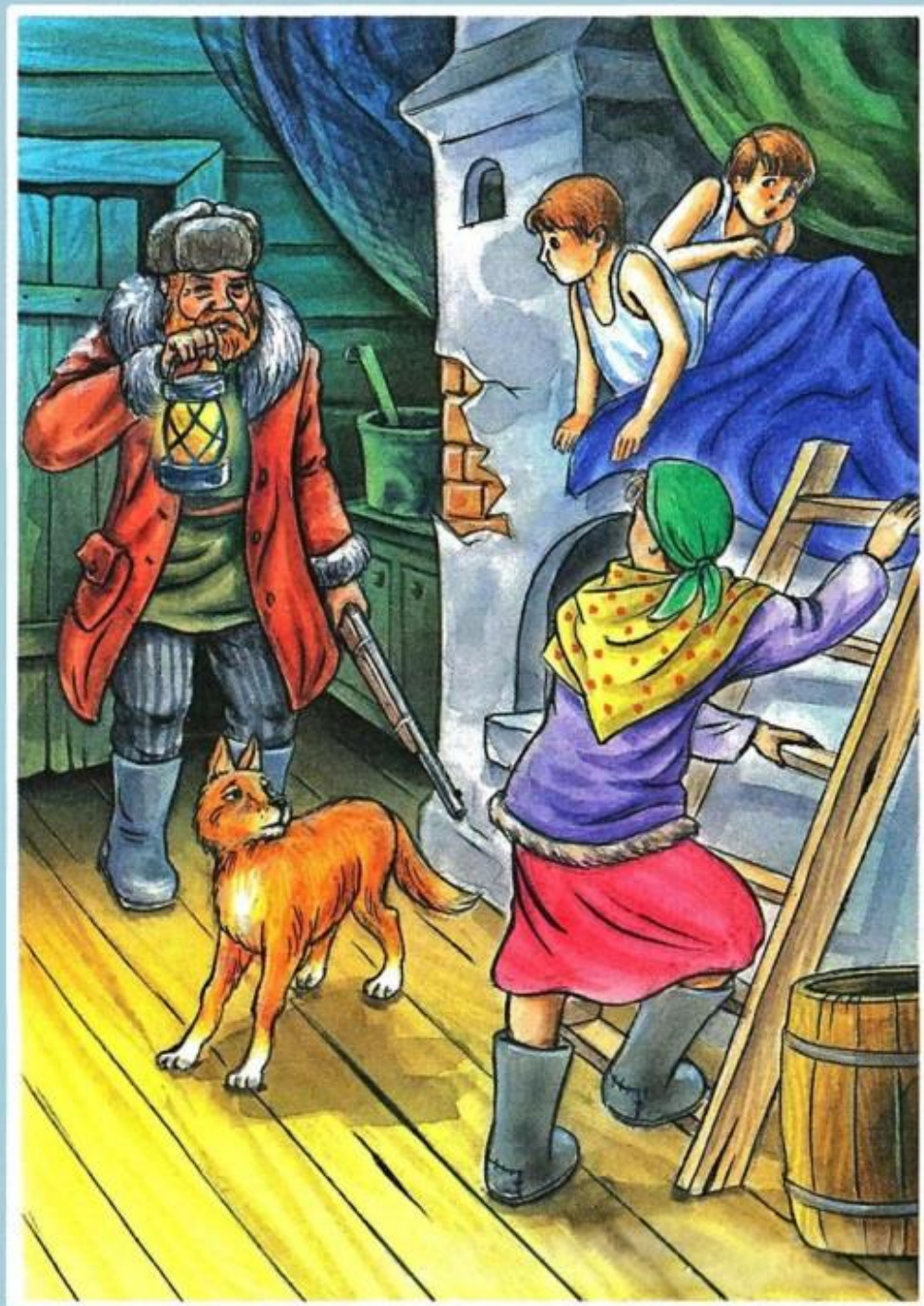
– А так и не велено. Я сам на станцию возил от Серёгина телеграмму, а в телеграмме ясно написано: «Задержись выезжать на две недели. Наша партия срочно выходит в тайгу». Раз Серёгин пишет «задержись» – значит, и надо было задержаться, а вы самовольничаете.

– Какую телеграмму? – переспросила мать. – Мы никакой телеграммы не получали. – И, как бы ища поддержки, она растерянно глянула на Чука и Гека.

Но под её взглядом Чук и Гек, испуганно тараща друг на друга глаза, поспешно попятнулись глубже на печку.

– Дети, – подозрительно глянув на сыновей, спросила мать, – вы без меня никакой телеграммы не получали?

На печке захрустели сухие щепки, веники, но ответа на вопрос не последовало.

— Вы зачем, скажите, приехали? — глянув на мать, спросил сторож. — Вам же приезжать было не велено. В телеграмме ясно было написано: «Задержись выезжать на две недели. Наша партия срочно выходит в тайгу».

– Отвечайте, мучители! – сказала тогда мать. – Вы, наверное, без меня получили телеграмму и мне её не отдали?

Прошло ещё несколько секунд, потом с печки раздался ровный и дружный рёв.

Чук затянул басовито и однотонно, а Гек выводил потоньше и с переливами.

– Вот где моя погибель! – воскликнула мать. – Вот кто, конечно, сведёт меня в могилу! Да перестаньте вы гудеть и расскажите толком, как было дело.

Однако, услышав, что мать собирается идти в могилу, Чук с Геком взвыли ещё громче, и прошло немало времени, пока, перебивая и бесстыдно сваливая вину друг на друга, они затянули свой печальный рассказ...

Ну что с таким народом будешь делать? Поколотить их палкой? Посадить в тюрьму? Заковать в кандалы и отправить на каторгу? Нет, ничего этого мать не сделала. Она вздохнула, приказала сыновьям слезть с печки, вытереть носы и умыться, а сама стала спрашивать сторожа, как же ей теперь быть и что делать.

Сторож сказал, что разведывательная партия по срочному приказу ушла к ущелью Алкараш и вернётся никак не раньше, чем дней через десять.

– Но как же мы эти десять дней жить будем? – спросила мать. – Ведь у нас с собой нет никакого запаса.

– А так вот и живите, – ответил сторож. – Хлеба я вам дам, вон подарю зайца – обдерёте и сварите. А я завтра на двое суток в тайгу уйду, мне капканы проверять надо.

– Нехорошо, – сказала мать. – Как же мы останемся одни? Мы тут ничего не знаем. А здесь лес, звери...

– Я второе ружьё оставлю, – сказал сторож. – Дрова под навесом, вода в роднике за пригорком. Вон крупа в мешке, соль в банке. А мне – я вам прямо скажу – нянчиться с вами тоже некогда...

– Эдакий злой дядька! – прошептал Гек, – Давай, Чук, мы с тобой ему что-нибудь скажем.

– Вот ещё! – отказался Чук. – Он тогда возьмёт и вовсе нас из дому выгонит. Ты погоди, приедет папа, мы ему всё и расскажем.

– Что ж папа! Папа ещё долго...

Гек подошёл к матери, сел к ней на колени и, сдвинув брови, строго посмотрел в лицо грубому сторожу.

Сторож снял меховой кожух и подвинулся к столу, к свету.

И только тут Гек разглядел, что от плеча к спине кожуха вырван огромный, почти до пояса, меховой клочок.

– Достань из печки щи, – сказал матери сторож. – Вон на полке ложки, миски, садитесь и ешьте. А я шубу чинить буду.

– Ты хозяин, – сказала мать. – Ты достань, ты и угощай. А полушубок дай: я лучше твоего заплаताю.

Сторож поднял на неё глаза и встретил суровый взгляд Гека.

– Эге! Да вы, я вижу, упрямые, – пробурчал он, протянул матери полушубок и полез за посудой на полку.

– Это где так разорвалось? – спросил Чук, указывая на дыру кожуха.

– С медведем не ладили. Вот он мне и царапнул, – нехотя ответил сторож и бухнул на стол тяжёлый горшок со щами.

– Слышишь, Гек? – сказал Чук, когда сторож вышел в сени. – Он подрался с медведем и, наверное, от этого сегодня такой сердитый.

Гек слышал всё сам. Но он не любил, чтобы кто-либо обижал его мать, хотя бы это и был человек, который мог поспориться и подраться с самим медведем.

Утром, ещё на заре, сторож захватил с собой мешок, ружьё, собаку, стал на лыжи и ушёл в лес. Теперь хозяйничать надо было самим.

Втроём ходили они за водой. За пригорком из отвесной скалы среди снега бил ключ. От воды, как из чайника, шёл густой пар, но когда Чук подставил под струю палец, то оказалось, что вода холодней самого мороза.

Потом они таскали дрова. Русскую печь мать топить не умела, и поэтому дрова долго не разгорались. Но зато когда разгорелись, то пламя запылало так жарко, что толстый лёд на окне у противоположной стенки быстро растаял. И теперь через стекло видна была и вся опушка с деревьями, по которым скакали сороки, и скалистые вершины Синих гор.

Кур мать потрошить умела, но обдирать зайца ей ещё не приходилось, и она с ним провозилась столько, что за это время можно было ободрать и разделать быка или корову.

Геку это обдирание ничуть не понравилось, но Чук помогал охотно, и за это ему достался зайчиный хвост, такой лёгкий и пушистый, что если его бросать с печки, то он падал на пол плавно, как парашют.

После обеда они все втроём вышли гулять.

Чук уговаривал мать, чтобы она взяла с собой ружьё или хотя бы ружейные патроны. Но мать ружья не взяла.

Наоборот, она нарочно повесила ружьё на высокий крюк, потом встала на табуретку, засунула патроны на верхнюю полку и предупредила Чука, что если он попробует стянуть хоть один патрон с полки, то на хорошую жизнь пусть больше и не надеется.

Чук покраснел и поспешно удалился, потому что один патрон уже лежал у него в кармане.

Удивительная это была прогулка! Они шли гуськом к роднику по узенькой тропке. Над ними сияло холодное голубое небо; как сказочные замки и башни, поднимались к небу остроконечные утёсы Синих гор. В морозной тишине резко стрекотали любопытные сороки. Меж густых кедровых ветвей бойко прыгали серые юркие белки. Под

деревьями, на мягком белом снегу, отпечатались причудливые следы незнакомых зверей и птиц.

Вот в тайге что-то застонало, загудело, треснуло. Должно быть, ломая сучья, обвалилась с вершины дерева гора обледеневшего снега.

Раньше, когда Гек жил в Москве, ему представлялось, что вся земля состоит из Москвы, то есть из улиц, домов, трамваев и автобусов. Теперь же ему казалось, что вся земля состоит из высокого дремучего леса.

Да и вообще, если над Геком светило солнце, то он был уверен, что и над всей землёй ни дождя, ни туч нету.

И если ему было весело, то он думал, что и всем на свете людям хорошо и весело тоже.

...Прошло два дня, наступил третий, а сторож из леса не возвращался, и тревога нависла над маленьким, занесённым снегом домиком.

Особенно страшно было по вечерам и ночами. Они крепко запирали сени, двери и, чтобы не привлечь зверей светом, наглухо занавешивали половиком окна, хотя надо было делать совсем наоборот, потому что зверь – не человек и он огня боится. Над печной трубой, как и полагается, гудел ветер, а когда вьюга хлестала острыми снежными льдинками по стене и окнам, то всем казалось, что снаружи кто-то толкается и царапается.

Они забрались спать на печку, и там мать долго рассказывала им разные истории и сказки. Наконец она задремала.

– Чук, – спросил Гек, – почему волшебники бывают в разных историях и сказках? А что, если бы они были и на самом деле?

– И ведьмы и черти чтобы были тоже? – спросил Чук.

– Да нет! – с досадой отмахнулся Гек. – Чертей не надо. Что с них толку? А мы бы попросили волшебника, он слетал бы к папе и сказал бы ему, что мы уже давно приехали.

– А на чём бы он полетел, Гек?

– Ну, на чём... Замахал бы руками или там ещё как. Он уж сам знает.

– Сейчас руками махать холодно, – сказал Чук. – У меня вон какие перчатки да варежки, да и то, когда я тащил полено, у меня пальцы совсем замёрзли.

– Нет, ты скажи, Чук, а всё-таки хорошо бы?

– Я не знаю, – заколебался Чук. – Помнишь, во дворе, в подвале, где живёт Мишка Крюков, жил какой-то хромой. То он торговал баранками, то к нему приходили всякие бабы, старухи, и он им гадал, кому будет жизнь счастливая и кому несчастная.

– И хорошо он нагадывал?

– Я не знаю. Я знаю только, что потом пришла милиция, его забрали, а из его квартиры много чужого добра вытащили.

– Так он, наверное, был не волшебник, а жулик. Ты как думаешь?

– Конечно, жулик, – согласился Чук. – Да я так думаю, и все волшебники должны быть жуликами. Ну, скажи, зачем ему работать, раз он и так во всякую дыру пролезть может? Знай только хватай что надо... Ты бы лучше спал, Гек, всё равно я с тобой больше разговаривать не буду.

– Почему?

– Потому что ты городишь всякую ерунду, а ночью она тебе приснится, ты и начнёшь локтями да коленями дрыгать. Думаешь, хорошо, как ты мне вчера кулаком в живот бухнул? Дай-ка я тебе бухну тоже.

...Наутро четвёртого дня матери самой пришлось колоть дрова. Заяц был давно съеден, и кости его расхватаны сороками. На обед они варили только кашу с постным маслом и луком. Хлеб был на исходе, но мать нашла муку и испекла лепёшек.

После такого обеда Гек был грустен, и матери показалось, что у него повышена температура.

Она приказала ему сидеть дома, одела Чука, взяла вёдра, салазки, и они вышли, чтобы привезти воды и заодно набрать на опушке сучьев и веток, – тогда утром легче будет растапливать печку.

Гек остался один. Он ждал долго. Ему стало скучно, и он начал что-то придумывать.

...А мать и Чук задержались. На обратном пути к дому санки перевернулись, вёдра опрокинулись, и пришлось ехать к роднику снова. Потом выяснилось, что Чук на опушке позабыл тёплую варежку, и с полпути пришлось возвращаться. Пока искали, пока то да сё, наступили сумерки.

Когда они вернулись домой, Гека в избе не было. Сначала они подумали, что Гек спрятался на печке за овчинами. Нет, там его не было.

Тогда Чук хитро улыбнулся и шепнул матери, что Гек, конечно, залез под печку.

Мать рассердилась и приказала Геку вылезать. Гек не откликнулся.

Тогда Чук взял длинный ухват и стал им под печкой ворочать. Но и под печкой Гека не было.

Мать встревожилась, взглянула на гвоздь у двери. Ни полушубок Гека, ни шапка на гвозде не висели.

Мать вышла во двор, обошла кругом избушку. Зашла в сени, зажгла фонарь. Заглянула в тёмный чулан, под навес с дровами...

Она звала Гека, ругала, упрашивала, но никто не отзывался. А темнота быстро ложилась на сугробы.

Тогда мать заскочила в избу, сдёрнула со стены ружьё, достала патроны, схватила фонарь и, крикнув Чуку, чтобы он не смел двигаться с места, выбежала во двор.

Следов за четыре дня было натоптано немало.

Где искать Гека, мать не знала, но она побежала к дороге, так как не верила, чтобы Гек один мог осмелиться зайти в лес.

На дороге было пусто.

Она зарядила ружьё и выстрелила. Прислушалась, выстрелила ещё и ещё раз.

Вдруг совсем неподалёку ударил ответный выстрел. Кто-то спешил ей на помощь. Она хотела бежать навстречу, но её валенки увязли в сугробе. Фонарь попал в снег, стекло лопнуло, и свет погас.

С крыльца сторожки раздался пронзительный крик Чука.

Это, услышав выстрелы, Чук решил, что волки, которые сожрали Гека, напали на его мать.

Мать отбросила фонарь и, задыхаясь, побежала к дому.

Она втокнула раздетого Чука в избу, швырнула ружьё в угол и, зачерпнув ковшом, глотнула ледяной воды.

У крыльца раздался гром и стук. Распахнулась дверь.

В избу влетела собака, а за нею вошёл окутанный паром сторож.

– Что за беда? Что за стрельба? – спросил он, не здороваясь и не раздеваясь.

– Пропал мальчик, – сказала мать.

Слёзы ливнем хлынули из её глаз, и она больше не могла сказать ни слова.

– Стой, не плачь! – гаркнул сторож. – Когда пропал? Давно? Недавно?.. Назад, Смелый! – крикнул он собаке. – Да говорите, или я уйду обратно!

– Час тому назад, – ответила мать. – Мы ходили за водой. Мы пришли, а его нет. Он оделся и куда-то ушёл.

– Ну, за час он далеко не уйдёт, а в одежде и в валенках сразу не замёрзнет... Ко мне, Смелый! На, нюхай.

Сторож сдёрнул с гвоздя башлык и подвинул под нос собаке калоши Гека.

Собака внимательно обнюхала вещи и умными глазами посмотрела на хозяина.

– За мной! – распахивая дверь, сказал сторож. – Иди ищи, Смелый!

Собака вильнула хвостом и осталась стоять на месте.

– Вперёд! – строго повторил сторож. – Ищи, Смелый, ищи!

Собака беспокойно крутила носом, переступала с ноги на ногу и не двигалась.

– Это ещё что за танцы? – рассердился сторож. И, опять сунув собаке под нос башлык и калоши Гека, он дёрнул её за ошейник.

Однако Смелый за сторожем не пошёл; он покрутился, повернулся и пошёл в противоположный от двери угол избы.

Здесь он остановился около большого деревянного сундука, царапнул по крышке мохнатой лапой и, обернувшись к хозяину, три раза громко и лениво гавкнул.

Тогда сторож сунул ружьё в руки оторопелой матери, подошёл и открыл крышку сундука.

В сундуке, на куче всякого тряпья, овчин, мешков, укрывшись своей шубёнкой и подложив под голову шапку, крепко и спокойно спал Гек.

Когда его вытащили и разбудили, то, хлопая сонными глазами, он никак не мог понять, отчего это вокруг него такой шум и такое буйное веселье. Мать целовала его и плакала. Чук дёргал его за руки, за ноги, подпрыгивал и кричал:

– Эй-ля! Эй-ли-ля!..

Лохматый пёс Смелый, которого Чук поцеловал в морду, сконфуженно обернулся и, тоже ничего не понимая, тихонько вилял серым хвостом, умильно поглядывая на лежавшую на столе краюху хлеба.

Оказывается, когда мать и Чук ходили за водой, то, соскучившись, Гек решил пошутить. Он забрал полушубок, шапку и залез в сундук. Он решил, что когда они вернутся и станут его искать, то он из сундука страшно завоет. Но так как мать и Чук ходили очень долго, то он лежал, лежал и незаметно заснул.

Вдруг сторож встал, подошёл и брякнул на стол тяжёлый ключ и измятый голубой конверт.

– Вот, – сказал он, – получайте. Это вам ключ от комнаты и от кладовой и письмо от начальника Серёгина. Он с людьми здесь будет через четверо суток, как раз к Новому году.

Так вот он где пропадал, этот неприветливый, хмурый старик! Сказал, что идёт на охоту, а сам бегал на лыжах к далёкому ущелью Алкараш.

Не распечатывая письма, мать встала и с благодарностью положила старику на плечо руку.

Он ничего не ответил и стал ворчать на Гека за то, что тот рассыпал в сундуке коробку с пыжами, а заодно и на мать – за то, что она разбила стекло у фонаря. Он ворчал долго и упорно, но никто теперь этого доброго чудака не боялся. Весь этот вечер мать не отходила от Гека и, чуть что, хватала его за руку, как будто боялась, что вот-вот он опять куда-нибудь исчезнет. И так много она о нём заботилась, что наконец Чук обиделся и про себя уже несколько раз пожалел, что и он не полез в сундук тоже.

Теперь стало весело. На следующее утро сторож открыл комнату, где жил их отец. Он жарко натопил печь и перенёс сюда все их вещи. Комната была большая, светлая, но всё в ней было расставлено и навалено без толку.

Мать сразу же взялась за уборку. Целый день она всё переставляла, скоблила, мыла, чистила.

И когда к вечеру сторож принёс вязанку дров, то, удивлённый переменой и невиданной чистотой, он остановился и не пошёл дальше порога.

А собака Смелый пошла.

Она пошла прямо по свежeweымытому полу, подошла к Геку и ткнула его холодным носом. Вот, мол, дурак, это я тебя нашла, и за это ты должен дать мне что-нибудь покушать.

Мать раздобрилась и кинула Смелому кусок колбасы. Тогда сторож заворчал и сказал, что если в тайге собак кормить колбасой, так это сорокам на смех.

Мать отрезала и ему полкруга. Он сказал «спасибо» и ушёл, всё чему-то удивляясь и покачивая головой.

...На следующий день было решено готовить к Новому году ёлку.

Из чего-чего только не выдумывали они мастерить игрушки!

Они ободрали все цветные картинки из старых журналов. Из лоскутьев и ваты понашили зверьков, кукол. Вытянули у отца из ящика всю папиросную бумагу и навертели пышных цветов.

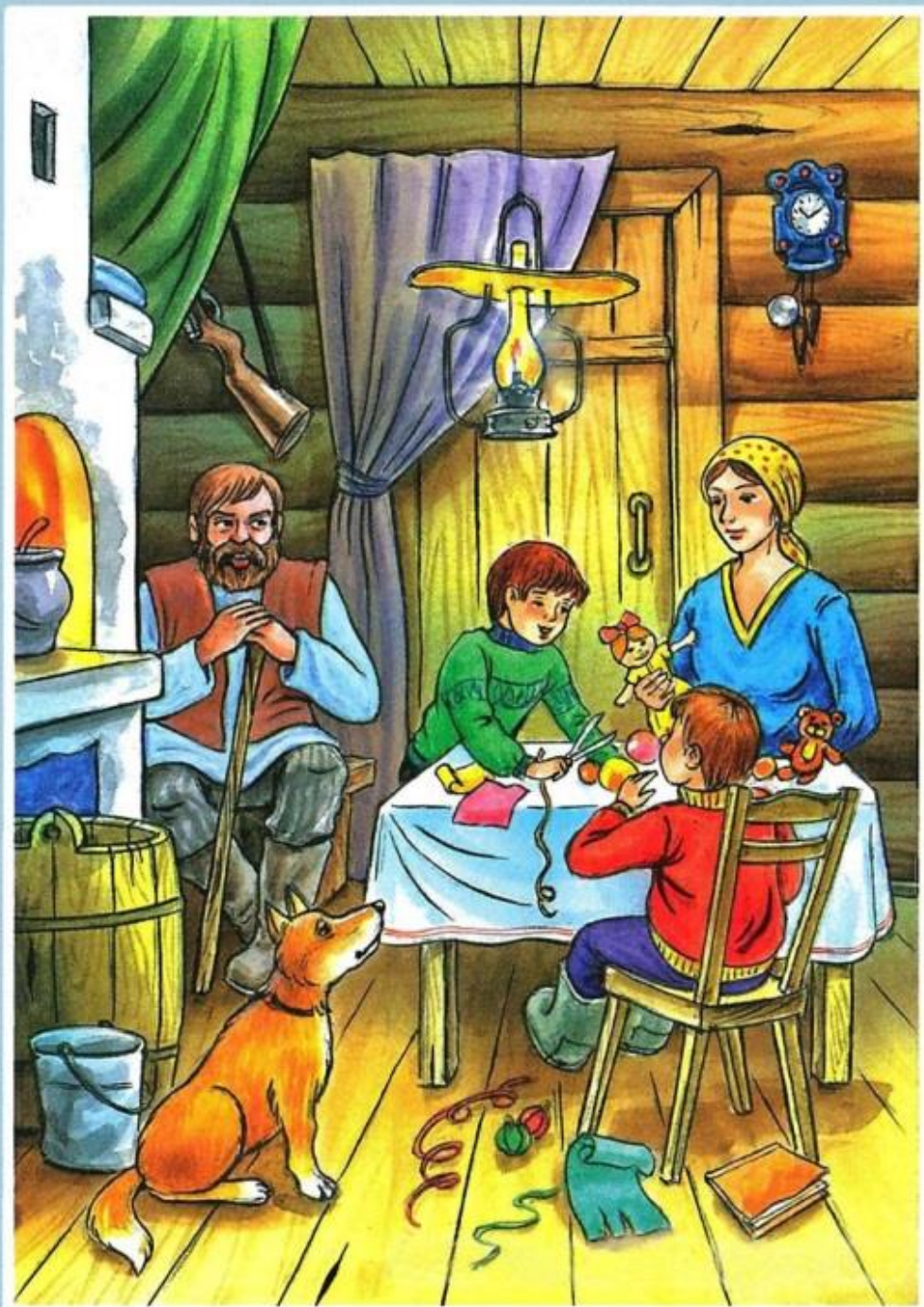
Уж на что хмур и нелюдим был сторож, а и тот, когда приносил дрова, подолгу останавливался у двери и дивился на их всё новые и новые затеи. Наконец он не вытерпел. Он принёс им серебряную бумагу от завёртки чая и большой кусок воска, который у него остался от сапожного дела.

Это было замечательно! И игрушечная фабрика сразу превратилась в свечной завод. Свечи были неуклюжие, неровные. Но горели они так же ярко, как и самые нарядные покупные.

Теперь дело было за ёлкой. Мать попросила у сторожа топор, но он ничего на это ей даже не ответил, а стал на лыжи и ушёл в лес. Через полчаса он вернулся.

Ладно! Пусть игрушки были и не ахти какие нарядные, пусть зайцы, сшитые из тряпок, были похожи на кошек, пусть все куклы были на одно лицо – прямоносые и лупоглазые, и пусть, наконец, еловые шишки, обёрнутые серебряной бумагой, не так сверкали, как хрупкие и тонкие стеклянные игрушки, но зато такой ёлки в Москве, конечно, ни у кого не было. Это была настоящая таёжная красавица – высокая, густая, прямая и с ветвями, которые расходились на концах, как звёздочки.

Было решено готовить к Новому году ёлку. Из чего-чего только не выдумывали они мастерить игрушки! Уж на что хмур и нелюдим был сторож, а и тот останавливался у двери и дивился на их всё новые и новые затеи.

Четыре дня за делом пролетели незаметно. И вот наступил канун Нового года. Уже с утра Чука и Гека нельзя было загнать домой. С посинелыми носами они торчали на морозе, ожидая, что вот-вот из леса выйдет отец и все его люди. Но сторож, который топил баню, сказал им, чтобы они не мёрзли понапрасну, потому что вся партия вернётся только к обеду.

И в самом деле. Только что они сели за стол, как сторож постучал в окошко. Кое-как одевшись, все втроем они вышли на крыльцо.

– Теперь смотрите, – сказал им сторож, – вот они сейчас покажутся на скате той горы, что правой большой вершины, потом опять пропадут в тайге, и тогда через полчаса все будут дома.

Так оно и вышло. Сначала из-за перевала вылетела собачья упряжка с грузёными санями, а за нею следом пронеслись быстроходные лыжники.

По сравнению с громадой гор они казались до смешного маленькими, хотя отсюда были отчётливо видны их руки, ноги и головы.

Они промелькнули по голому скату и исчезли в лесу.

Ровно через полчаса послышался лай собак, шум, скрип, крики.

Почуявшие дом голодные собаки лихо вынеслись из леса. А за ними, не отставая, выкатили на опушку девять лыжников.

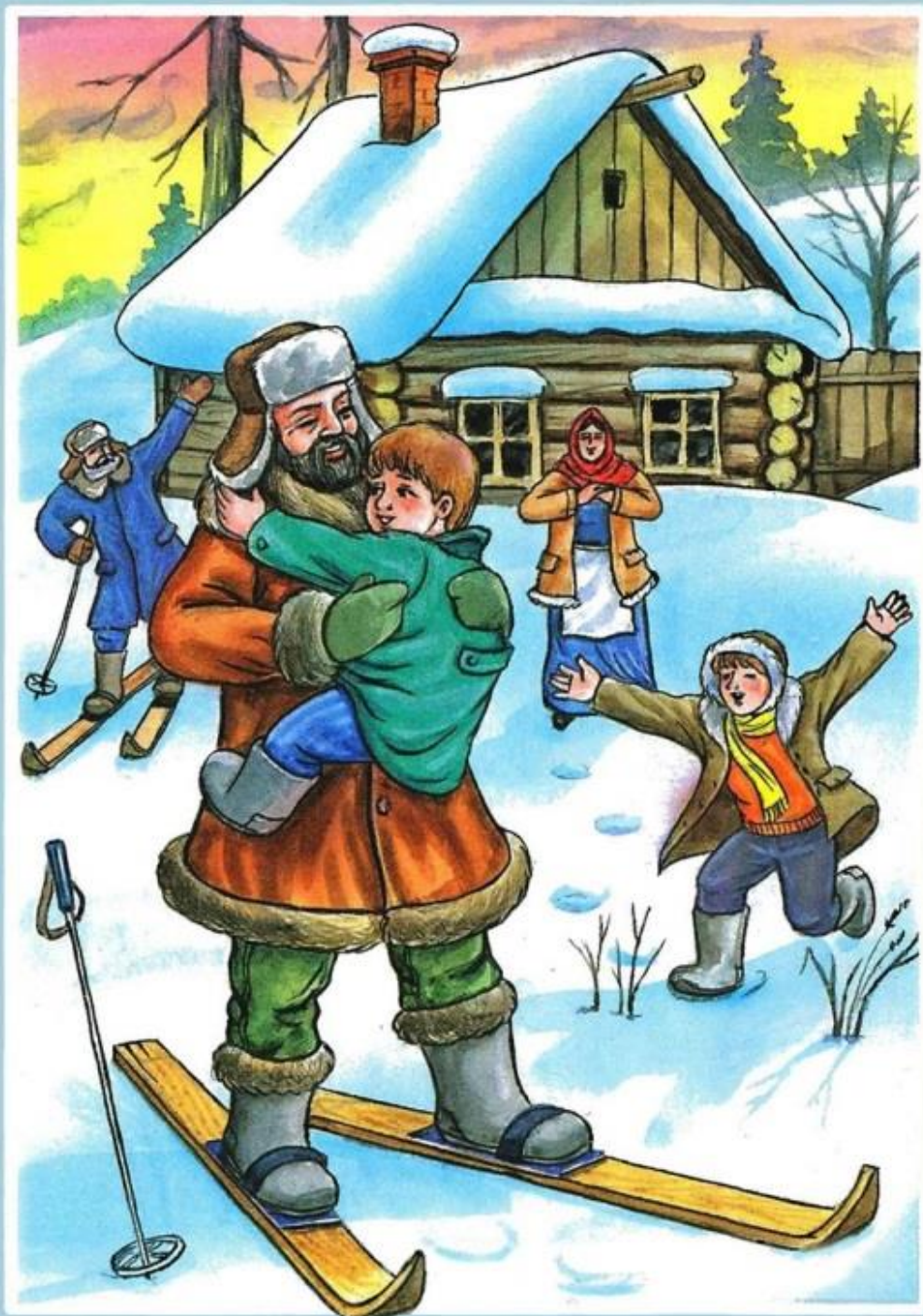
И, увидав на крыльце мать, Чука и Гека, они на бегу подняли лыжные палки и громко закричали: «Ура!»

Тогда Гек не вытерпел, спрыгнул с крыльца и, зачерпывая снег валенками, помчался навстречу высокому, заросшему бородой человеку, который бежал впереди и кричал «ура» громче всех.

Днём чистились, брились и мылись.

А вечером была для всех ёлка, и все дружно встречали Новый год.

Гек не вытерпел, прыгнул с крыльца и, зачерпывая снег валенками, помчался навстречу высокому, заросшему бородой человеку, который бежал впереди и кричал «ура» громче всех.

Когда был накрыт стол, потушили лампу и зажгли свечи. Но так как, кроме Чука с Геком, остальные все были взрослые, то они, конечно, не знали, что теперь нужно делать.

Хорошо, что у одного человека был баян, и он заиграл весёлый танец. Тогда все повскакали, и всем захотелось танцевать. И все танцевали очень прекрасно, особенно когда приглашали на танец маму.

А отец танцевать не умел. Он был очень сильный, добродушный, и когда он без всяких танцев просто шагал по полу, то и то в шкафу звенела вся посуда.

Он посадил себе Чука с Геком на колени, и они громко хлопали всем в ладоши.

Потом танец окончился, и люди попросили, чтобы Гек спел песню.

Гек не стал ломаться. Он и сам знал, что умеет петь песни, и гордился этим.

Баянист подыгрывал, а он им спел песню. Какую – я уже сейчас не помню. Помню, что это была очень хорошая песня, потому что все люди, слушая её, замолкли и притихли. И когда Гек останавливался, чтобы перевести дух, то было слышно, как потрескивали свечи и гудел за окном ветер.

А когда Гек окончил петь, то все зашумели, закричали, подхватили Гека на руки и стали его подкидывать. Но мать тотчас же отняла у них Гека, потому что она испугалась, как бы сгоряча его не стукнули о деревянный потолок.

– Теперь садитесь, – взглянув на часы, сказал отец. – Сейчас начнётся самое главное.

Он пошёл и включил радиоприёмник. Все сели и замолчали.

Сначала было тихо. Но вот раздался шум, гул, гудки. Потом что-то стукнуло, зашипело и откуда-то издалека донёсся мелодичный звон.

Большие и маленькие колокола звонили так:

Тир-лиль-лили-дон!

Тир-лиль-лили-дон!

Чук с Геком переглянулись. Они угадали, что это. Это в далёкой-далёкой Москве, под красной звездой, на Спасской башне звонили золотые кремлёвские часы.

И этот звон – перед Новым годом – сейчас слушали люди и в городах, и в горах, в степях, в тайге, на синем море.

И, конечно, задумчивый командир бронепоезда, тот, что неутомимо ждал приказа от Ворошилова, чтобы открыть против врагов бой, слышал этот звон тоже.

И тогда все люди встали, ещё раз поздравили друг друга с Новым годом и пожелали всем счастья.

Что такое счастье – это каждый понимал по-своему, но все вместе люди знали и понимали, что надо честно жить, много трудиться и крепко любить и беречь эту огромную счастливую землю, которая зовётся Советской страной.

ДЫМ В ЛЕСУ

Моя мать училась и работала на большом новом заводе, вокруг которого раскинулись дремучие леса.

На нашем дворе в шестнадцатой квартире жила девочка. Звали её Феня. Её отец был лётчиком.

Однажды, когда Феня стояла на дворе и смотрела в небо, на нее напал незнакомый вор-мальчишка и вырвал из её рук конфету.

Я в это время сидел на крыше дровяного сарая и глядел на запад, где далеко за рекой Кальвой, как говорят, на сухих торфяных болотах, горел вспыхнувший позавчера лес.

Но огня я не увидел, а разглядел только облачко белеватого дыма, едкий запах которого доносился к нам до посёлка и мешал людям сегодня ночью спать.

Услышав жалобный Фенин крик, я, как ворон, слетел с крыши и вцепился в спину мальчишки. Он взвыл от страха. Выплюнул уже засунутую в рот конфету и, ударив меня в грудь локтем, умчался прочь.

Я сказал Фене, чтоб она не орала, и строго-настрого запретил ей поднимать с земли конфету. Потому что если все люди будут доедать уже обсосанные кем-то конфеты, то толку из этого получится мало.

А чтобы даром добро не пропадало, мы подманили серого кутёнка Брутика и запихали ему конфету в пасть. Он сначала пищал и вырывался – должно быть, думал, что суют чурку или камень. Но когда раскусил, то весь затрясся, задёргался от радости и стал нас хватать за ноги.

– Я бы попросила у мамы другую, – задумчиво сказала Феня, – только мама сегодня сердитая и, пожалуй, другой не даст.

– Должна дать, – решил я. – Пойдём к ней вместе. Я расскажу, как было дело, и она над тобой, наверное, сжадется.

Тут мы взялись за руки и пошли к тому корпусу, где была шестнадцатая квартира. А когда мы переходили по доске канаву, ту, что разрыли водопроводчики, то я крепко держал Феню за воротник, потому что было ей тогда года четыре, ну, может быть, пять, а мне уже давно пошёл двенадцатый.

Мы поднялись на самый верх и тут увидели, что следом за нами по лестнице пыхтит и карабкается хитрый Брутик.

Дверь в квартиру была не заперта, и едва мы вошли, как Фенина мать бросилась дочке навстречу. Лицо её было заплакано. В руке она держала голубой шарф и кожаную сумочку.

– Горе ты моё горькое! – воскликнула она, подхватывая Феню на руки. – И где ты так измызгалась, извазякалась? Да сиди же ты и не вертись, несчастливое создание! Ой, у меня и без тебя беды немало!..

Всё это она говорила быстро-быстро. А сама то хватала конец мокрого полотенца, то расстёгивала грязный Фенин фартук. Тут же смахивала со своих щёк слёзы и, видать, куда-то очень торопилась.

– Мальчик, – попросила она, – ты человек хороший. Ты мою дочку любишь. Я через окно всё видела. Остайся с Феней на час в квартире. Мне очень некогда. А я тебе тоже когда-нибудь добро сделаю.

Она положила руку мне на плечо, но её заплаканные глаза глядели на меня холодно и настойчиво.

Я был занят, мне пора было идти к сапожнику за мамиными ботинками, но я не смог отказаться и согласился, потому что когда о таком пустяке человек просит такими настойчивыми, тревожными словами, то, значит, пустяк этот совсем не пустяк и, значит, беда ходит где-то совсем рядом.

– Хорошо, мама, – вытирая мокрое лицо ладонью,

обиженным голосом сказала Феня. – Но ты дай нам за это что-нибудь вкусное, а то нам будет скучно.

– Возьмите сами, – ответила мать, бросила на стол связку ключей, торопливо обняла Феню и вышла.

– Ой, да она от комода все ключи оставила. Вот чудо! – стаскивая со стола связку, воскликнула Феня.

– Что же тут чудесного? – удивился я. – Мы ведь свои люди, а не воры и разбойники.

– Мы не разбойники, – согласилась Феня. – Но когда я в тот комод лазаю, то всегда что-нибудь нечаянно разбиваю. Или вот недавно разлилось варенье и потекло на пол.

Мы достали по конфете да по прянику, а кутёнку Брутику кинули сухую баранку и намазали нос мёдом.

Мы подошли к распахнутому окошку.

Гей! Не дом, а гора. Как с крутого утёса, отсюда видны были и зелёные поляны, и длинный пруд, и кривой овраг, за которым один рабочий убил зимой волка. А кругом леса, леса...

– Стой, не лезь вперёд, Фенька! – вскрикнул я, сталкивая её с подоконника. И, закрывшись ладонью от солнца, я глянул в окно.

Что такое? Это окно выходило совсем не туда, где речка Кальва и далёкие в дыму торфяные болота. Однако не больше как в трёх километрах из чащи леса поднималась густая туча крутого тёмно-серого дыма. Как и когда успел туда пожар перейти, это было мне непонятно.

Я обернулся. Лёжа на полу, Брутик жадно грыз брошенный Феней пряник, а сама Феня стояла в углу и смотрела на меня злыми глазами.

– Хулиган! – сердито сказала она. – Тебя мама оставила со мной играть, а ты зовёшь меня Фенькой и от окна толкаешься. Возьми тогда и уходи совсем из нашего дома.

– Фенечка, – позвал я, – беги сюда скорее, смотри, что внизу делается!

Не больше как в трёх километрах из чащи леса поднималась густая туча крутого тёмно-серого дыма.

— Фенечка, — позвал я, — беги сюда скорее, смотри, что внизу делается!

Внизу же делалось вот что.

Промчались галопом по улице два всадника. С лопатами за плечами мимо памятника Кирову по круглой Первомайской площади торопливо прошагал отряд человек в сорок.

Распахнулись главные ворота завода, и оттуда выкатились пять грузовиков, набитых людьми до отказа. С воем обгоняя пеший отряд, грузовики исчезли за поворотом у школы.

Внизу по улицам стайками шныряли мальчишки. Они, конечно, всё уже разнюхали, разузнали. Я же должен был сидеть и караулить девчонку. Обидно!

Но когда наконец завыла пожарная сирена, я не вытерпел.

– Фенечка, – попросил я, – ты посиди здесь одна, а я ненадолго во двор сбегаю.

– Нет, – отказалась Феня, – теперь я боюсь. Ты слышишь, как оно воет?

– Экое дело, воет! Так ведь это труба, а не волк воет! Что, она тебя съест, что ли? Ну хорошо, ты не хнычь. Давай с тобой вместе во двор спустимся. Мы там постоим минутку – и назад.

– А дверь? – хитро спросила Феня. – Мама от двери ключей не оставила. Мы хлопнем, замок защёлкнется, и тогда как? Нет, Володька, ты уж лучше сядь тут и сиди.

Но мне не сиделось. Поминутно бросался я к окну и громко досадовал на Феню:

– Ну почему я должен тебя караулить? Что ты, корова или лошадь? Или ты не можешь маму одна дожидаться? Другие девчонки всегда сидят и дожидаются. Возьмут какую-нибудь тряпку, лоскутик... куклу сделают – ай-ай, бай-бай. Ну, не хочешь тряпку – сидела бы слона рисовала, с хвостом, с рогами.

– Не могу, – упрямо ответила Феня. – Я если одна останусь, то могу открыть кран, а закрыть позабуду. Или

могу разлить на стол всю чернильницу. Вот один раз упала с плиты кастрюля, а другой раз застрял в замке гвоздик. Мама пришла, ключ толкала, толкала, а дверь не отпирается. Потом позвала дядьку, и он замок выломал. Нет, — вздохнула Феня, — одной оставаться очень трудно.

— Несчастливая! — завопил я. — Кто ж это тебя заставляет открывать кран, опрокидывать чернила, спихивать кастрюлю и заталкивать в замок гвозди? Я бы на месте твоей мамы взял верёвку да вздул тебя хорошенько.

— Дуть нельзя, — убеждённо ответила Феня и с весёлым криком бросилась в переднюю, потому что вошла её мать.

Быстро и внимательно посмотрела она на свою дочку. Оглядела комнату и, усталая, опустилась на диван.

— Пойди вымой лицо и руки, — приказала она Фене. — Сейчас за нами придёт машина, и мы поедем на аэродром, к папе.

Феня взвизгнула, наступила на лапу Брутику, сдёрнула с крючка полотенце и, волоча его по полу, убежала на кухню.

Меня бросило в жар. Я ещё ни разу не был на аэродроме, который находился километрах в пятнадцати от нашего завода.

Даже в День авиации, когда всех школьников возили туда на грузовиках, я не поехал, потому что перед этим я выпил четыре кружки холодного квасу, чуть не оглох и, обложенный грелками, целых три дня лежал в постели. Я проглотил слюну и осторожно спросил у Фениной матери:

— И долго вы там с Феней на аэродроме будете?

— Нет. Мы только туда и сейчас же обратно.

Пот выступил на моём лбу, и, вспомнив обещание сделать для меня добро, набравшись смелости, я попросил:

— Знаете что, возьмите и меня с собой на аэродром.

Фенина мать ничего не ответила и, казалось, просьбы моей не слышала. Она подвинула к себе зеркальце, провела напудренной ватой по своему бледному лицу, что-то прошептала, потом поглядела на меня.

Должно быть, вид мой был очень смешон и печален, потому что, слабо улыбнувшись, она одёрнула съехавший мне на живот пояс и сказала:

– Хорошо! Я знаю, что ты любишь мою дочку. И если тебя дома отпустят, тогда поезжай.

– Он меня вовсе не любит, – вытирая лицо, сурово ответила из-под полотенца Феня. – Он обозвал меня коровой и сказал, чтобы меня дули.

– Но ты же меня, Фенечка, первая обругала, – испугался я. – И потом, я просто пошутил. Я же за тебя всегда заступаюсь.

– Это верно, – с азартом растирая полотенцем щёки, подтвердила Феня. – Он за меня всегда заступается. А Витька Крюков только один раз. А есть такие, сами хулиганы, что ни одного раза.

Я помчался домой, но во дворе наткнулся на Витьку Крюкова. И тот, не переводя духа, выпалил мне разом, что через границу к нам пробрались три белогвардейца и это они подожгли лес, чтобы сгорел наш большой завод.

Тревога!

Я ворвался в квартиру, но тут было всё тихо и спокойно. За столом, склонившись над листом бумаги, сидела моя мама и маленьким циркулем наносила на чертёж какие-то кружочки.

– Мама, – взволнованно окликнул я, – ты дома?

– Осторожней, – ответила мать, – не тряси стол.

– Мама, что же ты сидишь? Ты уже слышала про белогвардейцев?

Мать взяла линейку и провела по бумаге длинную тонкую чёрточку.

– Мне, Володька, некогда. Ну, перебежали. Ну, их и без меня скоро поймают. Ты бы сходил к сапожнику за моими ботинками.

– Мама, – взмолился я, – до того ли теперь? Можно, я поеду с Феней и её матерью на аэродром? Мы только туда и сейчас же обратно.

– Нет, – ответила мать. – Это ни к чему.

– Мама, – настойчиво продолжал я, – помнишь, как вы с папой хотели взять меня на машине в Иркутск? И я уже собрался, но пришёл ещё какой-то товарищ. Места не хватало, и ты тихонько попросила (тут мать оторвалась от чертежа и на меня посмотрела), и ты меня попросила, чтобы я не сердился и остался! И я тогда не сердился, замолчал и остался. Ты это помнишь?

– Да, теперь помню.

– Можно, я с Феней поеду на машине?

– Можно, – ответила мать и огорчённо добавила: – Варвар ты, а не человек, Володька! У меня и так времени в обрез до зачёта, а теперь я сама должна идти за ботинками.

– Мама, – счастливо забормотал я, – а ты не жалеешь... Ты надень свои новые туфли и красное платье. погоди, я вырасту – подарю тебе шёлковую шаль, и совсем ты у нас будешь как грузинка.

– Ладно, ладно, проваливай! – улыбнулась мать. – Заверни себе на кухне две котлеты и булку. Ключ захвати, а то вернёшься – меня дома не будет.

Я быстро собрался. В левый карман затолкал свёрток, в правый сунул оловянный, но похожий на настоящий браунинг и выскочил во двор, куда как раз въезжала легковая машина.

Первой прибежала Феня, за ней Брутик. Мы важно сидели на мягких кожаных подушках, а маленькие ребяташки толпились вокруг машины и нам завидовали.

– Знаешь что, – покосившись на шофёра, сказала мне шёпотом Феня, – давай возьмём с собой Брутика. Посмотри, как он прыгает и вихляется.

– А твоя мама?

– Ничего. Она сначала не заметит, а потом мы скажем, что сами не заметили. Иди сюда, Брутик!.. Да иди ты, дурачок лохматый!

Схватив кутёнка за шиворот, она втощила его в кабину, затолкала в угол, закрыла платком и, – такая хитрющая девка! – заметив подходившую мать, стала пристально разглядывать электрический фонарик на потолке кабины.

Машина выкатилась за ворота, повернула и помчалась по шумной и встревоженной улице. Дул сильный ветер, и запах дыма уже заметно щипал ноздри.

На ухабистой дороге машину качало и подбрасывало. Кутёнок Брутик, высунув голову из-под платка, недоумённо прислушивался к тарахтению мотора.

По небу метались встревоженные галки. Пастухи громким щёлканьем бичей сердито сгоняли обеспокоенное мычащее стадо. Возле одинокой сосны стояла стреноженная лошадь и, насторожив уши, нюхала воздух.

Промчался мимо нас мотоциклист. И так быстро летела его машина, что только успели мы обернуться к заднему окошечку, как он уже показался нам маленьким-маленьким, как шмель или даже как простая муха.

Мы подъехали к опушке высокого леса, и тут красноармеец с винтовкой загородил нам дорогу.

– Дальше нельзя, – предупредил он, – поворачивайте обратно.

– Можно, – ответил шофёр, – это жена лётчика Федосеева.

– Хорошо, – сказал тогда красноармеец, – вы подождите.

Он вынул свисток и, вызывая начальника, дважды свистнул. Пока мы ожидали, подошли ещё двое военных. Они держали на привязи огромных собак. Это были ищейки из отряда охраны – овчарки Ветер и Лютта.

Я поднял Брутика и сунул его в окошко. Увидав таких страшил, он робко вильнул хвостиком. Но Ветер и Лютта не обратили на него никакого внимания.

Подошёл человек без винтовки, с наганом. Узнав, что это едет жена лётчика Федосеева, он приложил руку к козырьку и, пропуская нас, махнул рукой часовому.

– Мама, – спросила Феня, – отчего если едешь просто, то тогда нельзя, а если скажешь «жена лётчика Федосеева», то тогда можно? Хорошо быть женой Федосеева. Правда?

– Молчи, глупая! – ответила мать. – Что ты городишь, и сама не знаешь!

Запахло сыростью. В просвет между деревьями мелькнула вода.

И вот оно раскинулось справа – длинное и широкое озеро Куйчук.

Странная, невиданная картина открылась перед нашими глазами. Дул ветер, белыми барашками пенились волны озера, а на далёком противоположном берегу ярким пламенем горел лес. Даже сюда, через озеро, за километр, вместе с горячим воздухом доносился гул и треск.

Охватывая хвою смолистых сосен, пламя мгновенно взвивалось к небу и тотчас же падало на землю. Оно крутилось волчком понизу и длинными жаркими языками лизало воду озера. Иногда валилось дерево, и тогда от его удара поднимался столб чёрного дыма, но тут же налетал ветер и рвал его в клочья.

– Там подожгли ночью, – хмуро объяснил шофёр. – Их давно бы изловили собаками, но огонь замёл следы, и Лютте работать трудно.

– Кто зажёт? – шёпотом спросила меня Феня. – Разве это зажгли нарочно?

– Злые люди, – тихо ответил я. – Они хотели бы сжечь всю землю.

– И они скоро сожгут?

– Ещё что! А ты видела наших с винтовками? Их переловят быстро.

– Их переловят, – поддакнула Феня. – Только скорей бы, а то жить страшно. Правда, Володя?

– Это тебе страшно, а мне нисколько. У меня папа на войне был и то не боялся.

– Так ведь то папа... И у меня тоже папа...

Машина вырвалась из лесу, и мы очутились на большой поляне, где раскинулся аэродром.

Фенина мать приказала нам вылезти и не отходить далеко, а сама пошла к дверям большого бревенчатого здания.

И когда она проходила, то все лётчики, механики и все люди, что стояли у крыльца, разом притихли и молча с ней поздоровались.

Пока Феня бегала с Брутиком вокруг машины, я притёрся к кучке людей и из их разговора понял, что Фенин отец, лётчик Федосеев, на лёгкой машине вылетел вчера вечером обследовать район лесного пожара. Но вот уже прошли почти сутки, а он ещё не возвращался.

Значит, с машиной случилась авария или у неё была вынужденная посадка. Но где? И счастье, если не в том краю, где горел лес, потому что за сутки огонь разметало почти на двадцать квадратных километров.

Тревога! Нашу границу перешли три вооружённых бандита! Их видел конюх совхоза «Истра».

Но выстрелами вдогонку они убили его лошадь, ранили самого в ногу, и поэтому конюх добрался до окраины нашего посёлка так поздно.

Разгневанный и взволнованный, размахивая своим оловянным браунингом, я шагал по полю до тех пор, пока не стукнулся лбом об орден на груди высокого человека, который шёл к машине вместе с Фениной матерью.

Сильной рукой человек этот остановил меня. Посмотрел на мой оцарапанный лоб и вынул из моей руки оловянный браунинг.

Я смутился и покраснел.

Но человек этот не улыбнулся, не сказал ни одного насмешливого слова. Он посмотрел, взвесил на своей ладони моё оружие. Вытер его о рукав кожаного пальто и вежливо протянул мне обратно.

Позже я узнал, что это был комиссар эскадрильи. Он проводил нас до самой машины и ещё раз повторил, что лётчика Федосеева беспрестанно ищут с земли и с воздуха.

Мы покатали домой.

Уже вечерело. Почувяв, что дело неладно, опечаленная Феня тихонько сидела в уголке, с Брутиком больше не играла. И наконец, уткнувшись матери в колени, она нечаянно задремала.

Теперь всё чаще и чаще нам приходилось замедлять ход и пропускать встречных.

Проносились грузовики, военные повозки. Прошла сапёрная рота. Промчался легковой красный автомобиль, не наш, а чей-то чужой — должно быть, какого-нибудь начальника из Иркутска.

И только что дорога стала посвободней, только что наш шофёр дал ходу, как вдруг что-то хлопнуло, и машина остановилась.

Шофёр слез, обошёл машину, выругался, подняв с земли оброненный кем-то железный зуб от грабель, и, вздохнув, заявил, что лопнула камера и ему придётся менять колесо.

Чтобы шофёру легче было поднимать машину домкратом, Фенина мать, я, а за мной и Брутик вышли.

Пока шофёр готовился к починке и доставал из-под сиденья разные инструменты, Фенина мать ходила по опушке, а мы с Брутиком забежали в лес и здесь, в чаще, стали бегать и прятаться. Если он меня не находил, то от страха начинал выть ужасно.

Мы заигрались. Я запыхался, сел на пенёк и задумался. Услышав далёкий гудок, я подскочил и, кликнув Брутика, помчался.

Однако через две-три минуты я остановился, сообразив, что это гудела никак не наша машина. У нашей звук

был многоголосый, певучий, а эта рявкала грубо, как грузовик. Тогда я повернул вправо и, как мне показалось, направился прямо к дороге.

Издали донёсся сигнал. Теперь уже гудела наша машина. Но откуда, я не совсем понял.

Круто повернув ещё правей, я побежал изо всех сил.

Путаясь в траве, маленький Брутик скакал за мной.

Если бы я не растерялся, я должен был бы стоять на месте или продвигаться потихоньку, выжидая новых и новых сигналов. Но меня охватил страх. С разбегу я врезался в болотце, кое-как выбрался на сухое место. Чу, опять сигнал! Мне нужно было повернуть обратно. Но, опасаясь топкого болотца, я решил обойти его, завертелся, закурился и наконец напрямик, через чащу, в ужасе понёсся куда глядели глаза.

Уже давно скрылось солнце. Огромная, меж облаков сверкала луна. А дикий путь мой был опасен и труден. Теперь я шёл не туда, куда мне было надо, а шагал там, где дорога была полегче.

Молча и терпеливо бежал за мной Брутик. Слезы давно были выплаканы, горло от криков и ауканья охрипло, лоб был мокрый, фуражка пропала, а поперёк щеки моей тянулась кровавая царапина.

Наконец, измученный, я остановился и опустился на сухую траву, что раскинулась по вершине отлогого песчаного бугра.

Так лежал я неподвижно до тех пор, пока не почувствовал, что передохнувший Брутик с ожесточённым упорством тычется носом в мой живот и нетерпеливо царапает меня лапой. Это он учуял в моём кармане свёрток и требовал еды.

Я отломил ему кусок булки, дал полкотлеты. Нехотя сжевал остальное сам, потом разгрёб в тёплом песке ямку, нарвал немножко сухой травы, вынул свой оловянный браунинг, прижал к себе кутёнка и лёг, решив ждать расвета не засыпая.

В чёрных провалах меж деревьями, в неровном, неверном свете луны всё мне чудились то зелёные глаза волка, то мохнатая морда медведя. И казалось мне, что, прильнув к толстым стволам сосен, повсюду затаились чужие и злобные люди. Проходила минута, другая – исчезали и таили одни страхи, но со всех сторон возникали другие. И так этих страхов было много, что, отвертев себе шею, вконец ими утомлённый, я лёг на спину и стал смотреть только в небо.

Хлопая посоловелыми глазами, чтобы не заснуть, я принялся считать звёзды. Насчитал шестьдесят три штуки, сбился, плюнул и стал следить за тем, как чёрная, похожая на бревно туча нагоняет другую и хочет ударить ей прямо в широко открытую зубастую пасть. Но тут вмешалось третье, худое, длинное облако, и своей кривой лапой оно взяло да и закрыло светлый фонарь луны.

Стало темно, а когда просветлело, то ни тучи-бревна, ни зубастой тучи уже не было, а по звёздному небу плавно летел большой самолёт.

Широко распахнутые окна его были ярко освещены. За столом, отодвинув вазу с цветами, сидела над своими чертежами моя мама и изредка поглядывала на часы, удивляясь тому, что меня так долго нет.

И тогда, испугавшись, как бы она не пролетела мимо моей лесной поляны, я выхватил свой оловянный браунинг и выстрелил. Дым окутал всю поляну, залез мне в нос и рот. И эхо от выстрела, долетев до широких крыльев самолёта, дважды звякнуло, как железная крыша под ударом тяжёлого камня.

Я вскочил на ноги.

Уже светало. Оловянный браунинг мой валялся на песке. Рядом с ним сидел Брутик и недовольно крутил носом, потому что переменившийся за ночь ветер пригнал на поляну струю угарного дыма. Я прислушался. Впереди, вправо, брякало железо. Значит, сон мой был не совсем

сон. Значит, впереди были люди, и, следовательно, бояться мне было нечего.

В овраге, по дну которого бежал ручей, я напился. Вода была совсем тёплая, почти горячая, пахла смолой и сажей. Очевидно, истоки ручья находились где-то в полосе огня. За оврагом начинался невысокий лиственный лес, из которого всё живое при первом же запахе дыма убралось прочь, и только одни муравьи, как и всегда, тихо копошились возле своих рыхлых построек да серые лягушки, которым всё равно посуху не ускакать далеко, скрипуче квакали у зелёного болота.

Обогнув болото, я попал в чашу. И вдруг совсем неподалёку я услышал три резких удара железом о железо, как будто бы кто-то бил молотком по жестяному днищу ведёрка.

Осторожно двинулся я вперёд. Мимо деревьев со сломанными, точно срезанными верхушками, мимо свежих ветвей, листвы и сучьев, которыми густо была усыпана земля, я вышел на крохотную полянку. И здесь как-то боком, задрав нос и закинув крыло на ствол погнувшейся осины, торчал самолёт. Внизу, под самолётом, сидел человек. Стальным гаечным ключом он равномерно колотил по металлическому кожуху мотора. И этот человек был Фенин отец – лётчик Федосеев.

Ломая ветви, я продрался к нему и его окликнул.

Он отбросил гаечный ключ. Повернулся в мою сторону всем туловищем (встать он, очевидно, не мог) и, внимательно оглядев меня, удивлённо спросил:

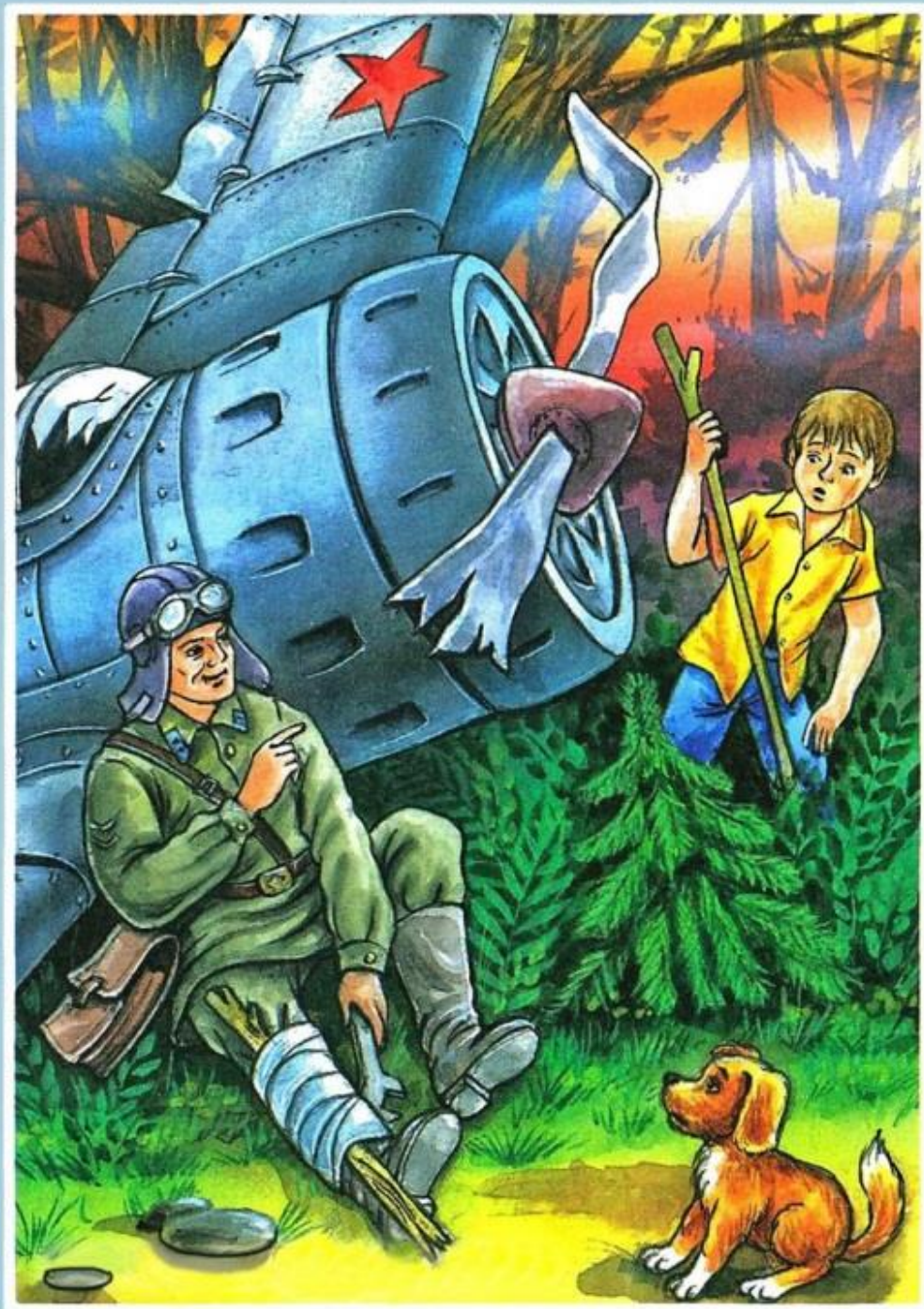
– Гей, чудное виденье! Из каких небес по мою душу?

– Это вы? – не зная, как начать, сказал я.

– Да, это я. А это... – он ткнул пальцем в опрокинутый самолёт, – это лошадь моя. Дай спички. Народ близко?

– Спичек у меня нет, Василий Семёнович, а народу никакого нет тоже.

– Как нет? О, чёрт! – И лицо его болезненно перекоши-

Рядом с упавшим самолётом сидел человек. Стальным гаечным ключом он равномерно колотил по металлическому кожуху мотора. И этот человек был Фенин отец — лётчик Федосеев.

лось, потому что он тронул с места укутанную тряпкой ногу. – А где же народ, люди?

– Людей нет, Василий Семёнович. Я один, да вот... моя собака.

– Один? Гм... Собака?.. Ну у тебя и собака!.. Так что же, скажи на милость, ты здесь один делаешь? Грибы жареные собираешь, золу, уголья?

– Я ничего не делаю, Василий Семёнович. Я мчался, вдруг слышу – брякает. Я и сам думал, что тут люди. А это вы, оказывается. А вас все ищут, ищут...

– Та-ак, люди... А я, значит, уже не «люди». Отчего это у тебя вся щека в крови? Возьми банку, смажь йодом да кати-ка ты, милый, во весь дух к аэродрому. Скажи там поласковой, чтобы скорей за мной послали. Они меня ищут бог знает где, а я-то совсем рядом. Чу, слышишь? – И он потянул ноздрями, пригнувшись к сладковато-угарному порыву ветра.

– Это я слышу, Василий Семёнович, только я никуда дороги не знаю. Я, видите ли, и сам заблудился.

– Фью, фью! – присвистнул лётчик Федосеев... – Ну, тогда, как я вижу, дела у нас с тобой плохи, товарищ. Ты в Бога веруешь?

– Что вы, что вы! – удивился я. – Да вы меня, Василий Семёнович, наверное, не узнали? Я же Володька, в вашем дворе живу, в сто двадцать четвёртой квартире.

– Ну вот, Володька: ты нет и я нет. Значит, на чудеса нам надеяться нечего. Залезь-ка ты на то дерево и что оттуда увидишь, про то мне расскажешь.

Через пять минут я уже был на самой вершине. Но с трёх сторон я увидел только лес, лес... А с четвёртой, километрах в пяти от нас, из лесу поднималось облако дыма и медленно продвигалось в нашу сторону.

Ветер был неустойчивый, неровный, и каждую минуту он мог рвануть во всю силу.

Я слез и рассказал обо всём этом лётчику Федосееву.

Он взглянул на небо: небо было спокойно.

Лётчик Федосеев задумался.

– Послушай, – спросил он, – ты карту знаешь?

– Знаю, – ответил я. – Москва, Ленинград, Минск, Киев, Тифлис...

– Эх ты, хватил в каком масштабе! Ты бы ещё начал: Европа, Америка, Африка, Азия. Я тебя спрашиваю: если я тебе по карте начерчу дорогу, ты разберёшься?

Я замялся.

– Не знаю, Василий Семёнович. У нас это по географии проходили, да я что-то плохо...

– Эх, голова! То-то «плохо»... Ну ладно, раз плохо, тогда лучше и не надо. Вот, смотри. – Он вытянул руку. – Отойди на поляну дальше. Повернись лицом к солнцу. Теперь повернись так, чтобы солнце светило тебе как раз на край левого глаза. Это и будет твоё направление. Подойди и сядь.

Я подошёл и сел.

– Ну, говори, что понял?

– Чтоб солнце сверкало в край левого глаза, – неуверенно начал я.

– Не сверкало, а светило. От сверкания глаза ослепнуть могут. И запомни: что бы тебе в голову ни втемяшилось, не вздумай свернуть с этого направления в сторону, а кати всё прямо да прямо до тех пор, пока километров через семь-восемь ты не упрёшься в берег реки Кальвы. Она тут, и деваться ей некуда. Ну, а на Кальве, у Четвёртого яра, там всегда народ: там рыбаки, косари, охотники... Кого первого встретишь, к тому и кидайся. А что сказать...

Тут Федосеев посмотрел на разбитый самолёт, на свою неподвижную, укутанную тряпками ногу, понюхал угарный воздух и покачал головой:

– А что сказать им... ты и сам, я думаю, знаешь.

Я вскочил.

– Постой! – сказал Федосеев. Он вынул из бокового

кармана бумажник и протянул его мне. – Возьмёшь с собой.

– Зачем? – не понял я.

– Возьми, – повторил он. – Я могу заболеть, потеряю. Потом отдашь мне, когда встретимся. А не мне, так моей жене или нашему комиссару.

Это мне совсем не понравилось, и я почувствовал, что к глазам моим подкатываются слёзы, а губы у меня вздрагивают.

Но лётчик Федосеев смотрел на меня строго, и поэтому я не посмел его послушаться. Я положил бумажник за пазуху, затянул покрепче ремень и свистнул Брутика.

– Пстой! – опять задержал меня Федосеев. – Если ты раньше моего увидишь кого-либо из НКВД или нашего комиссара, то скажи, что в районе пожара, на двадцать четвёртом участке, позавчера, в девятнадцать тридцать, я видел трёх человек. Думал – охотники. Когда я снизился, то с земли они ударили по самолёту из винтовок, и одна пуля пробила мне бензиновый бак. Остальное всё будет понятно. А теперь, герой, ну, вперёд двигай!

Тяжёлое дело – спасая человека, бежать через чужой угрюмый лес к далёкой реке Кальве, без дорог, без тропинок, а выбирая путь только по солнцу, которое неуклонно должно светить в край левого глаза.

Часто по пути мне приходилось обходить непролазную гущу, крутые овражки, сырые болота. Если бы не строгое предупреждение Федосеева, я десять раз успел бы сбиться и заблудиться, потому что частенько казалось мне, что солнце солнцем, а я бегу уже назад, прямо к месту моей вчерашней ночёвки.

Но так упорно продвигался я вперёд и вперёд, изредка останавливаясь, вытирал мокрый лоб и гладил глупого Брутика, который, вероятно, от страха катил за мной не отставая и, высунув длинный язык, печально глядел на меня ничего не понимающими глазами.

Через час подул резкий ветер, серая мгла наглухо затянула небо. Некоторое время солнце ещё слабо обозначалось пятном, туманным и расплывчатым, потом и это пятно совсем растаяло.

Я продвигался быстро и осторожно. Но через короткое время почувствовал, что я начинаю плутать.

Небо надо мной сомкнулось, хмурое, ровное. И не то что в левый, а даже в оба глаза я не мог различить на нём ни малейшего просвета.

Прошло ещё часа два. Солнца не было, Кальвы не было, сил не было, и даже страха не было, а была только сильная жажда, усталость, и я наконец повалился в тень под кустом ольхи.

«И вот она, жизнь! — закрыв глаза, думал я — Живёшь, ждёшь: вот, мол, придёт какой-нибудь случай, приключение, тогда я... я... А что я? Там разбит самолёт. Туда ползёт огонь. Там раненый лётчик ждёт помощи. А я, как колода, лежу на траве и ничем помочь ему не в силах».

Звонкий свист пичужки раздался где-то совсем близко. Я вздрогнул. Тук-тук! Тук-тук! — послышалось сверху. Открыв глаза, почти у себя над головой, на стволе толстого ясеня, я увидел дятла.

Тут только я заметил, что лес этот уже не глухой и не мёртвый. Здесь кружились над поляной жёлтые и синие бабочки, блистали стрекозы и неумолчно трещали кузнечики.

И не успел я приподняться, как мокрый, словно мочалка, Брутик кинулся мне прямо на живот, подпрыгнул и затрясся, широко разбрасывая холодные мелкие брызги, — он где-то выкупался.

Я вскочил, бросился в кусты и радостно вскрикнул, потому что и всего-то шагах в сорока от меня в блеске сумрачного дня катила свои серые волны широкая река Кальва.

Я подошёл к берегу и огляделся. Ни справа, ни слева,

ни на воде, ни на берегу никого не было. Не было ни жилища, ни людей, не было ни рыбаков, ни сплавщиков, ни косарей, ни охотников. Вероятно, я забрал очень круто в сторону от того Четвёртого яра, на который я должен был выйти по указу лётчика Федосеева. Но на противоположном берегу, на опушке леса, не меньше чем за километр отсюда, клубился дымок, и там, возле маленького шалаша, стояла запряжённая в телегу лошадь.

Острый холодок пробежал по моему телу. Руки и шея покрылись мурашками, плечи передёрнулись, как в лихорадке, потому что я понял, что мне нужно будет переплыть Кальву. Я же плавал плохо. Правда, я мог переплыть пруд, тот, что лежал в посёлке позади кирпичных сараев. Больше того, я мог переплыть его даже туда и обратно. Но это только потому, что даже в самом глубоком месте вода доставала мне не выше подбородка.

Я стоял и молчал. По воде плыли щепки, ветки, куски сырой травы и клочья пухлой пены. И я знал, что, раз нужно, я переплыву Кальву – она не так широка, чтобы я выбился из сил и задохнулся. Но я знал и то, что стоит мне на мгновение растеряться, испугаться глубины, хлебнуть глоток воды, и я пойду ко дну, как это со мной было год тому назад на совсем неширокой речонке Лугарке.

Я подошёл к берегу, вынул из кармана тяжёлый оловянный браунинг, повертел его и швырнул в воду.

Браунинг – это игрушка, а теперь мне было не до игры.

Ещё раз посмотрел я на противоположный берег, зачерпнул пригоршню холодной воды. Глотнул, чтобы успокоилось сердце. Несколько раз глубоко вздохнул, шагнул в воду. И чтобы не тратить даром сил, по отлогому песчаному скату шёл я до тех пор, пока вода не достигла мне до подбородка.

Дикий вой раздался за моей спиной. Это как сумасшедший скакал по берегу Брутик.

Я поманил его пальцем, откашлялся, сплюнул и, оттолкнувшись ногами, стараясь не брызгать, поплыл.

Теперь, когда голова моя была над водой низко, противоположный берег показался мне очень далёким, и, чтобы не пугаться, я опустил глаза на воду.

Так, полегоньку, уговаривая себя не волноваться, а главное – не торопиться, взмах за взмахом продвигался я вперёд.

Вот уже и вода похолодела, прибрежные кусты побежали вправо – это потащило меня течение. Но я это предвидел и поэтому не испугался. Пусть тащит. Моё дело спокойней, раз, раз... вперёд и вперёд... Берег понемногу приближался, уже видны были серебристые, покрытые пухом листья осинника, и вода стремительно несла меня к песчаному повороту.

Ничего плохого в этом пока не было.

Вдруг позади себя я услышал голоса. Я хотел повернуться, но не решился.

Потом за моей спиной раздался плеск, и вскоре я увидел, что, высоко подняв морду и отчаянно шлёпая лапами, выбиваясь из последних сил, сбоку ко мне подплывает Брутик.

«Ты смотри, брат! – с тревогой подумал я. – Ты ко мне не лезь, а то потонем оба».

Я рванулся в сторону, но течение столкнуло меня назад, и, воспользовавшись этим, проклятый Брутик, больно царапаясь когтями, полез ко мне прямо на шею.

«Теперь пропал! – окунувшись с головой в воду, подумал я. – Теперь дело кончено!»

Фыркая и отплёвываясь, я вынырнул на поверхность, взмахнул руками и тотчас же почувствовал, как Брутик с отчаянным визгом лезет мне на голову.

Тогда, собравши последние силы, я отшвырнул Брутика, но тут в рот и в нос мне ударила волна.

Я захлебнулся, бестолково замахал руками и опять услышал на оставленном мною берегу голоса, шум и лай.

Тут налетела ещё волна, опрокинула меня с живота на

спину, и последнее, что я помню, – это луч солнца сквозь тучи и чью-то страшную морду, которая, широко открыв зубастую пасть, кинулась мне на грудь.

...Как узнал я позже, два часа спустя после того, как я ушёл от лётчика Федосеева, по моим следам от проезжей дороги собака Лютта привела людей к лётчику. И прежде чем попросить чего-либо для себя, лётчик Федосеев показал им на покрытое тучами небо и приказал догонять меня.

В тот же вечер другая собака, по прозвищу Ветер, настигла в лесу трёх вооружённых людей. Тех, что перешли границу, чтобы сжечь леса, а с ними и наш новый большой завод. Одного из них убили в перестрелке, двоих схватили. Но и им – мы знали – пощады не будет.

Я лежал дома в постели.

Под одеялом было тепло и мягко. Привычно стучал будильник. Из-под крана на кухне брызгала вода. Это умывалась мама. Вот она вошла и сдёрнула с меня одеяло.

– Вставай, хвастунишка! – сказала она, терпеливо расчёсывая гребешком свои густые чёрные волосы. – Я вчера зашла к вам на собрание и от дверей слышала, как это ты разошёлся: «я вскочил», «я кинулся», «я рванулся». А ребяташки, глупые, сидят, уши развесили. Думают – и правда.

Но я хладнокровен.

– Да, – с гордостью говорю я, – а ты попробуй-ка переплыви в одежде Кальву.

– Хорошо «переплыви», когда тебя самого из воды собака Лютта за рубашку вытащила! Уж ты бы лучше, герой, помалкивал. Я у Федосеева спрашивала. «Прибежал, – говорит, – ваш Володька ко мне, бледный, трясётся... У меня, – говорит, – по географии «плохо». Насилу-насилу уговорил я его бежать к реке Кальве».

– Ложь! – Лицо моё вспыхивает, я вскакиваю и гневно гляжу в глаза матери.

Но тут я вижу, что это она просто смеётся, что под глазами у неё ещё не растаяла бледно-синеватая дымка. Значит, совсем недавно крепко она обо мне плакала и только не хочет в этом сознаться. Такой уж у неё, в меня, характер!

Она ерошит мне волосы и говорит:

– Вставай, Володька. За ботинками сбегай. Я до сих пор так и не успела.

Она берёт свои чертежи, готовальню, линейки и идёт готовиться к зачёту...

Я бегу за ботинками, но во дворе, увидав меня с балкона, отчаянно визжит Феня.

– Иди! – кричит она. – Да иди же скорей, тебя зовёт папа!

«Ладно, – думал я, – за ботинками успею».

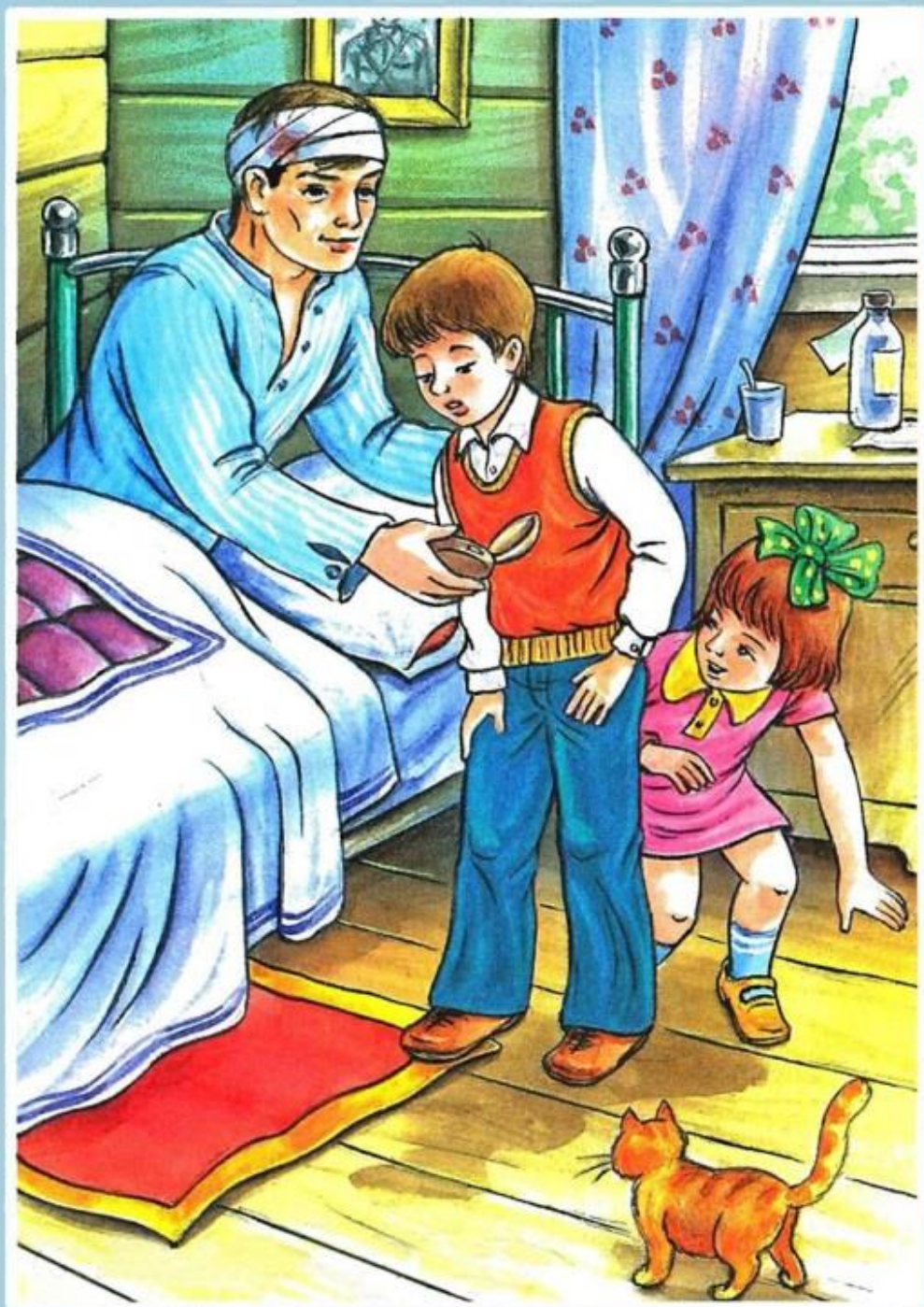
И поднимаюсь наверх.

Наверху Фенька с разбегу хватает меня за ноги и тянет к отцу в комнату. У него вывих ноги, и он лежит в постели забинтованный. Рядом с лекарствами возле него на столике лежит острый ножичек и стальное шило. Он над чем-то работал. Он здороваётся со мной и расспрашивает меня о том, как я бежал, как заблудился и как снова нашёл реку Кальву.

Потом он суёт руку под подушку и протягивает мне похожий на часы, блестящий, никелированный компас с крышкой, с запором и с вертящейся фосфорной картушкой.

– Возьми, – говорит он, – учись разбирать карту. Это тебе от меня на память.

Я беру. На крышке аккуратно обозначен год, месяц и число. То самое, когда я встретил Федосеева в лесу у самолёта. Внизу надпись: «Владимиру Курнакову от лётчика Федосеева».

Федосеев протягивает мне похожий на часы, блестящий, никелированный компас с крышкой.

— Возьми, — говорит он. — Это тебе от меня на память.

Я стою молча. Погибли! Погибли теперь без возврата все мальчишки нашего двора. И нет им от меня сожаленья, нет пощады!

Я жму лётчику руку и выхожу к Фене. Мы стоим с ней у окна, и она что-то бормочет, бормочет, а я не слышу и не слышу.

Наконец она дёргает меня за рукав и говорит:

– Всё хорошо, только жаль, бедного: он утонул. Брутик!

Да, Брутика жаль и мне. Но что поделаешь: раз война, так война.

– Если бы мы тогда не запихали ему в рот конфету, он бы к нам не привязался, – печально говорит Феня.

– Кто знает, – утешаю её я, – а может быть, тогда пришли бы собачники, поддели бы его крюком, посадили в ящик, а потом содрали с него шкуру. Вот тебе и другая гибель. И разве она лучше?

Через окно нам видны леса. Огонь потушен, и только кое-где подымается дымок. Но и там заканчивают своё дело последние бригады.

Через окно виден наш огромный завод, тот самый, на котором работает почти весь наш новый посёлок.

Около завода в два ряда протянута колючая проволока. А по углам под деревянными щитами день и ночь стоят часовые.

Даже отсюда нам с Феней слышно бряцание цепей, лязг железа, гул моторов и тяжёлые удары парового молота. Что на этом заводе делают, мы не знаем. А если бы и знали, так не сказали бы никому, кроме одного – товарища Ворошилова.

ТИМУР И ЕГО КОМАНДА

Вот уже три месяца, как командир бронедивизиона полковник Александров не был дома. Вероятно, он был на фронте.

В середине лета он прислал телеграмму, в которой предложил своим дочерям Ольге и Жене остаток каникул провести под Москвой на даче.

Сдвинув на затылок цветную косынку и опираясь на палку щётки, насупившаяся Женя стояла перед Ольгой, а та ей говорила:

– Я поехала с вещами, а ты приберёшь квартиру. Можешь бровями не дёргать и губы не облизывать. Потом запри дверь. Книги отнеси в библиотеку. К подругам не заходи, а отправляйся прямо на вокзал. Оттуда пошли папе вот эту телеграмму. Затем садись в поезд и приезжай на дачу... Евгения, ты меня должна слушаться. Я твоя сестра...

– И я твоя тоже.

– Да... но я старше... и, в конце концов, так велел папа.

Когда во дворе зафырчала отъезжающая машина, Женя вздохнула и оглянулась. Кругом был разор и беспорядок. Она подошла к пыльному зеркалу, в котором отражался висевший на стене портрет отца.

Хорошо! Пусть Ольга старше, и пока её нужно слушаться. Но зато у неё, у Жени, такие же, как у отца, нос, рот, брови. И, вероятно, такой же, как у него, будет характер.

Она ту же перевязала косынкой волосы. Сбросила сандалии. Взяла тряпку. Сдёрнула со стола скатерть, сунула под кран ведро и, схватив щётку, поволокла к порогу груды мусора.

Вскоре запыхтела керосинка и загудел примус.

Пол был залит водой. В бельевом цинковом корыте

шипела и лопалась мыльная пена. А прохожие с улицы удивлённо поглядывали на босоногую девчонку в красном сарафане, которая, стоя на подоконнике третьего этажа, смело протирала стёкла распахнутых окон.

Грузовик мчался по широкой солнечной дороге. Поставив ноги на чемодан и опираясь на мягкий узел, Ольга сидела в плетёном кресле. На коленях у неё лежал рыжий котёнок и тербил лапами букет васильков.

У тридцатого километра их нагнала походная красноармейская мотоколонна. Сидя на деревянных скамьях рядами, красноармейцы держали направленные дулом к небу винтовки и дружно пели.

При звуках этой песни шире распахивались окна и двери в избах. Из-за заборов, из калиток вылетали обрадованные ребяташки. Они махали руками, бросали красноармейцам ещё незрелые яблоки, кричали вдогонку «ура» и тут же затевали бои, сражения, врубаясь в полынь и крапиву стремительными кавалерийскими атаками.

Грузовик свернул в дачный посёлок и остановился перед небольшой, укрытой плющом дачей.

Шофёр с помощником откинули борта и взялись сгружать вещи, а Ольга открыла застеклённую террасу.

Отсюда был виден большой запущенный сад. В глубине сада торчал неуклюжий двухэтажный сарай, и над крышею этого сарая развевался маленький красный флаг.

Ольга вернулась к машине. Здесь к ней подскочила бойкая старая женщина — это была соседка, молочница. Она вызвалась прибрать дачу, вымыть окна, полы и стены.

Пока соседка разбирала тазы и тряпки, Ольга взяла котёнка и прошла в сад.

На стволах обклёванных воробьями вишен блестела горячая смола. Крепко пахло смородиной, ромашкой и полынью. Замшелая крыша сарая была в дырах, и из этих дыр тянулись поверху и исчезали в листве деревьев какие-то тонкие верёвочные провода.

Ольга пробралась через орешник и смахнула с лица паутину.

Что такое? Красного флага над крышей уже не было, и там торчала только палка.

Тут Ольга услышала быстрый, тревожный шёпот.

И вдруг, ломая сухие ветви, тяжёлая лестница – та, что была приставлена к окну чердака сарая, – с треском полетела вдоль стены и, подминая лопухи, гулко брякнулась о землю.

Верёвочные провода над крышей задрожали. Царапнув руки, котёнок кувыркнулся в крапиву. Недоумевая, Ольга остановилась, осмотрелась, прислушалась. Но ни среди зелени, ни за чужим забором, ни в чёрном квадрате окна сарая никого не было ни видно, ни слышно.

Она вернулась к крыльцу.

– Это ребяташки по чужим садам озоруют, – объяснила Ольге молочница. – Вчера у соседей две яблони обтрясли, сломали грушу. Такой народ пошёл... хулиганы. Я, дорогая, сына в Красную Армию служить проводила. И как пошёл, вина не пил. «Прощай, – говорит, – мама». И пошёл и засвистел, милый. Ну, к вечеру, как положено, взгрустнулось, всплакнула. А ночью просыпаюсь, и чудится мне, что по двору шныряет кто-то, шмыгает. Ну, думаю, человек я теперь одинокий, заступиться некому... А много ли мне, старой, надо? Кирпичом по голове стукни – вот я и готова. Однако Бог миловал – ничего не украли. Пошмыгали, пошмыгали и ушли. Кадка у меня во дворе стояла – дубовая, вдвоём не своротишь, – так её шагов на двадцать к воротам подкатили. Вот и всё. А что был за народ, что за люди – дело тёмное.

В сумерки, когда уборка была закончена, Ольга вышла на крыльцо. Тут из кожаного футляра бережно достала она белый, сверкающий перламутром аккордеон – подарок отца, который он прислал ей ко дню рождения.

Она положила аккордеон на колени, перекинула ремень через плечо и стала подбирать музыку к словам недавно услышанной ею песенки:

Ах, если б только раз
Мне вас ещё увидеть,
Ах, если б только... раз...

И два... и три...

А вы и не поймёте
На быстром самолёте,
Как вас ожидала я до утренней зари.

Да!

Лётчики-пилоты! Бомбы-пулемёты!

Вот и улетели в дальний путь.

Вы когда, вернётесь?

Я не знаю, скоро ли,

Только возвращайтесь... хоть когда-нибудь.

Ещё в то время, когда Ольга напевала эту песенку, несколько раз бросала она короткие насторожённые взгляды в сторону тёмного куста, который рос во дворе у забора.

Закончив играть, она быстро поднялась и, повернувшись к кусту, громко спросила:

– Послушайте! Зачем вы прячетесь и что вам здесь надо?

Из-за куста вышел человек в обыкновенном белом костюме. Он наклонил голову и вежливо ей ответил:

– Я не прячусь. Я сам немного артист. Я не хотел вам мешать. И вот я стоял и слушал.

– Да, но вы могли стоять и слушать с улицы. Вы же для чего-то перелезли через забор.

– Я? Через забор?.. – обиделся человек. – Извините, я не кошка. Там, в углу забора, выломаны доски, и я с улицы проник через это отверстие.

– Понятно! – усмехнулась Ольга. – Но вот калитка. И будьте добры проникнуть через неё обратно на улицу.

Человек был послушен. Не говоря ни слова, он прошёл

через калитку, запер за собой задвижку, и это Ольге понравилось.

– Погодите! – спускаясь со ступени, остановила его она. – Вы кто? Артист?

– Нет, – ответил человек. – Я инженер-механик, но в свободное время я играю и пою в нашей заводской опере.

– Послушайте, – неожиданно просто предложила ему Ольга. – Проводите меня до вокзала. Я жду младшую сестрёнку. Уже темно, поздно, а её всё нет и нет. Помните, я никого не боюсь, но я ещё не знаю здешних улиц. Однако постойте, зачем вы открываете калитку? Вы можете подождать меня и у забора.

Она отнесла аккордеон, накинула на плечи платок и вышла на тёмную, пахнущую росой и цветами улицу.

Ольга была сердита на Женю и поэтому со своим спутником по дороге говорила мало. Он же сказал ей, что его зовут Георгий, фамилия его Гараев и он работает инженером-механиком на автомобильном заводе.

Поджидая Женю, они пропустили уже два поезда, наконец прошёл и третий, последний.

– С этой негодной девчонкой хлебнёшь горя! – огорчённо воскликнула Ольга. – Ну, если бы ещё мне было лет сорок или хотя бы тридцать. А то ей тринадцать, мне восемнадцать, и поэтому она меня совсем не слушается.

– Сорок не надо! – решительно отказался Георгий. – Восемнадцать куда как лучше! Да вы зря не беспокойтесь. Ваша сестра приедет рано утром.

Перрон опустел. Георгий вынул портсигар. Тут же к нему подошли два молодцеватых подростка и, дожидаясь огня, вынули свои папиросы.

– Молодой человек, – зажигая спичку и озаря лицо старшего, сказал Георгий, – прежде чем тянуться ко мне с папиросой, надо поздороваться, ибо я уже имел честь с вами познакомиться в парке, где вы трудолюбиво выла-

мывали доску из нового забора. Вас зовут Михаил Квакин. Не так ли?

Мальчишка засопел, попятился, а Георгий потушил спичку, взял Ольгу за локоть и повёл её к дому.

Когда они отошли, второй мальчишка сунул замусоленную папиросу за ухо и небрежно спросил:

– Это ещё что за пропагандист выискался? Здешний?

– Здешний, – нехотя ответил Квакин. – Это Тимки Гараева дядя. Тимку бы поймать, излупить надо. Он подобрал себе компанию, и они, кажется, гнут против нас дело.

Тут оба приятеля заметили под фонарём в конце платформы седого почтенного джентльмена, который, опираясь на палку, спускался по лесенке.

Это был местный житель, доктор Ф. Г. Колокольчиков. Они помчались за ним вдогонку, громко спрашивая, нет ли у него спичек. Но их вид и голоса никак не понравились этому джентльмену, потому что, обернувшись, он погрозил им суковатой палкой и степенно пошёл своей дорогой.

С московского вокзала Женя не успела послать телеграмму отцу, и поэтому, сойдя с дачного поезда, она решила разыскать поселковую почту.

Проходя через старый парк и собирая колокольчики, она незаметно вышла на перекрёсток двух огороженных садами улиц, пустынный вид которых ясно показывал, что попала она совсем не туда, куда ей было надо.

Невдалеке она увидела маленькую проворную девчонку, которая с ругательствами волокла за рога упрямую козу.

– Скажи, дорогая, пожалуйста, – закричала ей Женя, – как мне пройти отсюда на почту?

Но тут коза рванулась, крутанула рогами и галопом понеслась по парку, а девчонка с воплем помчалась за ней следом. Женя огляделась: уже смеркалось, а людей вокруг

видно не было. Она открыла калитку чьей-то серой двухэтажной дачи и по тропинке прошла к крыльцу.

– Скажите, пожалуйста, – не открывая дверь, громко, но очень вежливо спросила Женя, – как бы мне отсюда пройти на почту?

Ей не ответили. Она постояла, подумала, открыла дверь и через коридор прошла в комнату. Хозяев дома не было. Тогда, смутившись, она повернулась, чтобы выйти, но тут из-под стола бесшумно выползла большая светло-рыжая собака. Она внимательно оглядела оторопевшую девчонку и, тихо зарычав, легла поперёк пути у двери.

– Ты глупая! – испуганно растопыривая пальцы, закричала Женя. – Я не вор! Я у вас ничего не взяла. Это вот ключ от нашей квартиры. Это телеграмма папе. Мой папа – командир. Тебе понятно?

Собака молчала и не шевелилась. А Женя, потихоньку подвигаясь к распахнутому окну, продолжала:

– Ну вот! Ты лежишь? И лежи... Очень хорошая собачка... такая с виду умная, симпатичная.

Но едва Женя дотронулась рукой до подоконника, как симпатичная собака с грозным рычаньем вскочила, и, в страхе прыгнув на диван, Женя поджала ноги.

– Очень странно, – чуть не плача, заговорила она. – Ты лови разбойников и шпионов, а я... человек. Да! – Она показала собаке язык. – Дура!

Женя положила ключ и телеграмму на край стола. Надо было дожидаться хозяев.

Но прошёл час, другой... Уже стемнело. Через открытое окно доносились далёкие гудки паровозов, лай собак и удары волейбольного мяча. Где-то играли на гитаре. И только здесь, около серой дачи, всё было глухо и тихо.

Положив голову на жёсткий валик дивана, Женя тихонько заплакала. Наконец она крепко уснула.

Она проснулась только утром.

Собака с грозным рычанием вскочила, и, в страхе прыгнув на диван, Женя поджала ноги.

— Очень странно,— чуть не плача, заговорила она.— Ты лови разбойников и шпионов, а я... человек.

За окном шумела пышная, омытая дождём листва. Неподалёку скрипело колодезное колесо. Где-то пилили дрова, но здесь, на даче, было по-прежнему тихо.

Под головой у Жени лежала теперь мягкая кожаная подушка, а ноги её были накрыты лёгкой простынёй. Собаки на полу не было.

Значит, сюда ночью кто-то приходил!

Женя вскочила, откинула волосы, одёрнула помятый сарафанчик, взяла со стола ключ, неотправленную телеграмму и хотела бежать.

И тут на столе она увидела лист бумаги, на котором крупно синим карандашом было написано:

«Девочка, когда будешь уходить, захлопни крепче дверь». Ниже стояла подпись: «Тимур».

«Тимур? Кто такой Тимур? Надо бы повидать и поблагодарить этого человека».

Она заглянула в соседнюю комнату. Здесь стоял письменный стол, на нём чернильный прибор, пепельница, небольшое зеркало. Справа, возле кожаных автомобильных краг, лежал старый, ободранный револьвер. Тут же у стола в облупленных и исцарапанных ножнах стояла кривая турецкая сабля. Женя положила ключ и телеграмму, потрогала саблю, вынула её из ножен, подняла клинок над своей головой и посмотрелась в зеркало.

Вид получился суровый, грозный. Хорошо бы так сняться и потом притащить в школу карточку! Можно было бы соврать, что когда-то отец брал её с собой на фронт. В левую руку можно взять револьвер. Вот так. Это будет ещё лучше. Она до отказа стянула брови, сжала губы и, целясь в зеркало, надавила курок.

Грохот ударил по комнате. Дым заволок окна. Упало на пепельницу настольное зеркало. И, оставив на столе и ключ и телеграмму, оглушённая Женя вылетела из комнаты и помчалась прочь от этого странного и опасного дома.

Каким-то путём она очутилась на берегу речки. Теперь у неё не было ни ключа от московской квартиры, ни квитанции на телеграмму, ни самой телеграммы. И теперь Ольге надо было рассказывать всё: и про собаку, и про ночёвку в пустой даче, и про турецкую саблю, и, наконец, про выстрел. Скверно! Был бы папа, он бы понял. Ольга не поймёт. Ольга рассердится или, чего доброго, заплачет. А это ещё хуже. Плакать Женя и сама умела. Но при виде Ольгиных слёз ей всегда хотелось забраться на телеграфный столб, на высокое дерево или на трубу крыши.

Для храбрости Женя выкупалась и тихонько пошла отыскивать свою дачу.

Когда она поднималась по крылечку, Ольга стояла на кухне и разводила примус. Заслышав шаги, Ольга обернулась и молча враждебно уставилась на Женю.

– Оля, здравствуй! – останавливаясь на верхней ступеньке и пытаясь улыбнуться, сказала Женя. – Оля, ты ругаться не будешь?

– Буду! – не сводя глаз с сестры, ответила Ольга.

– Ну, ругайся, – покорно согласилась Женя. – Такой, знаешь ли, странный случай, такое необычайное приключение! Оля, я тебя прошу, ты бровями не дёргай, ничего страшного, я просто ключ от квартиры потеряла, телеграмму папе не отправила...

Женя зажмурила глаза и перевела дух, собираясь выпалить всё разом. Но тут калитка перед домом с треском распахнулась. Во двор заскочила, вся в репьях, лохматая коза и, низко опустив рога, помчалась в глубь сада. А за нею с воплем пронеслась уже знакомая Жене босоногая девчонка. Воспользовавшись таким случаем, Женя прервала опасный разговор и кинулась в сад выгонять козу.

Она нагнала девчонку, когда та, тяжело дыша, держала козу за рога.

– Девочка, ты ничего не потеряла? – быстро сквозь зубы спросила у Жени девчонка, не переставая колошматить козу пинками.

– Нет, – не поняла Женя.

– А это чьё? Не твоё? – И девчонка показала ей ключ от московской квартиры.

– Моё, – шёпотом ответила Женя, робко оглядываясь в сторону террасы.

– Возьми ключ, записку и квитанцию, а телеграмма уже отправлена, – всё так же быстро и сквозь зубы пробормотала девчонка.

И, сунув Жене в руку бумажный свёрток, она ударила козу кулаком.

Коза поскакала к калитке, а босоногая девчонка прямо через колючки, через крапиву, как тень, понеслась следом. И разом за калиткою они исчезли.

Сжав плечи, как будто бы поколотили её, а не козу, Женя раскрыла свёрток.

«Это ключ. Это телеграфная квитанция. Значит, кто-то телеграмму отцу отправил. Но кто? Ага, вот записка! Что же это такое?»

В этой записке крупно, синим карандашом было написано:

«Девочка, никого дома не бойся. Всё в порядке, и никто от меня ничего не узнает». А ниже стояла подпись: «Тимур».

Как замороженная, тихо сунула Женя записку в карман. Потом выпрямила плечи и уже спокойно пошла к Ольге. Ольга стояла всё там же, возле неразожжённого примуса, и на глазах её уже выступили слёзы.

– Оля! – горестно воскликнула тогда Женя. – Я пошутила. Ну за что ты на меня сердись? Я прибрала всю квартиру, я протёрла окна, я старалась, я все тряпки, все полы вымыла. Вот тебе ключ, вот квитанция от папиной телеграммы. И дай лучше я тебя поцелую. Знаешь, как я тебя люблю! Хочешь, я для тебя в крапиву с крыши спрыгну?

И, не дожидаясь, пока Ольга что-либо ответит, Женя бросилась к ней на шею.

– Да... но я беспокоилась, – с отчаянием заговорила Ольга. – И вечно нелепые у тебя шутки... А мне папа велел... Женя, оставь! Женька, у меня руки в керосине! Женька, налей лучше молоко и поставь кастрюлю на примус!

– Я... без шуток не могу, – бормотала Женя в то время, когда Ольга стояла возле умывальника.

Она бухнула кастрюлю с молоком на примус, потрогала лежавшую в кармане записку и спросила:

– Оля, Бог есть?

– Нет, – ответила Ольга и подставила голову под умывальник.

– А кто есть?

– Отстань! – с досадой ответила Ольга. – Никого нет!

Женя помолчала и опять спросила:

– Оля, а кто такой Тимур?

– Это не Бог, это один царь такой, – намыливая себе лицо и руки, неохотно ответила Ольга, – злой, хромой, из средней истории.

– А если не царь, не злой и не из средней, тогда кто?

– Тогда не знаю. Отстань! И на что это тебе Тимур дается?

– А на то, что мне кажется, я очень люблю этого человека.

– Кого? – И Ольга недоуменно подняла покрытое мыльной пеной лицо. – Что ты всё там бормочешь, выдумываешь, не даёшь спокойно умыться! Вот погоди, придет папа, и он в твоей любви разберётся.

– Что ж папа! – скорбно, с пафосом воскликнула Женя. – Если он и придет, то так ненадолго! И он, конечно, не будет обижать одинокого и беззащитного человека.

– Это ты-то одинокая и беззащитная? – недоверчиво спросила Ольга. – Ох, Женька, не знаю я, что ты за человек и в кого только ты уродилась!

Тогда Женя опустила голову и, разглядывая своё лицо,

отражавшееся в цилиндре никелированного чайника, гордо и не раздумывая ответила:

– В папу. Только. В него. Одного. И больше ни в кого на свете.

Пожилой джентльмен, доктор Ф. Г. Колокольчиков, сидел в своём саду и чинил стенные часы.

Перед ним с унылым выражением лица стоял его внук Коля.

Считалось, что он помогает дедушке в работе. На самом же деле вот уже целый час, как он держал в руке отвёртку, дожидаясь, пока дедушке этот инструмент понадобится.

Но стальная спиральная пружина, которую нужно было вогнать на своё место, была упряма, а дедушка был терпелив. И казалось, что конца-края этому ожиданию не будет. Это было обидно, тем более что из-за соседнего забора вот уже несколько раз высовывалась вихрастая голова Симы Симакова, человека очень расторопного и сведущего.

И этот Сима Симаков языком, головой и руками подавал Коле знаки, столь странные и загадочные, что даже пятилетняя Колина сестра Татьянка, которая, сидя под липою, сосредоточенно пыталась затолкать репей в пасть лениво развалившейся собаке, неожиданно завопила и дёрнула дедушку за штанину, после чего голова Симы Симакова мгновенно исчезла.

Наконец пружина легла на своё место.

– Человек должен трудиться, – поднимая влажный лоб и обращаясь к Коле, наставительно произнёс седой джентльмен Ф. Г. Колокольчиков. – У тебя же такое лицо, как будто бы я угощаю тебя касторкой. Поддай отвёртку и возьми клещи. Труд облагораживает человека. Тебе же душевного благородства как раз не хватает. Например, вчера ты съел четыре порции мороженого, а с младшей сестрой не поделился.

– Она врёт, бессовестная! – бросая на Татьянку сердитый взгляд, воскликнул оскорблённый Коля. – Три раза я давал ей откусить по два раза. Она же пошла на меня жаловаться да ещё по дороге стянула с маминого стола четыре копейки.

– А ты ночью по верёвке из окна лазил, – не поворачивая головы, хладнокровно лягнула Татьянка. – У тебя под подушкой есть фонарь. А в спальню к нам вчера какой-то хулиган кидал камнем. Кинет да посвистит, кинет да ещё свистнет.

Дух захватило у Коли Колокольчикова при этих наглых словах бессовестной Татьянки. Дрожь пронизала тело от головы до пяток. Но, к счастью, занятый работой дедушка на такую опасную клевету внимания не обратил или просто её не расслышал. Очень кстати в сад тут вошла с бидонами молочница и, отмеривая кружками молоко, начала жаловаться:

– А у меня, батюшка Фёдор Григорьевич, жулики ночью чуть было дубовую кадку со двора не своротили. А сегодня люди говорят, что чуть свет у меня на крыше двух человек видели: сидят на трубе, проклятые, ногами болтают.

– То есть как на трубе? С какой же это, позвольте, целью? – начал было спрашивать удивлённый джентльмен.

Но тут со стороны курятника раздался лязг и звон. Отвёртка в руке седого джентльмена дрогнула, и упрямая пружина, вылетев из своего гнезда, с визгом брякнулась о железную крышу. Все, даже Татьянка, даже ленивая собака, разом обернулись, не понимая, откуда звон и в чём дело. А Коля Колокольчиков, не сказав ни слова, метнулся, как заяц, через морковные грядки и исчез за забором.

Он остановился возле коровьего сарая, изнутри которого, так же как из курятника, доносились резкие звуки, как будто бы кто-то бил гирей по отрезку стального рельса. Здесь-то он и столкнулся с Симой Симаковым, у которого взволнованно спросил:

– Слушай... Я не пойму. Это что?.. Тревога?

– Да нет! Это, кажется, по форме номер один позывной сигнал общий.

Они перепрыгнули через забор, нырнули в дыру ограды парка. Здесь с ними столкнулся широкоплечий, крепкий мальчуган Гейка. Следом подскочил Василий Ладыгин. Ещё и ещё кто-то. И бесшумно, проворно, одними только им знакомыми ходами они неслись к какой-то цели, на бегу коротко переговариваясь:

– Это тревога?

– Да нет! Это форма номер один позывной общий.

– Какой позывной? Это не «три – стоп», «три – стоп». Это какой-то болван кладёт колесом десять ударов кряду.

– А вот посмотрим!

– Ага, проверим!

– Вперёд! Молнией!

А в это время в комнате той самой дачи, где ночевала Женя, стоял высокий темноволосый мальчуган лет тринадцати. На нём были лёгкие чёрные брюки и тёмно-синяя безрукавка с вышитой красной звездой.

К нему подошёл седой лохматый старик. Холщовая рубаха его была бедна. Широленные штаны – в заплатках. К колену его левой ноги ремнями была пристёгнута грубая деревяшка. В одной руке он держал записку, другой сжимал старый, ободранный револьвер.

– «Девочка, когда будешь уходить, захлопни крепче дверь», – насмешливо прочёл старик. – Итак, может быть, ты мне всё-таки скажешь, кто ночевал у нас сегодня на диване?

– Одна знакомая девочка, – неохотно ответил мальчуган. – Её без меня задержала собака.

– Вот и врешь! – рассердился старик. – Если бы она была тебе знакомая, то здесь, в записке, ты назвал бы её по имени.

– Когда я писал, то я не знал. А теперь я её знаю.

– Не знал. И ты оставил её утром одну... в квартире? Ты, друг мой, болен, и тебя надо отправить в сумасшедший дом. Эта дрянь разбила зеркало, расколотила пепельницу. Ну хорошо, что револьвер был заряжен холостыми. А если бы в нём были патроны боевые?

– Но, дядя... боевых патронов у тебя не бывает, потому что у врагов твоих ружья и сабли... просто деревянные.

Похоже было на то, что старик улыбнулся. Однако, тряхнув лохматой головой, он строго сказал:

– Ты смотри! Я всё замечаю. Дела у тебя, как я вижу, тёмные, и как бы за них я не отправил тебя назад к матери.

Пристукивая деревяшкой, старик пошёл вверх по лестнице. Когда он скрылся, мальчуган подпрыгнул, схватил за лапы вбежавшую в комнату собаку и поцеловал её в морду.

– Ага, Рита! Мы с тобой попались. Ничего, он сегодня добрый. Он сейчас петь будет.

И точно. Сверху из комнаты послышалось откашливание. Потом этакое тра-ля-ля!.. И наконец низкий баритон запел:

Я третью ночь не сплю, мне чудится всё то же
Движеньё тайное в угрюмой тишине...

– Стой, сумасшедшая собака! – крикнул Тимур. – Что ты мне рвёшь штаны и куда ты меня тянешь?

Вдруг он с шумом захлопнул дверь, которая вела наверх, к дяде, и через коридор вслед за собакой выскочил на веранду.

В углу веранды возле небольшого телефона дёргался, прыгал и колотился о стену подвязанный к верёвке бронзовый колокольчик.

Мальчуган зажал его в руке, замотал бечёвку на гвоздь. Теперь вздрагивающая бечёвка ослабла, должно быть, где-

то лопнула. Тогда, удивлённый и рассерженный, он схватил трубку телефона.

Часом раньше, чем всё это случилось, Ольга сидела за столом. Перед нею лежал учебник физики.

Вошла Женя и достала пузырёк с йодом.

– Женя, – недовольно спросила Ольга, – откуда у тебя на плече царапина?

– А я шла, – беспечно ответила Женя, – а там стояло на пути что-то такое колючее или острое. Вот так и получилось.

– Отчего же это у меня на пути не стоит ничего колючего или острого? – передразнила её Ольга.

– Неправда! У тебя на пути стоит экзамен по математике. Он и колючий и острый. Вот посмотри, срежешься!.. Олечка, не ходи на инженера, ходи на доктора, – заговорила Женя, подсовывая Ольге настольное зеркало. – Ну погляди: какой из тебя инженер? Инженер должен быть – вот... вот... и вот... (Она сделала три энергичные гримасы.) А у тебя – вот... вот... и вот... – Тут Женя повела глазами, приподняла брови и очень нежно улыбнулась.

– Глупая! – обнимая её, целуя и легонько отталкивая, сказала Ольга. – Уходи, Женя, и не мешай. Ты бы лучше сбегала к колодцу за водой.

Женя взяла с тарелки яблоко, отошла в угол, постояла у окна, потом расстегнула футляр аккордеона и заговорила:

– Знаешь, Оля! Подходит ко мне сегодня какой-то дяденька. Так с виду ничего себе – блондин, в белом костюме, и спрашивает: «Девочка, тебя как зовут?» Я говорю: «Женя...»

– Женя, не мешай и инструмент не трогай, – не обращаясь и не отрываясь от книги, сказала Ольга.

– «А твою сестру, – доставая аккордеон, продолжала Женя, – кажется, зовут Ольгой?»

– Женька, не мешай и инструмент не трогай! – невольно прислушиваясь, повторила Ольга.

– «Очень, – говорит он, – твоя сестра хорошо играет. Она не хочет ли учиться в консерватории?» (Женя достала аккордеон и перекинула ремень через плечо.) «Нет, – говорю я ему, – она уже учится по железобетонной специальности». А он тогда говорит: «А-а!» (Тут Женя нажала один клавиш.) А я ему говорю: «Бэ-э!» (Тут Женя нажала другой клавиш.)

– Негодная девчонка! Положи инструмент на место! – вскакивая, крикнула Ольга. – Кто тебе разрешает вступать в разговоры с какими-то дяденьками?

– Ну и положу, – обиделась Женя. – Я не вступала. Это вступил он. Хотела я тебе рассказать дальше, а теперь не буду. Вот погоди, приедет папа, он тебе покажет!

– Мне? Это тебе покажет. Ты мешаешь мне заниматься!

– Нет, тебе! – хватая пустое ведро, уже с крыльца откликнулась Жени. – Я ему расскажу, как ты меня по сто раз в день то за керосином, то за мылом, то за водой гоняешь! Я тебе не грузовик, не конь и не трактор!

Она принесла воды, поставила ведро на лавку, но так как Ольга, не обратив на это внимания, сидела, склонившись над книгой, обиженная Женя ушла в сад.

Выбравшись на лужайку перед старым двухэтажным сараем, Женя вынула из кармана рогатку и, натянув резинку, запустила в небо маленького картонного парашютиста.

Взлетев кверху ногами, парашютист перевернулся. Над ним раскрылся голубой бумажный купол, но тут крепче рванул ветер, парашютиста поволокло в сторону, и он исчез за тёмным чердачным окном сарая.

Авария! Картонного человечка надо было выручать. Женя обошла сарай, через дырявую крышу которого разбегались во все стороны тонкие верёвочные провода. Она

подтащила к окну трухлявую лестницу и, взобравшись по ней, спрыгнула на пол чердака.

Очень странно! Этот чердак был обитаем. На стене висели мотки верёвок, фонарь, два скрещенных сигнальных флага и карта посёлка, вся исчерченная непонятными знаками. В углу лежала покрытая мешковиной охапка соломы. Тут же стоял перевернутый фанерный ящик. Возле дырявой замшелой крыши торчало большое, похожее на штурвальное, колесо. Над колесом висел самодельный телефон.

Женя заглянула через щель. Перед ней, как волны моря, колыхалась листва густых садов. В небе играли голуби. И тогда Женя решила: пусть голуби будут чайками, этот старый сарай с его верёвками, фонарями и флагами — большим кораблём. Она же сама будет капитаном.

Ей стало весело. Она повернула штурвальное колесо. Тугие верёвочные провода задрожали, загудели. Ветер зашумел и погнал зелёные волны. А ей показалось, что это её корабль-сарай медленно и спокойно по волнам разворачивается.

— Лево руля на борт! — громко скомандовала Женя и крепче налегла на тяжёлое колесо.

Прорвавшись через щели крыши, узкие прямые лучи солнца упали ей на лицо и платье. Но Женя поняла, что это неприятельские суда нащупывают её своими прожекторами, и она решила дать им бой. С силой управляла она скрипучим колесом, маневрируя вправо и влево, и властно выкрикивала слова команды.

Но вот острые прямые лучи прожектора поблёкли, погасли. И это, конечно, не солнце зашло за тучу. Это разгромленная вражья эскадра шла ко дну.

Бой был окончен. Пыльной ладонью Женя вытерла лоб, и вдруг на стене задребезжал звонок телефона. Этого Женя не ожидала: она думала, что этот телефон просто игрушка. Ей стало не по себе. Она сняла трубку.

Голос звонкий и резкий спрашивал:

– Алло! Алло! Отвечайте. Какой осёл обрывает провода и подаёт сигналы, глупые и непонятные?

– Это не осёл, – пробормотала озадаченная Женя. – Это я – Женя.

– Сумасшедшая девчонка! – резко и почти испуганно прокричал тот же голос. – Оставь штурвальное колесо и беги прочь! Сейчас примчатся... люди, и они тебя поколотят.

Женя бросила трубку, но было уже поздно. Вот на свету показалась чья-то голова: это был Гейка, за ним Сима Симаков, Коля Колокольчиков, а вслед лезли ещё и ещё мальчишки.

– Кто вы такие? – отступая от окна, в страхе спросила Женя. – Уходите!.. Это наш сад. Я вас сюда не звала.

Но плечо к плечу, плотной стеной ребята молча шли на Женю. И, очутившись прижатой к углу, Женя вскрикнула.

В то же мгновение в просвете мелькнула ещё одна тень. Все обернулись и расступились. И перед Женей встал высокий темноволосый мальчуган в синей безрукавке, на груди которой была вышита красная звезда.

– Тише, Женя! – громко сказал он. – Кричать не надо. Никто тебя не тронет. Мы с тобой знакомы. Я – Тимур.

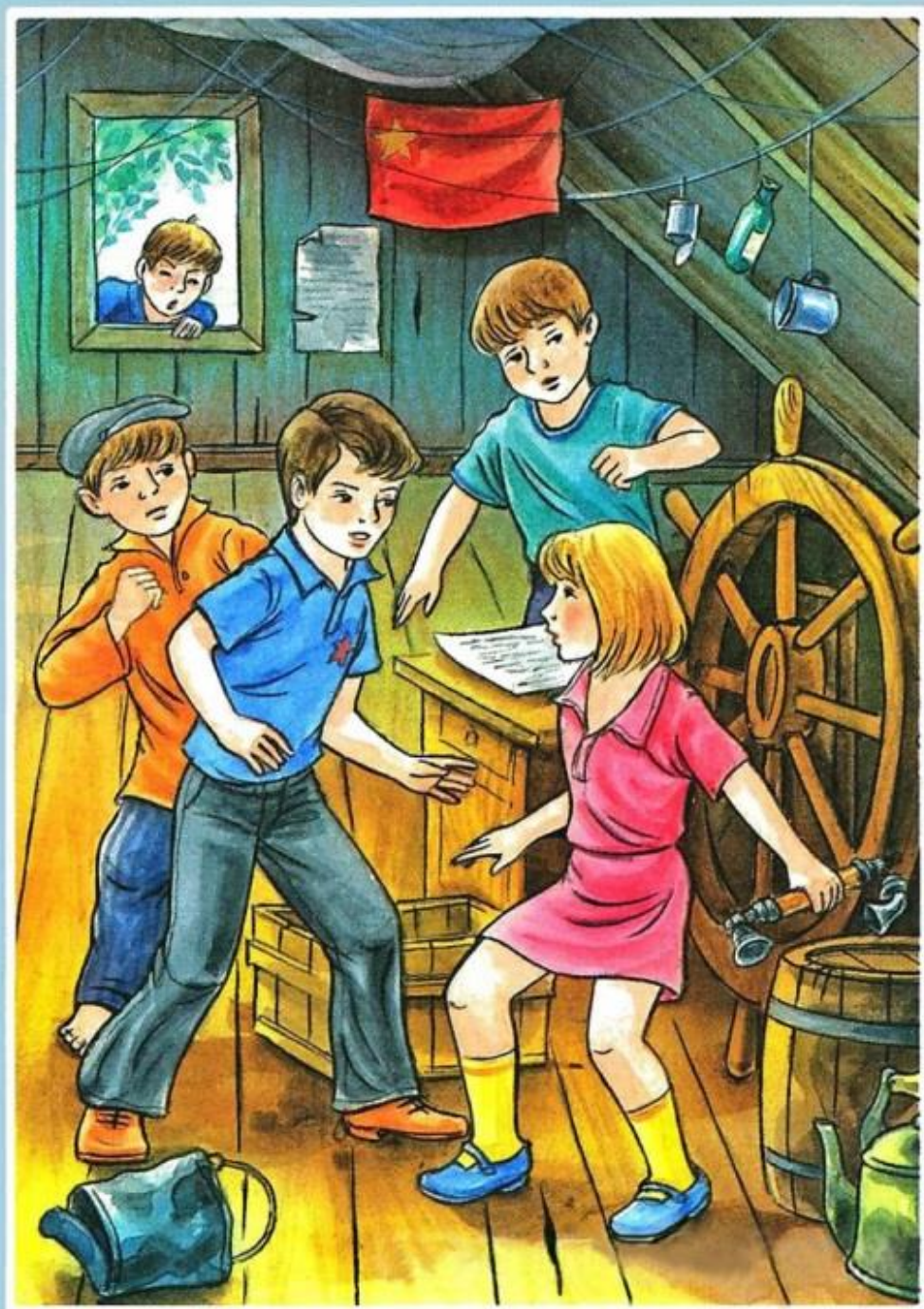
– Ты Тимур?! – широко раскрывая полные слёз глаза, недоверчиво воскликнула Женя. – Это ты укрыл меня ночью простынёю? Ты оставил мне на столе записку? Ты отправил папе на фронт телеграмму, а мне прислал ключ и квитанцию? Но зачем? За что? Откуда ты меня знаешь?

Тогда он подошёл к ней, взял её за руку и ответил:

– А вот оставайся с нами! Садись и слушай, и тогда тебе всё будет понятно.

...На покрытой мешками соломе вокруг Тимура, который разложил перед собой карту посёлка, расположились ребята.

У отверстия выше слухового окна повис на верёвочных

— Кто вы такие? — отступая от окна, в страхе спросила Женя.— Уходите!.. Это наш сад. Я вас сюда не звала.
Но плечо к плечу, плотной стеной ребята молча шли на Женю.

качелях наблюдатель. Через его шею был перекинут шнурок с помятым театральным биноклем.

Неподалёку от Тимура сидела Женя и насторожённо прислушивалась и приглядывалась ко всему, что происходит на совещании этого никому не известного штаба. Говорил Тимур:

– Завтра, на рассвете, пока люди спят, я и Колокольчиков исправим оборванные ею (он показал на Женю) провода.

– Он проспит, – хмуро вставил большеголовый, одетый в матросскую тельняшку Гейка. – Он просыпается только к завтраку и к обеду.

– Клевета! – вскакивая и заикаясь, вскричал Коля Колокольчиков. – Я встаю вместе с первым лучом солнца.

– Я не знаю, какой у солнца луч первый, какой второй, но он проспит обязательно, – упрямо продолжал Гейка.

Тут болтавшийся на верёвках наблюдатель свистнул. Ребята повскакали.

По дороге в клубах пыли мчался конно-артиллерийский дивизион. Могучие, одетые в ремни и железо кони быстро волокли за собою зелёные зарядные ящики и укрытые серыми чехлами пушки.

Обветренные, загорелые ездовые, не качнувшись в седле, лихо заворачивали за угол, и одна за другой батареи скрывались в роще.

Дивизион умчался.

– Это они на вокзал, на погрузку поехали, – важно объяснил Коля Колокольчиков. – Я по их обмундированию вижу: когда они скачут на ученье, когда на парад, а когда и ещё куда.

– Видишь – и молчи! – остановил его Гейка. – Мы и сами с глазами. Вы знаете, ребята, этот болтун хочет убежать в Красную Армию!

– Нельзя, – вмешался Тимур. – Это затея совсем пустая.

– Как нельзя? – покраснев, спросил Коля. – А почему же раньше мальчишки всегда на фронт бегали?

– То раньше! А теперь крепко-накрепко всем начальникам и командирам приказано гнать оттуда нашего брата по шее.

– Как по шее? – вспыхив и ещё больше покраснев, вскричал Коля Колокольчиков. – Это... своих-то?

– Да вот!.. – И Тимур вздохнул. – Это своих-то! А теперь, ребята, давайте к делу.

Все расселись по местам:

– В саду дома номер тридцать четыре по Кривому переулку неизвестные мальчишки обтрясли яблоню, – обиженно сообщил Коля Колокольчиков. – Они сломали две ветки и помяли клумбу.

– Чей дом? – И Тимур заглянул в клеёнчатую тетрадь. – Дом красноармейца Крюкова. Кто у нас здесь бывший специалист по чужим садам и яблоням?

– Я, – раздался сконфуженный голос.

– Кто это мог сделать?

– Это работал Мишка Квакин и его помощник под названием «Фигура». Яблоня – мичуринка, сорт «золотой налив», и, конечно, взята на выбор.

– Опять и опять Квакин! – Тимур задумался. – Гейка! У тебя с ним разговор был?

– Был.

– Ну и что же?

– Дал ему два раза по шее.

– А он?

– Ну и он сунул мне два раза тоже.

– Эх у тебя всё – «дал» да «сунул»... А толку что-то нет. Ладно! Квакиным мы займёмся особо. Давайте дальше.

– В доме номер двадцать пять у старухи молочницы взяли в кавалерию сына, – сообщил из угла кто-то.

– Вот хватил! – И Тимур укоризненно качнул головой.

– Да там на воротах ещё третьего дня наш знак поставлен. А кто ставил? Колокольчиков, ты?

– Я.

– Так почему же у тебя верхний левый луч звезды кривой, как пиявка? Взятся сделать – сделай хорошо. Люди придут – смеяться будут. Давайте дальше.

Вскочил Сима Симаков и зачастил уверенно, без запинки:

– В доме номер пятьдесят четыре по Пушкарёвой улице коза пропала. Я иду, вижу – старуха девчонку колотит. Я кричу: «Тётенька, бить не по закону!» Она говорит: «Коза пропала. Ах, будь ты проклята!» – «Да куда же она пропала?» – «А вон там, в овраге за перелеском, обгрызла мочалу и провалилась, как будто её волки съели!»

– Погоди! Чей дом?

– Дом красноармейца Павла Гурьева. Девчонка – его дочь, зовут Нюркой. Колотила её бабка. Как зовут, не знаю. Коза серая, со спины чёрная. Зовут Манька.

– Козу разыскать! – строго приказал Тимур. – Пойдёт команда в четыре человека. Ты... ты и ты. Ну, всё, ребята?

– В доме номер двадцать два девчонка плачет, – как бы нехотя сообщил Гейка.

– Чего же она плачет?

– Спрашивал – не говорит.

– А ты спросил бы получше. Может быть, кто-нибудь её поколотил... обидел?

– Спрашивал – не говорит.

– А велика ли девчонка?

– Четыре года.

– Вот ещё беда! Кабы человек... а то – четыре года! Поймай, а чей это дом?

– Дом лейтенанта Павлова. Того, что недавно убили на границе.

– «Спрашивал – не говорит», – огорчённо передразнил Гейку Тимур. Он нахмурился, подумал. – Ладно... Это я сам. Вы к этому делу не касайтесь.

– На горизонте показался Мишка Квакин! – громко доложил наблюдатель. – Идёт по той стороне улицы. Жрёт яблоко. Тимур! Выслать команду: пусть дадут ему тычка или взашеину!

– Не надо. Все оставайтесь на местах. Я вернусь скоро.

Он прыгнул из окна на лестницу и исчез в кустах. А наблюдатель сообщил снова:

– У калитки, в поле моего зрения, неизвестная девица, красивого вида, стоит с кувшином и покупает молоко. Это, наверно, хозяйка дачи.

– Это твоя сестра? – дёргая Женю за рукав, спросил Коля Колокольчиков. И, не получив ответа, он важно и обиженно предостерёг: – Ты смотри не вздумай ей отсюда крикнуть.

– Сиди! – выдёргивая рукав, насмешливо ответила ему Женя. – Тоже ты мне начальник...

– Не лезь к ней, – поддразнил Гейка Колю, – а то она тебя поколотит.

– Меня? – Коля обиделся. – У неё что? Когти? А у меня мускулатура. Вот... ручная, ножная!

– Она поколотит тебя вместе с ручной и ножной. Ребята, осторожно! Тимур подходит к Квакину.

Легко помахивая сорванной веткой, Тимур шёл Квакину наперерез. Заметив это, Квакин остановился. Плоское лицо его не показывало ни удивления, ни испуга.

– Здорово, комиссар! – склонив голову набок, негромко сказал он. – Куда так торопишься?

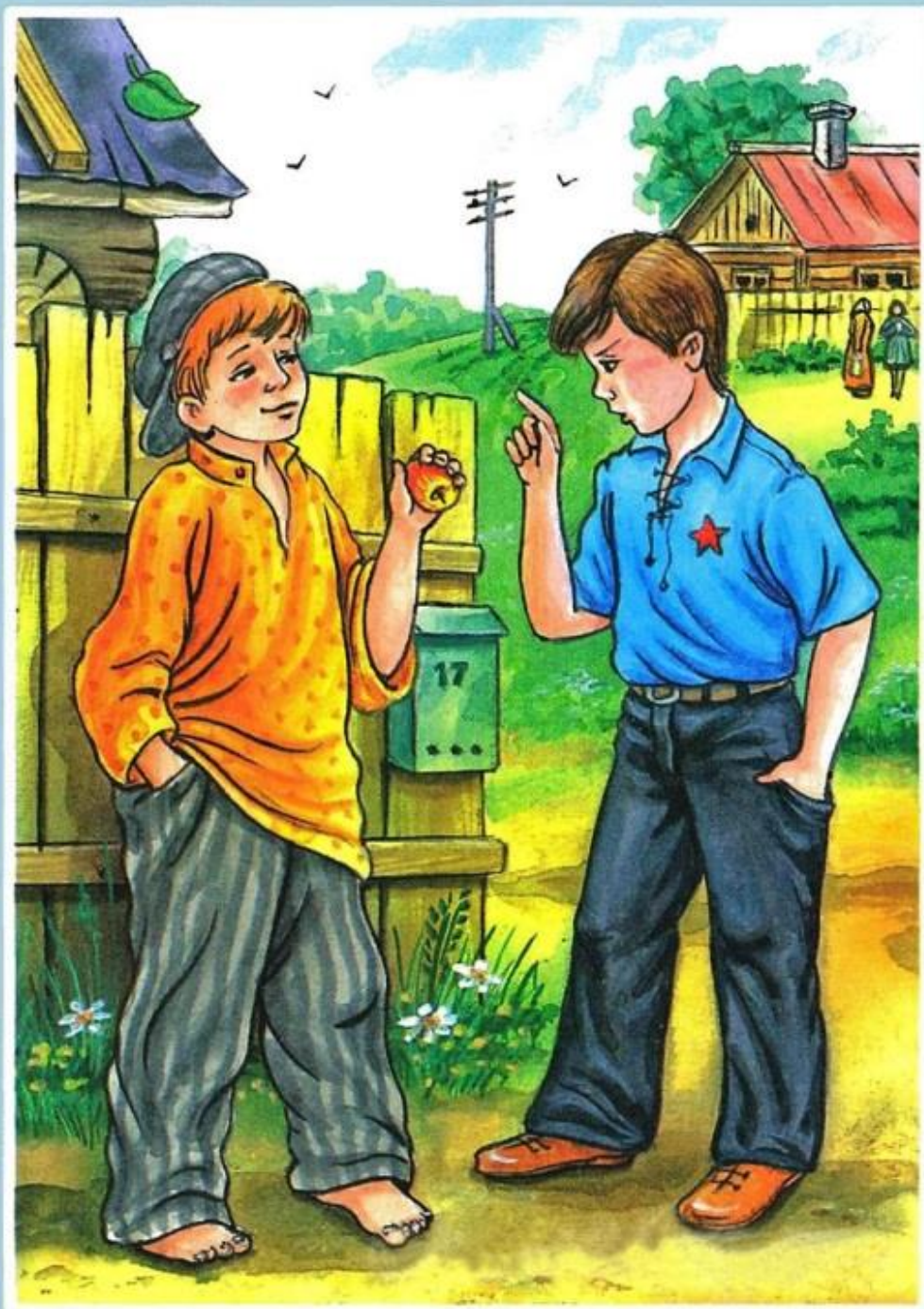
– Здорово, атаман! – в тон ему ответил Тимур. – К тебе навстречу.

– Рад гостю, да угощать нечем. Разве вот это? – Он сунул руку за пазуху и протянул Тимуру яблоко.

– Ворованные? – спросил Тимур, надкусывая яблоко.

– Они самые, – объяснил Квакин. – Сорт «золотой налив». Да вот беда: нет ещё настоящей спелости.

— Здорово, комиссар! — склонив голову набок, негромко сказал Квакин.— Куда так торопишься?

— Здорово, атаман! — в тон ему ответил Тимур.— К тебе навстречу.

– Кислятина! – бросая яблоко, сказал Тимур. – Послушай: ты на заборе дома номер тридцать четыре вот такой знак видел? – И Тимур показал на звезду, вышитую на своей синей безрукавке.

– Ну, видел, – насторожился Квакин. – Я, брат, и днём и ночью всё вижу.

– Так вот: если ты днём или ночью ещё раз такой знак где-либо увидишь, ты беги прочь от этого места, как будто бы тебя кипятком ошпарили.

– Ой, комиссар! Какой ты горячий! – растягивая слова, сказал Квакин. – Хватит, поговорили!

– Ой, атаман, какой ты упрямый, – не повышая голоса, ответил Тимур. – А теперь запомни сам и передай всей шайке, что этот разговор у нас с вами последний.

Никто со стороны и не подумал бы, что это разговаривают враги, а не два тёплых друга. И поэтому Ольга, державшая в руках кувшин, спросила молочницу, кто этот мальчишка, который совещается о чём-то с хулиганом Квакиным.

– Не знаю, – с сердцем ответила молочница. – Наверное, такой же хулиган и безобразник. Он что-то всё возле вашего дома околачивается. Ты смотри, дорогая, как бы они твою сестрёнку не отколошматили.

Беспокойство охватило Ольгу. С ненавистью взглянула она на обоих мальчишек, прошла на террасу, поставила кувшин, заперла дверь и вышла на улицу разыскивать Женю, которая вот уже два часа как не показывала глаз домой.

Вернувшись на чердак, Тимур рассказал о своей встрече ребятам. Было решено завтра отправить всей шайке письменный ультиматум.

Бесшумно соскакивали ребята с чердака и через дыры в заборах, а то и прямо через заборы разбегались по домам в разные стороны. Тимур подошёл к Жене.

– Ну что? – спросил он. – Теперь тебе всё понятно?

– Всё, – ответила Женя, – только ещё не очень. Ты объясни мне проще.

– А тогда спускайся вниз и иди за мной. Твоей сестры всё равно сейчас нет дома.

Когда они слезли с чердака, Тимур повалил лестницу. Уже стемнело, но Женя доверчиво пошла за ним следом.

Они остановились у домика, где жила старуха молочница. Тимур оглянулся. Людей вблизи не было. Он вынул из кармана свинцовый тубик с масляной краской и подошёл к воротам, где была нарисована звезда, верхний левый луч которой действительно изгибался, как пиявка.

Уверенно лучи он обривнял, заострил и выпрямил.

– Скажи, зачем? – спросила его Женя. – Ты объясни мне проще: что всё это значит?

Тимур сунул тубик в карман. Сорвал лист лопуха, вытер покрашенный палец и, глядя Жене в лицо, сказал:

– А это значит, что из этого дома человек ушёл в Красную Армию. И с этого времени этот дом находится под нашей охраной и защитой. У тебя отец в армии?

– Да! – с волнением и гордостью ответила Женя. – Он командир.

– Значит, и ты находишься под нашей охраной и защитой тоже.

Они остановились перед воротами другой дачи. И здесь на заборе была начерчена звезда. Но прямые светлые лучи её были обведены широкой чёрной каймой.

– Вот! – сказал Тимур. – И из этого дома человек ушёл в Красную Армию. Но его уже нет. Это дача лейтенанта Павлова, которого недавно убили на границе. Тут живёт его жена и та маленькая девочка, у которой добрый Гейка так и не добился, отчего она часто плачет. И если тебе случится, то сделай ей, Женя, что-нибудь хорошее.

Он сказал всё это очень просто, но мурашки пробежали по груди и по рукам Жени, а вечер был тёплый и даже душный. Она молчала, наклонив голову. И только для того, чтобы хоть что-нибудь сказать, она спросила:

– А разве Гейка добрый?

– Да, – ответил Тимур. – Он сын моряка, матроса. Он часто бранит малыша и хвастунишку Колокольчикова, но сам везде и всегда за него заступается.

Окрик, резкий и даже гневный, заставил их обернуться. Неподалёку стояла Ольга.

Женя дотронулась до руки Тимура: она хотела подвести его и познакомить с ним Ольгу.

Но новый окрик, строгий и холодный, заставил её от этого отказаться.

Виновато кивнув Тимуром головой и недоуменно пожав плечами, она пошла к Ольге.

– Евгения! – тяжело дыша, со слезами в голосе сказала Ольга. – Я запрещаю тебе разговаривать с этим мальчишкой. Тебе понятно?

– Но, Оля, – пробормотала Женя, – что с тобою?

– Я запрещаю тебе подходить к этому мальчишке, – твёрдо повторила Ольга. – Тебе тринадцать, мне восемнадцать. Я твоя сестра... Я старше. И когда папа уезжал, он мне велел...

– Но, Оля, ты ничего, ничего не понимаешь! – с отчаянием воскликнула Женя. Она вздрагивала. Она хотела объяснить, оправдаться. Но она не могла. Она была не в праве. И, махнув рукой, она не сказала сестре больше ни слова.

Сразу же она легла в постель. Но уснуть не могла долго. А когда уснула, то так и не слыхала, как ночью постучали в окно и подали от отца телеграмму.

...Рассвело. Пропел деревянный рог пастуха. Старуха молочница открыла калитку и погнала корову к стаду. Не успела она завернуть за угол, как из-за куста акации, стараясь не греметь пустыми вёдрами, выскочило пятеро мальчуганов, и они бросились к колодцу.

– Качай!

– Давай!

– Бери!

– Хватай!

Обливая холодной водой босые ноги, мальчишки мчались во двор, опрокидывали вёдра в дубовую кадку и, не задерживаясь, неслись обратно к колодцу. К взмокшему Симе Симакову, который без передышки ворочал рычагом колодезного насоса, подбежал Тимур и спросил:

– Вы Колокольчикова здесь не видали? Нет? Значит, он проспал. Скорей, торопитесь! Старуха пойдёт сейчас обратно.

Очутившись в саду перед дачей Колокольчиковых, Тимур стал под деревом и свистнул. Не дождавшись ответа, он полез на дерево и заглянул в комнату. С дерева ему была видна только половина придвинутой к подоконнику кровати да завёрнутые в одеяло ноги.

Тимур кинул на кровать кусочек коры и тихонько позвал:

– Коля, вставай! Колька!

Спящий не пошевелился. Тогда Тимур вынул нож, срезал длинный прут, заострил на конце сучок, перекинул прут через подоконник и, зацепив сучком одеяло, потащил его на себя.

Лёгкое одеяло поползло через подоконник. В комнате раздался хриловатый изумлённый вопль. Вытаращив заspanные глаза, с кровати соскочил седой джентльмен в нижнем белье и, хватая рукой уползающее одеяло, подбежал к окну.

Очутившись лицом к лицу с почтенным стариком, Тимур разом слетел с дерева.

А седой джентльмен, бросив на постель отвоёванное одеяло, сдёрнул со стены двустволку, поспешно надел очки и, выставив ружьё из окна дулом к небу, зажмурил глаза и выстрелил.

...Только у колодца перепуганный Тимур остановился. Вышла ошибка. Он принял спящего джентльмена за Колю, а седой джентльмен, конечно, принял его за жулика.

Тут Тимур увидел, что старуха молочница с коромыслом и ведрами выходит из калитки за водой. Он юркнул за акацию и стал наблюдать. Вернувшись от колодца, старуха подняла ведро, опрокинула его в бочку и сразу отскочила, потому что вода с шумом и брызгами выплеснулась из уже наполненной до краёв бочки прямо ей под ноги.

Охая, недоумевая и оглядываясь, старуха обошла бочку. Она опустила руку в воду и поднесла её к носу. Потом побежала к крыльцу проверить, цел ли замок у двери. И наконец, не зная, что и думать, она стала стучать в окно соседке.

Тимур засмеялся и вышел из своей засады. Надо было спешить. Уже поднималось солнце. Коля Колокольчиков не явился, и провода всё ещё исправлены не были.

...Пробираясь к сараю, Тимур заглянул в распахнутое, выходящее в сад окно.

У стола возле кровати в трусах и майке сидела Женя и, нетерпеливо откидывая сползавшие на лоб волосы, что-то писала.

Увидав Тимура, она не испугалась и даже не удивилась. Она только погрозила ему пальцем, чтобы он не разбудил Ольгу, сунула недоконченное письмо в ящик и на цыпочках вышла из комнаты.

Здесь, узнав от Тимура, какая с ним сегодня случилась беда, она позабыла все Ольгины наставления и охотно звалась помочь ему наладить ею же самой оборванные провода.

Когда работа была закончена и Тимур уже стоял по ту сторону изгороди, Женя ему сказала:

– Не знаю за что, но моя сестра тебя очень ненавидит.

– Ну вот, – огорченно ответил Тимур, – и мой дядя тебя тоже!

Он хотел уйти, но она его остановила:

– Постой, причешись. Ты сегодня очень лохматый.

Она вынула гребенку, протянула ее Тимуру, и тотчас же позади, из окна, раздался негодующий окрик Ольги:

– Женя! Что ты делаешь?..

...Сестры стояли на террасе.

– Я тебе знакомых не выбираю, – с отчаянием защищалась Женя. – Каких? Очень простых. В белых костюмах. «Ах, как ваша сестра прекрасно играет!» Прекрасно! Вы бы лучше послушали, как она прекрасно ругается. Вот смотри! Я уже обо всем пишу папе.

– Евгения! Этот мальчишка – хулиган, а ты глупа, – холодно выговаривала, стараясь казаться спокойной, Ольга. – Хочешь, пиши папе, пожалуйста, но если я хоть еще раз увижу тебя с этим мальчишкой рядом, то в тот же день я брошу дачу, и мы уедем отсюда в Москву. А ты знаешь, что у меня слово бывает твердое?

– Да... мучительница! – со слезами ответила Женя. – Это-то я знаю.

– А теперь возьми и читай. – Ольга положила на стол полученную ночью телеграмму и вышла.

В телеграмме было написано:

«На днях проездом несколько часов буду Москве число часы телеграфирую дополнительно тчк Папа».

Женя вытерла слезы, приложила телеграмму к губам и тихо пробормотала:

– Папа, приезжай скорей! Папа! Мне, твоей Женьке, очень трудно.

Во двор того дома, откуда пропала коза и где жила бабка, которая поколотила бойкую девчонку Нюрку, привезли два воза дров.

Ругая беспечных возчиков, которые свалили дрова как попало, крихтя и охая, бабка начала укладывать поленницу. Но эта работа была ей не под силу. Откашливаясь, она села на ступеньку, отдышалась, взяла лейку и пошла в огород. Во дворе остался теперь только трехлетний братишка Нюрки – человек, как видно, энергичный и трудо-

любивый, потому что едва бабка скрылась, как он поднял палку и начал колотить ею по скамье и по перевернутому кверху дном корыту.

Тогда Сима Симаков, только что охотившийся за беглой козой, которая скакала по кустам и оврагам не хуже индийского тигра, одного человека из своей команды оставил на опушке, а с четырьмя другими вихрем ворвался во двор.

Он сунул малышу в рот горсть земляники, всучил ему в руки блестящее перо из крыла галки, и вся четверка рванулась укладывать дрова в поленницу.

Сам Сима Симаков понесся кругом вдоль забора, чтобы задержать на это время бабку в огороде. Остановившись у забора, возле того места, где к нему вплотную примыкали вишни и яблони, Сима заглянул в щелку.

Бабка набрала в подол огурцов и собиралась идти во двор.

Сима Симаков тихонько постучал по доскам забора.

Бабка насторожилась. Тогда Сима поднял палку и начал ею шевелить ветви яблони.

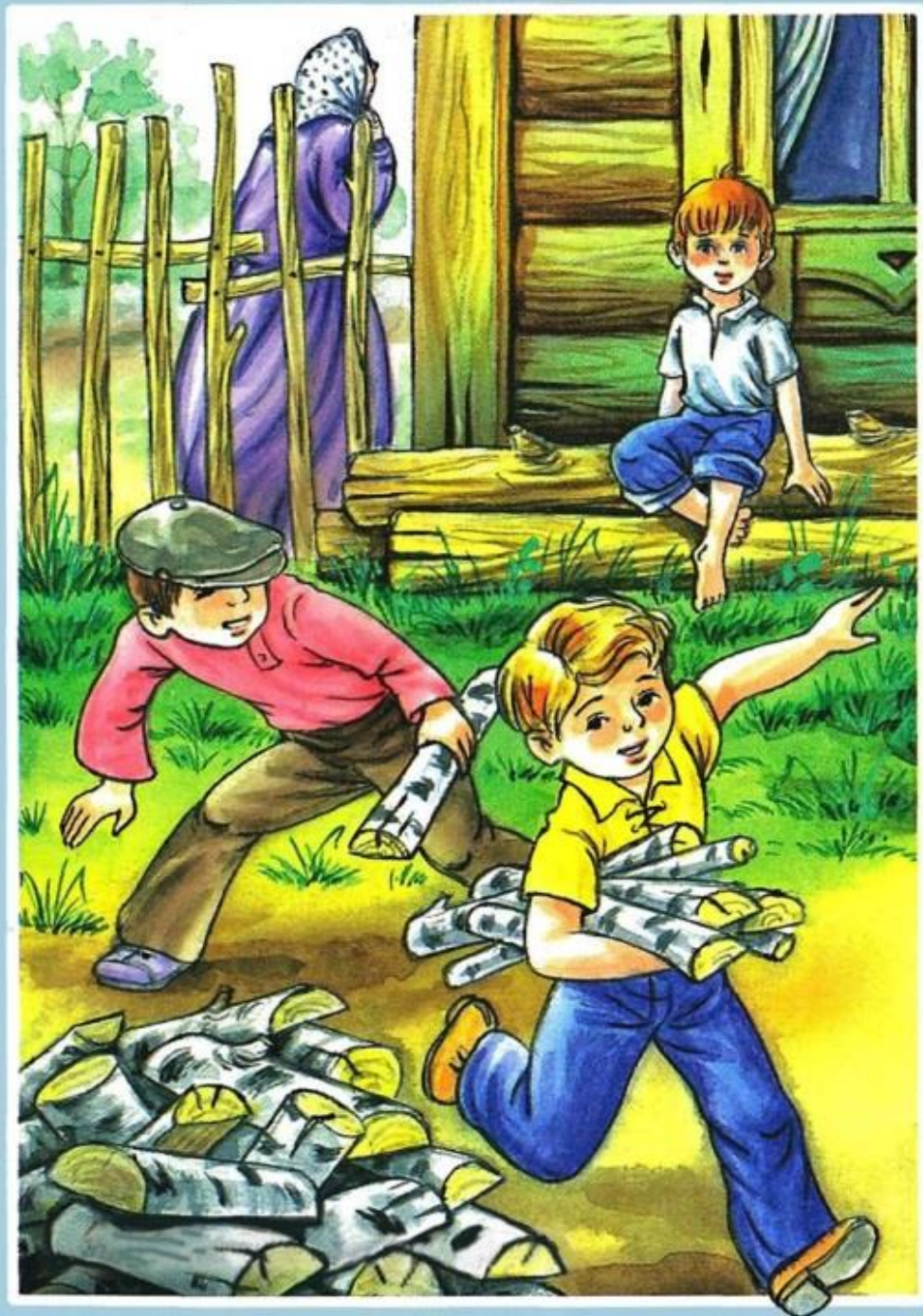
Бабке тотчас же показалось, что кто-то тихонько лезет через забор за яблоками. Она высыпала огурцы на межу, выдернула большой пук крапивы, подкралась и притаилась у забора.

Сима Симаков опять заглянул в щель, но бабки теперь он не увидел. Обеспокоенный, он подпрыгнул, схватился за край забора и осторожно стал подтягиваться.

Но в то же время бабка с торжествующим криком выскочила из своей засады и ловко стегнула Симу Симакова по рукам крапивой. Размахивая обожжёнными руками, Сима помчался к воротам, откуда уже выбегала закончившая свою работу четвёрка.

Во дворе опять остался только один малыш. Он поднял с земли щепку, положил её на край поленницы, потом поволок туда же кусок берёсты.

Ребята вихрем ворвались во двор. Сима Симаков сунул малышу в рот горсть земляники, всучил ему в руки блестящее перо из крыла галки, и вся четвёрка рванулась укладывать дрова в поленницу.

За этим занятием и застала его вернувшаяся из огорода бабка. Вытаращив глаза, она остановилась перед аккуратно сложенной поленницей и спросила:

– Это кто же тут без меня работает?

Малыш, укладывая берёсту в поленницу, важно ответил:

– А ты, бабушка, не видишь – это я работаю.

Во двор вошла молочница, и обе старухи оживлённо начали обсуждать эти странные происшествия с водой и с дровами. Пробовали они добиться ответа у малыша, однако добились немногого. Он объяснил им, что прискочили из ворот люди, сунули ему в рот сладкой земляники, дали перо и ещё пообещали поймать ему зайца с двумя ушами и четырьмя ногами. А потом дрова покидали и опять ускользили.

В калитку вошла Нюрка.

– Нюрка, – спросила её бабка, – ты не видала, кто к нам сейчас во двор заскакивал?

– Я козу искала, – уныло ответила Нюрка. – Я всё утро по лесу да по оврагам сама скакала.

– Украли! – горестно пожаловалась бабка молочнице. – А какая была коза! Ну, голубь, а не коза. Голубь!

– Голубь! – отодвигаясь от бабки, огрызнулась Нюрка. – Как почнёт шнырять рогами, так не знаешь, куда и деваться. У голубей рогов не бывает.

– Молчи, Нюрка! Молчи, разиня бестолковая! – закричала бабка. – Оно конечно, коза была с характером. И я её, козушку, продать хотела. А теперь вот моей голубушки и нету.

Калитка со скрипом распахнулась. Низко опустив рога, во двор вбежала коза и устремилась прямо на молочницу. Подхватив тяжёлый бидон, молочница с визгом вскочила на крыльцо, а коза, ударившись рогами о стену, остановилась.

И тут все увидели, что к рогам козы крепко прикручен фанерный плакат, на котором крупно было выведено:

Я коза-коза,
Всех людей гроза,
Кто Ньюрку будет бить,
Тому худо будет жить.

А на углу за забором хохотали довольные ребяташки.

Воткнув в землю палку, притопывая вокруг неё, приплясывая, Сима Симаков гордо пропел:

Мы не шайка и не банда,
Не ватага удалцов.
Мы весёлая команда
Пионеров-молодцов,
У-ух ты!

И, как стайка стрижей, ребята стремительно и бесшумно умчались прочь.

...Работы на сегодня было ещё немало, но, главное, сейчас надо было составить и отослать Мишке Квакину ультиматум.

Как составляются ультиматумы, этого ещё никто не знал, и Тимур спросил об этом у дяди.

Тот объяснил ему, что каждая страна пишет ультиматум на свой манер, но в конце для вежливости полагается приписать:

«Примите, господин министр, уверение в совершеннейшем к Вам почтении».

Затем ультиматум через аккредитованного посла вручается правителю враждебной державы.

Но это дело ни Тимуру, ни его команде не понравилось. Во-первых, никакого почтения хулигану Квакину они передавать не хотели; во-вторых, ни постоянного посла, ни даже посланника при этой шайке у них не было. И, посоветовавшись, они решили отправить ультиматум попроще, на манер того послания запорожцев к турецкому султану, которое каждый видел на картине, когда читал о том, как смелые казаки боролись с турками, татарами и ляхами.

...За серыми воротами с чёрно-красной звездой, в тенистом саду того дома, что стоял напротив дачи, где жили Ольга и Женя, по песчаной аллейке шла маленькая белокурая девчушка. Её мать, женщина молодая, красивая, но с лицом печальным и утомлённым, сидела в качалке возле окна, на котором стоял пышный букет полевых цветов. Перед ней лежала груда распечатанных телеграмм и писем – от родных и от друзей, знакомых и незнакомых. Письма и телеграммы эти были тёплые и ласковые. Они звучали издалека, как лесное эхо, которое никуда путника не зовёт, ничего не обещает и всё же подбадривает и подсказывает ему, что люди близко и в тёмном лесу он не одинок.

Держа куклу кверху ногами, так, что деревянные руки и пеньковые косы её волочились по песку, белокурая девочка остановилась перед забором. По забору спускался раскрашенный, вырезанный из фанеры заяц. Он дёргал лапой, тренькая по струнам нарисованной балалайки, и мордочка у него была грустновато-смешная.

Восхищённая таким необъяснимым чудом, равного которому, конечно, и нет на свете, девочка выронила куклу, подошла к забору, и добрый заяц послушно опустился ей прямо в руки. А вслед за зайцем выглянуло лукавое и довольное лицо Жени.

Девочка посмотрела на Женю и спросила:

– Это ты со мной играешь?

– Да, с тобой. Хочешь, я к тебе спрыгну?

– Здесь крапива, – подумав, предупредила девочка. – И здесь я вчера обожгла себе руку.

– Ничего, – спрыгивая с забора, сказала Женя, – я не боюсь. Покажи, какая тебя вчера обожгла крапива? Вот эта? Ну, смотри: я её вырвала, бросила, растоптала ногами и на неё плюнула. Давай с тобой играть: ты держи зайца, а я возьму куклу.

Ольга видела с крыльца террасы, как Женя вертелась около чужого забора, но она не хотела мешать сестрёнке,

потому что та и так сегодня утром много плакала. Но когда Женя полезла на забор и прыгнула в чужой сад, обеспокоенная Ольга вышла из дома, подошла к воротам и открыла калитку. Женя и девчурка стояли уже у окна, возле женщины, и та улыбалась, когда дочка показывала ей, как грустный смешной заяц играет на балалайке.

По встревоженному лицу Жени женщина угадала, что вошедшая в сад Ольга недовольна.

– Вы на неё не сердитесь, – негромко сказала Ольге женщина. – Она просто играет с моей девчуркой. У нас горе... – Женщина помолчала. – Я плачу, а она... – Женщина показала на свою крохотную дочку и тихо добавила: – А она и не знает, что её отца недавно убили на границе.

Теперь смутилась Ольга, а Женя издалека посмотрела на неё горько и укоризненно.

– А я одна, – продолжала женщина. – Мать у меня в горах, в тайге, очень далеко, братья в армии, сестёр нет.

Она тронула за плечо подошедшую Женю и, указывая на окно, спросила:

– Девочка, этот букет ночью не ты мне на крыльцо положила?

– Нет, – быстро ответила Женя. – Это не я. Но это, наверное, кто-нибудь из наших.

– Кто? – И Ольга непонимающе взглянула на Женю.

– Я не знаю, – испугавшись, заговорила Женя, – это не я. Я ничего не знаю. Смотрите, сюда идут люди.

За воротами послышался шум машины, а по дорожке от калитки шли два лётчика-командира.

– Это ко мне, – сказала женщина. – Они, конечно, опять будут предлагать мне уехать в Крым, на Кавказ, на курорт, в санаторий...

Оба командира подошли, приложили руки к пилоткам, и, очевидно, расслышав её последние слова, старший – капитан – сказал:

– Ни в Крым, ни на Кавказ, ни на курорт, ни в санато-

рий. Вы хотели повидать вашу маму? Ваша мать сегодня поездом выезжает к вам из Иркутска. До Иркутска она была доставлена на специальном самолёте.

– Кем? – радостно и растерянно воскликнула женщина.
– Вами?

– Нет, – ответил лётчик-капитан, – нашими и вашими товарищами.

Подбежала маленькая девчурка, смело посмотрела на пришедших, и видно, что синяя форма эта ей была хорошо знакома.

– Мама, – попросила она, – сделай мне качели, и я буду летать туда-сюда, туда-сюда. Далеко-далеко, как папа.

– Ой, не надо! – подхватывая и сжимая дочурку, воскликнула её мать. – Нет, не улетай так далеко... как твой папа.

На Малой Овражной, позади часовни с облупленной росписью, изображавшей суровых волосатых старцев и чисто выбритых ангелов, правой картины Страшного суда с котлами, смолой и юркими чертями, на ромашковой поляне ребята из компании Мишки Квакина играли в карты.

Денег у игроков не было, и они резались «на тычка», «на щелчка» и на «оживи покойника». Проигравшему завязывали глаза, клали его спиной на траву и давали ему в руки свечку, то есть длинную палку. И этой палкой он должен был вслепую отбиваться от добрых собратий своих, которые, сожалея усопшего, старались вернуть его к жизни, усердно настёгивая крапивой по его голым коленям, икрам и пяткам.

Игра была в самом разгаре, когда за оградой раздался резкий звук сигнальной трубы. Это снаружи у стены стояли посланцы от команды Тимура. Штаб-трубач Коля Колокольчиков сжимал в руке медный блестящий горн, а боконогий суровый Гейка держал склеенный из обёрточной бумаги пакет.

– Это что же тут за цирк или комедия? – перегибаясь через ограду, спросил паренёк, которого звали Фигурой. – Мишка! – оборачиваясь, заорал он. – Брось карты, тут к тебе какая-то церемония пришла!

– Я тут, – залезая на ограду, отозвался Квакин. – Эге, Гейка, здорово! А это ещё что с тобой за хлюпик?

– Возьми пакет, – протягивая ультиматум, сказал Гейка. – Сроку на размышление вам двадцать четыре часа дано. За ответом приду завтра в такое же время.

Обиженный тем, что его называли хлюпиком, штаб-трубач Коля Колокольчиков вскинул горн и, раздувая щёки, яростно протрубил отбой. И, не сказав больше ни слова, под любопытными взглядами рассыпавшихся по ограде мальчишек оба парламентаря с достоинством удалились.

– Это что же такое? – переворачивая пакет и оглядывая разинувших рты ребят, спросил Квакин. – Жили-жили, ни о чём не тужили... Вдруг... труба, гроза! Я, братцы, право, ничего не понимаю!..

Он разорвал пакет и, не слезая с ограды, стал читать:

– «Атаману шайки по очистке чужих садов Михаилу Квакину...» Это мне, – громко объяснил Квакин. – С полным титулом, по всей форме. «...И его, – продолжал он читать, – гнуснопрославленному помощнику Петру Пятакову, иначе именуемому просто Фигурой...» Это тебе, – с удовлетворением объяснил Квакин Фигуре. – Эк они завернули: «гнуснопрославленный»! Это уж что-то очень по-благородному, могли бы дурака назвать и попроще. «...А также ко всем членам этой позорной компании ультиматум». Это что такое, я не знаю, – насмешливо объявил Квакин. – Вероятно, ругательство или что-нибудь в этом смысле.

– Это такое международное слово. Бить будут, – объяснил стоявший рядом с Фигурой бритоголовый мальчуган Алёшка.

– А, так бы и писали! – сказал Квакин. – Читаю дальше. Пункт первый:

«Ввиду того, что вы по ночам совершаете налёты на сады мирных жителей, не щадя и тех домов, на которых стоит наш знак – Красная звезда, и даже тех, на которых стоит звезда с траурной чёрной каймою, вам, трусливым негодьям, мы приказываем...»

Ты посмотри, как, собаки, ругаются! – смутившись, но пытаясь улыбнуться, продолжал Квакин. – А какой дальше слог, какие запятые! Да!

«...Приказываем: не позже чем завтра утром Михаилу Квакину и гнусноподобной личности Фигуре явиться на место, которое им гонцами будет указано, имея на руках список всех членов вашей позорной шайки.

А в случае отказа мы оставляем за собой полную свободу действий».

То есть в каком смысле свободу? – опять переспросил Квакин. – Мы их, кажется, пока никуда не заперали.

– Это такое международное слово. Бить будут, – опять объяснил бритоголовый Алёшка.

– А, тогда так бы и говорили! – с досадой сказал Квакин. – Жаль, что ушёл Гейка; видно, он давно не плакал.

– Он не заплачет, – сказал бритоголовый, – у него брат – матрос.

– Ну?

– У него и отец был матросом. Он не заплачет.

– А тебе-то что?

– А то, что у меня дядя матрос тоже.

– Вот дурак – заладил! – рассердился Квакин. – То отец, то брат, то дядя. А что к чему, неизвестно. Отрасти, Алёша, волосы, а то тебе солнцем напекло затылок. А ты что там мычишь, Фигура?

– Гонцов надо завтра изловить, а Тимку и его компанию излупить, – коротко и угрюмо предложил обиженный ультиматумом Фигура.

На том и порешили.

Отойдя в тень часовни и остановившись вдвоём возле картины, где проворные мускулистые черти ловко волокли в пекло воющих и упирающихся грешников, Квакин спросил у Фигуры:

– Слушай, это ты в тот сад лазил, где живёт девчонка, у которой отца убили?

– Ну, я.

– Так вот... – с досадой пробормотал Квакин, тыкая пальцем в стену. – Мне, конечно, на Тимкины знаки наплевать, и Тимку я всегда бить буду...

– Хорошо, – согласился Фигура. – А что ты мне пальцем на чертей тычешь?

– А то, – скривив губы, ответил ему Квакин, – что ты мне хоть и друг, Фигура, но никак на человека не похож ты, а скорей вот на этого толстого и поганого чёрта.

...Утром молочница не застала дома троих постоянных покупателей. На базар было идти уже поздно, и, взвалив бидон на плечи, она отправилась по квартирам. Она ходила долго без толку и наконец остановилась возле дачи, где жил Тимур.

За забором она услышала густой, приятный голос: кто-то негромко пел. Значит, хозяева были дома и здесь можно было ожидать удачи.

Пройдя через калитку, старуха нараспев закричала:

– Молока не надо ли, молока?

– Две кружки! – раздался в ответ басистый голос.

Скинув с плеча бидон, молочница обернулась и увидела выходящего из кустов косматого, одетого в лохмотья хромоногого старика, который держал в руке кривую обнажённую саблю.

– Я, батюшка, говорю, молочка не надо ли? – оробев и попятившись, предложила молочница. – Экий ты, отец мой, с виду серьёзный! Ты что ж это, саблей траву косишь?

– Две кружки. Посуда на столе, – коротко ответил старик и воткнул саблю клинком в землю.

– Ты бы, батюшка, купил косу, – торопливо наливая молоко в кувшин и опасливо поглядывая на старика, говорила молочница. – А саблю лучше брось. Этакой саблей простого человека и до смерти напугать можно.

– Платить сколько? – засовывая руку в карман широченных штанов, спросил старик.

– Как у людей, – ответила ему молочница. – По рубль сорок – всего два восемьдесят. Лишнего мне не надо.

Старик пошарил и достал из кармана большой ободраный револьвер.

– Я, батюшка, потом... – подхватывая бидон и поспешно удаляясь, заговорила молочница. – Ты, дорогой мой, не трудись! – прибавляя ходу и не переставая оборачиваться, продолжала она. – Мне, золотой, деньги не к спеху.

Она выскочила за калитку, захлопнула её и сердито с улицы закричала:

– В больнице тебя, старого чёрта, держать надо, а не пускать по воле. Да, да! На замке, в больнице.

Старик пожал плечами, сунул обратно в карман вынутую оттуда трёшницу и тотчас же спрятал револьвер за спину, потому что в сад вошёл пожилой джентльмен, доктор Ф. Г. Колокольчиков.

С лицом сосредоточенным и серьёзным, опираясь на палку, прямую, несколько деревянную походкой он шагал по песчаной аллее.

Увидав чудного старика, джентльмен кашлянул, поправил очки и спросил:

– Не скажешь ли ты, любезный, где мне найти владельца этой дачи?

– На этой даче живу я, – ответил старик.

– В таком случае, – прикладывая руку к соломенной шляпе, продолжал джентльмен, – вы мне скажете: не приходится ли вам некий мальчик, Тимур Гараев, родственником?

– Да, приходится, – ответил старик. – Этот некий мальчик – мой племянник.

– Мне очень прискорбно, – откашливаясь и недоуменно косясь на торчавшую в земле саблю, начал джентльмен, – но ваш племянник сделал вчера утром попытку ограбить наш дом.

– Что?! – изумился старик. – Мой Тимур хотел ваш дом ограбить?

– Да, представьте! – заглядывая старику за спину и начиная волноваться, продолжал джентльмен. – Он сделал попытку во время моего сна похитить укрывавшее меня байковое одеяло.

– Кто? Тимур вас ограбил? Похитил байковое одеяло? – растерялся старик. И спрятанная у него за спиной рука с револьвером невольно опустилась.

Волнение овладело почтенным джентльменом, и, с достоинством пятясь к выходу, он заговорил:

– Я, конечно, не утверждал бы, но факты... факты! Милостивый государь! Я вас прошу, вы ко мне не приближайтесь. Я, конечно, не знаю, чему приписать... Но ваш вид, ваше странное поведение...

– Послушайте, – шагая к джентльмену, произнёс старик, – но всё это, очевидно, недоразумение!

– Милостивый государь! – не спуская глаз с револьвера и не переставая пятиться, вскричал джентльмен. – Наш разговор принимает нежелательное и, я бы сказал, недостойное нашего возраста направление.

Он выскочил за калитку и быстро пошёл прочь, повторяя:

– Нет, нет, нежелательное и недостойное направление...

Старик подошёл к калитке как раз в ту минуту, когда шедшая, купаться Ольга поравнялась с взволнованным джентльменом.

Тут вдруг старик замахал руками и закричал Ольге,

чтобы она остановилась. Но джентльмен проворно, как козёл, перепрыгнул через канаву, схватил Ольгу за руку, и оба они мгновенно скрылись за углом. Тогда старик расхохотался. Возбуждённый и обрадованный, бойко притопывая своей деревяшкой, он пропел:

А вы и не поймёте
На быстром самолёте,
Как вас ожидала я до утренней зари,
Да!

Он отстегнул ремень у колена, швырнул на траву деревянную ногу и, на ходу сдирая парик и бороду, помчался к дому.

Через десять минут молодой и весёлый инженер Георгий Гараев сбежал с крыльца, вывел мотоцикл из сарая, крикнул собаке Рите, чтобы она караулила дом, нажал стартёр и, вскочив в седло, помчался к реке разыскивать напуганную им Ольгу.

...В одиннадцать часов Гейка и Коля Колокольчиков отправились за ответом на ультиматум.

– Ты иди ровно, – ворчал Гейка на Колю. – Ты шагай легко, твёрдо. А ты ходишь, как цыплёнок за червяком скачет. И всё у тебя, брат, хорошо – и штаны, и рубаша, и вся форма, а виду у тебя всё равно нет. Ты, брат, не обижайся, я тебе дело говорю. Ну, вот скажи: зачем ты идёшь и языком губы мусолишь? Ты запихай язык в рот, и пусть он там и лежит на своём месте... А ты зачем появился? – спросил Гейка, увидав выскочившего наперерез Симу Симакова.

– Меня Тимур послал для связи, – затараторил Симак. – Так надо, и ты ничего не понимаешь. Вам своё, а у меня своё дело. Коля, дай-ка я дудану в трубу. Экий ты сегодня важный! Гейка, дурак! Идёшь по делу – надел бы сапоги, ботинки. Разве послы босиком ходят? Ну ладно, вы туда, а я сюда. Гоп-гоп, до свиданья!

– Этакий балабон! – покачал головой Гейка. – Скажет

сто слов, а можно бы четыре. Труби, Николай, вот и ограда.

– Подавай наверх Михаила Квакина! – приказал Гейка высунувшемуся сверху мальчишке.

– А заходите справа! – закричал из-за ограды Квакин. – Там для вас нарочно ворота открыты.

– Не ходи, – дёргая за руку Гейку, прошептал Коля. – Они нас поймают и поколотят.

– Это все на двоих-то? – надменно спросил Гейка. – Труби, Николай, громче. Нашей команде везде дорога.

Они прошли через ржавую железную калитку и очутились перед группой ребят, впереди которых стояли Фигура и Квакин.

– Ответ на письмо давайте, – твёрдо сказал Гейка.

Квакин улыбался, Фигура хмурился.

– Давай поговорим, – предложил Квакин. – Ну, сядь, посиди, куда торопишься?

– Ответ на письмо давайте, – холодно повторил Гейка. – А разговаривать с вами будем мы после.

И было странно, непонятно: играет ли он, шутит ли, этот прямой коренастый мальчишка в матросской тельняшке, возле которого стоит маленький, уже побледневший трубач? Или, прищуриив строгие серые глаза свои, боконогий, широкоплечий, он и на самом деле требует ответа, чувствуя за собою и право и силу?

– На, возьми, – протягивая бумагу, сказал Квакин.

Гейка развернул лист. Там был грубо нарисован кукиш, под которым стояло ругательство.

Спокойно, не изменившись в лице, Гейка разорвал бумагу. В ту же минуту он и Коля крепко были схвачены за плечи и за руки.

Они не сопротивлялись.

– За такие ультиматумы надо бы вам набить шею, – подходя к Гейке, сказал Квакин. – Но... мы люди добрые. До ночи мы заплём вас вот сюда, – он показал на часовню,

– а ночью мы обчистим сад под номером двадцать четыре наголо.

– Этого не будет, – ровно ответил Гейка.

– Нет, будет! – крикнул Фигура и ударил Гейку по щеке.

– Бей хоть сто раз, – зажмурившись и вновь открывая глаза, сказал Гейка. – Коля, – подбадривающе буркнул он, – ты не робей. Чую я, что будет сегодня у нас позывной сигнал по форме номер один общий.

Пленников втолкнули внутрь маленькой часовни с наглухо закрытыми железными ставнями. Обе двери за ними закрыли, задвинули засов и забили его деревянным клином.

– Ну что? – подходя к двери и прикладывая ко рту ладонь, закричал Фигура. – Как оно теперь: по-нашему или по-вашему выйдет?

И из-за двери глухо, едва слышно донеслось:

– Нет, бродяги, теперь по-вашему уже никогда и ничего не выйдет.

Фигура плюнул.

– У него брат – матрос, – хмуро объяснил бритоголовый Алёшка. – Они с моим дядей на одном корабле служат.

– Ну, – угрожающе спросил Фигура, – а ты кто – капитан, что ли?

– У него руки схвачены, а ты его бьёшь. Это хорошо ли?

– На и тебе тоже! – обозлился Фигура и ударил Алёшку наотмашь.

Тут оба мальчишки покатались на траву. Их тянули за руки, за ноги, разнимали...

И никто не посмотрел наверх, где в густой листве липы, что росла близ ограды, мелькнуло лицо Симы Симаква.

Винтом соскользнул он на землю. И напрямик, через чужие огороды, помчался к Тимуру, к своим на речку.

Прикрыв голову полотенцем, Ольга лежала на горячем песке пляжа и читала.

Женя купалась. Неожиданно кто-то обнял её за плечи. Она обернулась.

– Здравствуй, – сказала ей высокая темноглазая девочка. – Я приплыла от Тимура. Меня зовут Таней, и я тоже из его команды. Он жалеет, что тебе из-за него от сестры попало. У тебя сестра, наверное, очень злая?

– Пусть он не жалеет, – покраснев, пробормотала Женя. – Ольга совсем не злая, у неё такой характер. – И, всплеснув руками, Женя с отчаянием добавила: – Ну, сестра, сестра и сестра! Вот погодите, приедет папа...

Они вышли из воды и забрались на крутой берег, левой песчаного пляжа. Здесь они наткнулись на Нюрку.

– Девочка, ты меня узнала? – как всегда быстро и сквозь зубы, спросила она у Жени. – Да! Я тебя узнала сразу. А вон Тимур! – сбросив платье, показала она на усыпанный ребятами противоположный берег. – Я знаю, кто мне поймал козу, кто нам уложил дрова и кто дал моему братишке землянику. И тебя я тоже знаю, – обернулась она к Тане. – Ты один раз сидела на грядке и плакала. А ты не плачь. Что толку?.. Гей! Сиди, чертовка, или я тебя сброшу в реку! – закричала она на привязанную к кустам козу. – Девочки, давайте в воду прыгнем!

Женя и Таня переглянулись. Очень уж она была смешная, эта маленькая, загорелая, похожая на цыганку Нюрка.

Взявшись за руки, они подошли к самому краю обрыва, под которым плескалась ясная, голубая вода.

– Ну, прыгнули?

– Прыгнули!

И они разом бросились в воду.

Но не успели девчонки вынырнуть, как вслед за ними бултыхнулся кто-то четвёртый.

Это, как он был – в сандалиях, трусах и майке, – Сима Симаков с разбегу кинулся в реку. И, отряхивая слипшие-

ся волосы, отплёвываясь и отфыркиваясь, длинными сажёнками он поплыл на другой берег.

– Беда, Женя, беда! – прокричал он, обернувшись. – Гейка и Коля попали в засаду!

...Читая книгу, Ольга поднималась в гору. И там, где крутая тропка пересекала дорогу, её встретил стоявший возле мотоцикла Георгий. Они поздоровались.

– Я ехал, – объяснил ей Георгий, – смотрю, вы идёте. Дай, думаю, подожду и подвезу, если по дороге.

– Неправда! – не поверила Ольга, – Вы стояли и ожидали меня нарочно.

– Ну, верно, – согласился Георгий. – Хотел соврать, да не вышло. Я должен перед вами извиниться за то, что напугал вас утром. А ведь хромым стариком у калитки – это был я. Это я в гриме готовился к репетиции. Садитесь, я подвезу вас на машине.

Ольга отрицательно качнула головой.

Он положил ей букет на книгу. Букет был хорош. Ольга покраснела, растерялась и... бросила его на дорогу.

Этого Георгий не ожидал.

– Послушайте! – огорчённо сказал он. – Вы хорошо играете, поёте, глаза у вас прямые, светлые. Я вас ничем не обидел. Но мне думается, что так, как вы, не поступают люди... даже самой железобетонной специальности.

– Цветов не надо! – сама испугавшись своего поступка, виновато ответила Ольга. – Я... и так, без цветов, с вами поеду.

Она села на кожаную подушку, и мотоцикл полетел вдоль дороги.

Дорога раздваивалась, но, минуя ту, что сворачивала к посёлку, мотоцикл вырвался в поле.

– Вы не туда повернули, – крикнула Ольга, – нам надо направо!

– Здесь дорога лучше, – отвечал Георгий, – здесь дорога весёлая.

Опять поворот, и они промчались через шумливую тенистую рощу. Выскочила из стада и затыкала, пытаясь догнать их, собака. Но нет! Куда там! Далеко.

Как тяжёлый снаряд, прогудела встречная грузовая машина.

И когда Георгий и Ольга вырвались из поднятых клубов пыли, то под горой увидели дым, трубы, башни, стекло и железо какого-то незнакомого города.

– Это наш завод! – прокричал Ольге Георгий. – Три года тому назад я сюда ездил собирать грибы и землянику.

Почти не уменьшая хода, машина круто развернулась.

– Прямо! – предостерегающе кричала Ольга. – Давайте только прямо домой.

Вдруг мотор заглох, и они остановились.

– Подождите, – соскакивая, сказал Георгий, – маленькая авария.

Он положил машину на траву под берёзой, достал из сумки ключ и принялся что-то подвёртывать и подтягивать.

– Вы кого в вашей опере играете? – присаживаясь на траву, спросила Ольга. – Почему у вас грим такой суровый и страшный?

– Я играю старика инвалида, – не переставая возиться у мотоцикла, ответил Георгий. – Он бывший партизан, и он немного... не в себе. Он живёт близ границы, и ему всё кажется, что враги нас перехитрят и обманут. Он стар, но он осторожен. Красноармейцы же молодые, смеются, после караула в волейбол играют. Девчонки там у них разные... Катюши!

Георгий нахмурился и тихо запел:

За тучами опять померкнула луна.

Я третью ночь не сплю в глухом дозоре.

Ползут в тиши враги. Не спи, моя страна!

Я стар. Я слаб. О горе мне... о горе!

Тут Георгий переменял голос и, подражая хору, пропел:

Старик, спокойно... спокойно!

– Что значит «спокойно»? – утирая платком запыхлённые губы, спросила Ольга.

– А это значит, – продолжая стучать ключом по втулке, объяснял Георгий, – это значит, что спи спокойно, старый дурак. Давно уже все бойцы и командиры стоят на своём месте... Оля, ваша сестрёнка о моей с ней встрече вам говорила?

– Говорила, я её выругала.

– Напрасно. Очень забавная девочка. Я ей говорю «а», она мне «бэ»!

– С этой забавной девочкой хлебнёшь горя, – снова повторила Ольга. – К ней привязался какой-то мальчишка, зовут Тимур. Он из компании хулигана Квакина. И никак я его от нашего дома не могу отвадить.

– Тимур!.. Гм... – Георгий смущённо кашлянул. – Разве он из компании? Он, кажется, не того... не очень... Ну ладно! Вы не беспокойтесь... Я его от вашего дома отважу. Оля, почему вы не учитесь в консерватории? Подумаешь – инженер! Я и сам инженер, а что толку?

– Разве вы плохой инженер?

– Зачем плохой? – подвигаясь к Ольге и начиная теперь стучать по втулке переднего колеса, ответил Георгий. – Совсем не плохой, но вы очень хорошо играете и поёте.

– Послушайте, Георгий, – смущённо отодвигаясь, сказала Ольга. – Я не знаю, какой вы инженер, но... чините вы машину как-то очень странно.

И Ольга помахала рукой, показывая, как он постукивает ключом то по втулке, то по ободу.

– Ничего не странно. Всё делается так, как надо. – Он вскочил и стукнул ключом по раме. – Ну, вот и готово! Оля, ваш отец командир?

– Да.

– Это хорошо. Я и сам командир тоже.

– Кто вас разберёт! – пожалала плечами Ольга. – То вы инженер, то вы актёр, то командир. Может быть, к тому же вы ещё и лётчик?

– Нет, – усмехнулся Георгий. – Лётчики глушат бомбами по головам сверху, а мы с земли через железо и бетон бьём прямо в сердце.

И опять перед ними замелькали рожь, поля, рощи, речка. Наконец вот и дача.

На треск мотоцикла с террасы выскочила Женя. Увидав Георгия, она смутилась, но когда он умчался, то, глядя ему вслед, Женя подошла к Ольге, обняла её и с завистью сказала:

– Ох, какая ты сегодня счастливая!

Условившись встретиться неподалёку от сада дома номер 24, мальчишки из-за ограды разбежались.

Задержался только один Фигура. Его злило и удивляло молчание внутри часовни. Пленники не кричали, не стучали и на вопросы и окрики Фигуры не отзывались.

Тогда Фигура пустился на хитрость. Открыв наружную дверь, он вошёл в каменный простенок и замер, как будто бы его здесь не было.

И так, приложив к замку ухо, он стоял до тех пор, пока наружная железная дверь не захлопнулась с таким грохотом, как будто бы по ней ударили бревном.

– Эй, кто там? – бросаясь к двери, рассердился Фигура.
– Эй, не балуй, а то дам по шее!

Но ему не отвечали. Снаружи слышались чужие голоса. Заскрипели петли ставен. Кто-то через решётку окна переговаривался с пленниками. Затем внутри часовни раздался смех. И от этого смеха Фигуре стало плохо.

Наконец наружная дверь распахнулась. Перед Фигурой стояли Тимур, Симаков и Ладыгин.

– Открой второй засов! – не двигаясь, приказал Тимур.
– Открой сам, или будет хуже!

Нехотя Фигура отодвинул засов. Из часовни вышли Коля и Гейка.

– Лезь на их место! – приказал Тимур. – Лезь, гадина, быстро! – сжимая кулаки, крикнул он. – Мне с тобой разговаривать некогда!

Захлопнули за Фигурой обе двери. Наложили на петлю тяжёлую перекладину и повесили замок.

Потом Тимур взял лист бумаги и синим карандашом коряво написал:

«Квакин, караулить не надо. Я их запер, ключ у меня. Я приду прямо на место, к саду, вечером».

Затем все скрылись. Через пять минут за ограду зашёл Квакин.

Он прочёл записку, потрогал замок, ухмыльнулся и пошёл к калитке, в то время как запертый Фигура отчаянно колотил кулаками и пятками по железной двери.

От калитки Квакин обернулся и равнодушно пробормотал:

– Стучи, Гейка, стучи! Нет, брат, ты ещё до вечера настучишься.

Дальше события развёртывались так.

Перед заходом солнца Тимур и Симаков сбегали на рыночную площадь. Там, где в беспорядке выстроились ларьки – квас, воды, овощи, табак, бакалея, мороженое, – у самого края торчала неуклюжая пустая будка, в которой по базарным дням работали сапожники.

В будке этой Тимур и Симаков пробыли недолго.

В сумерки на чердаке сарая заработало штурвальное колесо. Один за одним натягивались крепкие верёвочные провода, передавая туда, куда надо, и те, что надо, сигналы.

Подходили подкрепления. Собрались мальчишки; их было уже много: двадцать – тридцать. А через дыры забо-

ров тихо и бесшумно проскальзывали всё новые и новые люди.

Таню и Нюрку отослали обратно. Женя сидела дома. Она должна была задерживать и не пускать в сад Ольгу.

На чердаке у колеса стоял Тимур.

– Повтори сигнал по шестому проводу, – озабоченно попросил просунувшийся в окно Симаков. – Там что-то не отвечают.

Двое мальчуганов чертили по фанере какой-то плакат. Подошло звено Ладыгина.

Наконец пришли разведчики. Шайка Квакина собиралась на пустыре близ сада дома номер 24.

– Пора, – сказал Тимур. – Всем приготовиться!

Он выпустил из рук колесо, взялся за верёвку. И над старым сараем под неровным светом бегущей меж облаков луны медленно поднялся и заколыхался флаг команды – сигнал к бою.

...Вдоль забора дома номер 24 продвигалась цепочка из десятка мальчишек. Остановившись в тени, Квакин сказал:

– Все на месте, а Фигуры нет.

– Он хитрый, – ответил кто-то. – Он, наверное, уже в саду. Он всегда вперёд лезет.

Квакин отодвинул две заранее снятые с гвоздей доски и пролез через дыру. За ним полезли и остальные. На улице у дыры остался один часовой – Алёшка.

Из поросшей крапивой и бурьяном канавы по другой стороне улицы выглянуло пять голов. Четыре из них сразу же спрятались. Пятая – Коли Колокольчикова – задержалась, но чья-то ладонь хлопнула её по макушке, и голова исчезла.

Часовой Алёшка оглянулся. Всё было тихо, и он просунул голову в отверстие – послушать, что делается внутри сада. От канавы отделилось трое. И в следующее мгновение часовой почувствовал, как крепкая сила рванула его за ноги, за руки. И, не успев крикнуть, он отлетел от забора.

– Гейка, – пробормотал он, поднимая лицо, – ты откуда?

– Оттуда, – прошипел Гейка. – Смотри молчи! А то я не посмотрю, что ты за меня заступался.

– Хорошо, – согласился Алёшка, – я молчу. – И неожиданно он пронзительно свистнул.

Но тотчас же рот его был зажат широкой ладонью Гейки. Чьи-то руки подхватили его за плечи, за ноги и уволокли прочь.

Свист в саду услышали. Квакин обернулся. Свист больше не повторился. Квакин внимательно оглядывался по сторонам. Теперь ему показалось, что кусты в углу сада шевельнулись.

– Фигура! – негромко окликнул Квакин. – Это ты там, дурак, прячешься?

– Мишка! Огонь! – крикнул вдруг кто-то. – Это идут хозяева!

Но это были не хозяева.

Позади, в гуще листвы, вспыхнуло не меньше десятка электрических фонарей. И, слепя глаза, они стремительно надвигались на растерявшихся налётчиков.

– Бей, не отступай! – выхватывая из кармана яблоко и швыряя по огням, крикнул Квакин. – Рви фонари с руками! Это идёт он... Тимка!

– Там Тимка, а здесь Симка! – гаркнул, вырываясь из-за куста, Симаков.

И ещё десяток мальчишек рванулись с тылу и с фланга.

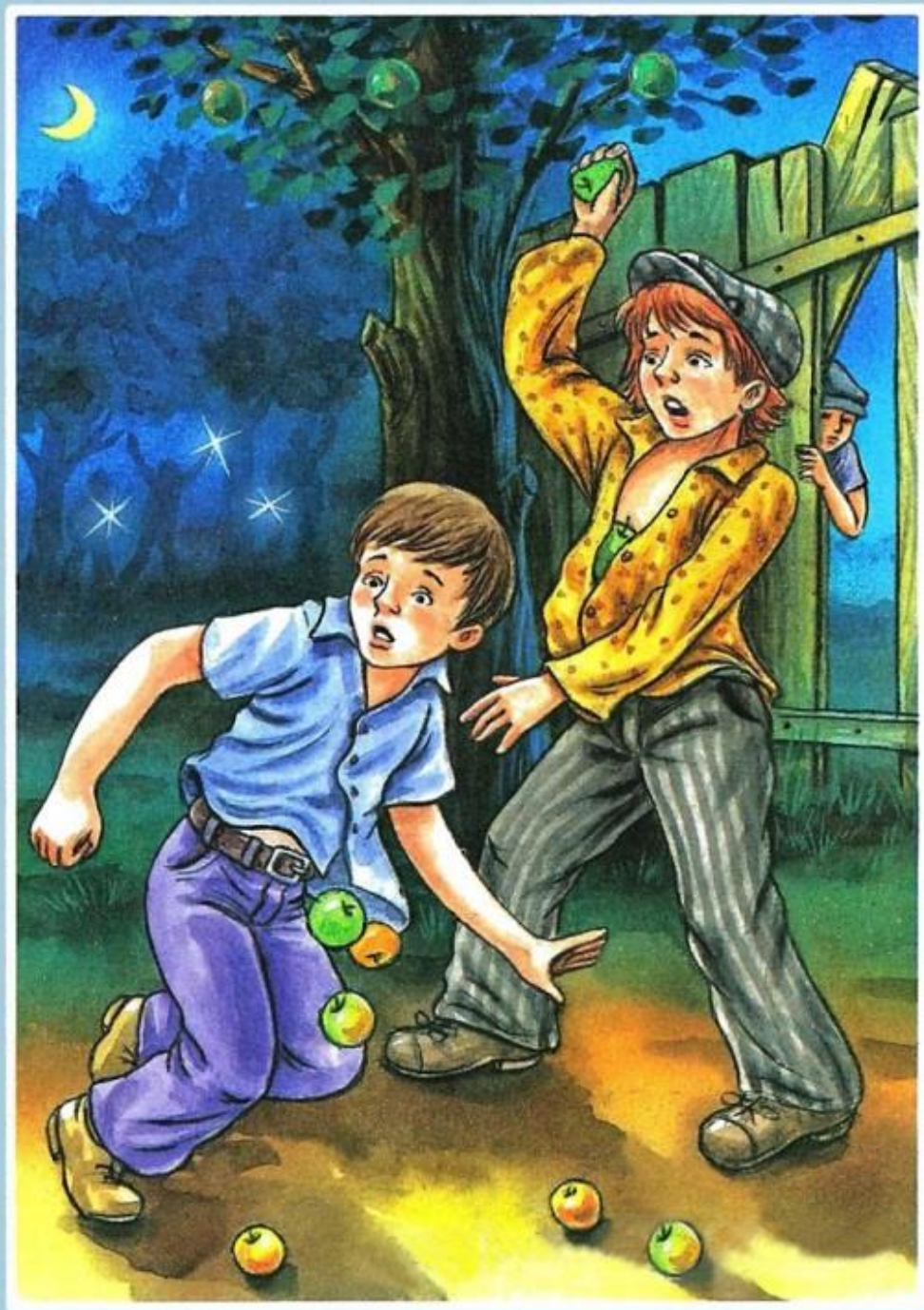
– Эге! – заорал Квакни. – Да у них сила! За забор вылетай, ребята!

Попавшая в засаду шайка в панике метнулась к забору.

Толкаясь, сшибаясь лбами, мальчишки выскакивали на улицу и попадали прямо в руки Ладыгина и Гейки.

Луна совсем спряталась за тучи. Слышны были только голоса:

– Пусти!

В гуще листвы вспыхнуло не меньше десятка электрических фонарей. И, слепя глаза, они стремительно надвигались на растерявшихся налётчиков.

— Эге! — заорал Квакин.— Да у них сила!

– Оставь!

– Не лезь! Не тронь!

– Всем тише! – раздался в темноте голос Тимура. – Пленных не бить. Где Гейка?

– Здесь Гейка!

– Веди всех на место.

– А если кто не пойдёт?

– Хватайте за руки, за ноги и тащите с почётом, как икону Богородицы.

– Пустите, черти! – раздался чей-то плачущий голос.

– Кто кричит? – гневно спросил Тимур. – Хулиганить мастера, а отвечать боитесь! Гейка, давай команду, двигай!

Пленников подвели к пустой будке на краю базарной площади. Тут их одного за другим протолкнули за дверь.

– Михаила Квакина ко мне, – попросил Тимур.

Подвели Квакина.

– Готово? – спросил Тимур.

– Всё готово.

Последнего пленника втолкнули в будку, задвинули засов и просунули в пробой тяжёлый замок.

– Ступай, – сказал тогда Тимур Квакину. – Ты смешон. Ты никому не страшен и не нужен.

Ожидая, что его будут бить, ничего не понимая, Квакин стоял опустив голову.

– Ступай, – повторил Тимур. – Возьми вот этот ключ и отопри часовню, где сидит твой друг Фигура.

Квакин не уходил.

– Отопри ребят, – хмуро попросил он. – Или посади меня вместе с ними.

– Нет, – отказался Тимур, – теперь всё кончено. Ни им с тобою, ни тебе с ними больше делать нечего.

Под свист, шум и улюлюканье, спрятав голову в плечи, Квакин медленно пошёл прочь. Отойдя десяток шагов, он остановился и выпрямился.

– Бить буду! – злобно закричал он, оборачиваясь к Тимуру. – Бить буду тебя одного. Один на один, до смерти! – И, отпрыгнув, он скрылся в темноте.

– Ладыгин и твоя пятёрка, вы свободны, – сказал Тимур. – У тебя что?

– Дом номер двадцать два – перекатать брёвна по Большой Васильковской.

– Хорошо! Работайте!

Рядом на станции заревел гудок. Прибыл дачный поезд. С него сходили пассажиры, и Тимур заторопился.

– Симаков и твоя пятёрка, у тебя что?

– Дом номер тридцать восемь по Малой Петраковской. – Он рассмеялся и добавил: – Наше дело как всегда: вёдра, кадка да вода... Гоп! Гоп! До свиданья!

– Хорошо, работайте! Ну, а теперь... сюда идут люди. Остальные все по домам... Разом!

Гром и стук раздался по площади. Шарахнулись и остановились идущие с поезда прохожие. Стук и вой повторился. Загорелись огни в окнах соседних дач. Кто-то включил свет над ларьком, и столпившиеся люди увидели над палаткой такой плакат:

ПРОХОЖИЕ, НЕ ЖАЛЕЙ!

Здесь сидят люди, которые трусливо по ночам обирают сады мирных жителей.

Ключ от замка висит позади этого плаката, и тот, кто отпрёт этих арестантов, пусть сначала посмотрит, нет ли среди них его близких или знакомых.

Поздняя ночь. И чёрно-красной звезды на воротах не видно. Но она тут.

Сад того дома, где живёт маленькая девочка. С ветвистого дерева спустились верёвки. Вслед за ними по шершавому стволу соскользнул мальчик. Он кладёт доску, са-

дится и пробует, прочны ли они, эти новые качели. Толстый сук чуть поскрипывает, листва шуршит и вздрагивает. Вспорхнула и пискнула потревоженная птица. Уже поздно. Спит давно Ольга, спит Женя. Спят и его товарищи: весёлый Симаков, молчаливый Ладыгин, смешной Коля. Ворочается, конечно, и бормочет во сне храбрый Гейка.

Часы на каланче отбивают четверти: «Был день – было дело! Дин-дон... раз, два!..»

Да, уже поздно.

Мальчуган встаёт, шарит по траве руками и поднимает тяжёлый букет полевых цветов.

Эти цветы рвала Женя.

Осторожно, чтобы не разбудить и не испугать спящих, он всходит на озарённое луною крыльцо и бережно кладёт букет на верхнюю ступеньку. Это – Тимур.

...Было утро выходного дня. В честь годовщины победы красных под Хасаном комсомольцы посёлка устроили в парке большой карнавал – концерт и гулянье.

Девчонки убежали в рощу ещё спозаранку. Ольга торопливо доканчивала гладить блузку. Перебирая платья, она тряхнула Женин сарафан, и из его кармана выпала бумажка.

Ольга подняла и прочла:

«Девочка, никого дома не бойся. Всё в порядке, и никто от меня ничего не узнает. Тимур».

«Чего не узнает? Почему не бойся? Что за тайны у этой скрытной и лукавой девчонки? Нет! Этому надо положить конец. Папа уезжал, и он велел... Надо действовать решительно и быстро».

В окно постучал Георгий.

– Оля, – сказал он, – выручайте! Ко мне пришла делегация. Просят что-нибудь спеть с эстрады. Сегодня такой день – отказать было нельзя. Давайте аккомпанируйте мне на аккордеоне.

– Да... Но это вам может сделать пианистка! – удивилась Ольга. – Зачем же на аккордеоне?

– Оля, я с пианисткой не хочу. Хочу с вами! У нас получится хорошо. Можно, я к вам через окно прыгну? Оставьте уют и выньте инструмент. Ну вот, я его вам сам вынул. Вам только остаётся нажимать на лады пальцами, а я петь буду.

– Послушайте, Георгий, – обиженно сказала Ольга, – в конце концов, вы могли не лезть в окно, когда есть двери...

В парке было шумно. Вереницей подъезжали машины с отдыхающими. Тащились грузовики с бутербродами, булками, бутылками, колбасой, конфетами, пряниками. Стройно подходили голубые отрады ручных и колёсных мороженщиков.

На полянах разноголосо вопили патефоны, вокруг которых раскинулись приезжие и местные дачники с питьём и снедью.

Играла музыка.

У ворот ограды эстрадного театра стоял дежурный старичок и бранил монтера, который хотел пройти через калитку вместе со своими ключами, ремнями и железными «кошками».

– С инструментами, дорогой, сюда не пропускаем. Сегодня праздник. Ты сначала сходи домой, умойся и оденься.

– Так ведь, папаша, здесь же без билета, бесплатно!

– Всё равно нельзя. Здесь пение. Ты бы ещё с собой телеграфный столб приволок. И ты, гражданин, обойди тоже, – остановил он другого человека. – Здесь люди поют... музыка. А у тебя бутылка торчит из кармана.

– Но, дорогой папаша, – заикаясь, пытался возразить человек, – мне нужно... Я сам тенор.

– Проходи, проходи, тенор, – показывая на монтера, отвечал старик. – Вон бас не возражает. И ты, тенор, не возражай тоже.

Женя, которой мальчишки сказали, что Ольга с аккордеоном прошла за сцену, нетерпеливо ёрзала на скамье.

Наконец вышли Георгий и Ольга. Жене стало страшно: ей показалось, что над Ольгой сейчас начнут смеяться. Но никто не смеялся.

Георгий и Ольга стояли на подмостках, такие простые, молодые и весёлые, что Жене захотелось обнять их обоих.

Но вот Ольга накинула ремень на плечо.

Глубокая морщина перерезала лоб Георгия, он ссутулился, наклонил голову. Теперь это был старик, и низким звучным голосом он запел:

Я третью ночь не сплю. Мне чудится всё то же
Движеньё тайное в угрюмой тишине.
Винтовка руку жжёт. Тревога сердце гложет,
Как двадцать лет назад ночами на войне,
Но если и сейчас я встречу с тобою,
Наёмных армий вражеский солдат,
То я, седой старик, готовый встану к бою,
Спокоен и суров, как двадцать лет назад.

– Ах, как хорошо! И как этого хромого смелого старика жалко! Молодец, молодец... – бормотала Женя. – Так, так. Играй, Оля! Жаль только, что не слышит тебя наш папа.

После концерта, дружно взявшись за руки, Георгий и Ольга шли по аллее.

– Всё так, – говорила Ольга. – Но я не знаю, куда пропала Женя.

– Она стояла на скамье, – ответил Георгий, – и кричала: «Браво, браво!» Потом к ней подошёл... – тут Георгий запнулся, – какой-то мальчик, и они исчезли.

– Какой мальчик? – встревожилась Ольга. – Георгий, вы старше, скажите, что мне с ней делать? Смотрите! Утром я у неё нашла вот эту бумажку!

Георгий прочёл записку. Теперь он и сам задумался и нахмурился.

– Не бойся – это значит не слушайся. Ох, и попадись мне этот мальчишка под руку, то-то бы я с ним поговорила!

Ольга спрятала записку. Некоторое время они молчали. Но музыка играла очень весело, кругом смеялись, и, опять взявшись за руки, они пошли по аллее. Вдруг на перекрёстке в упор они столкнулись с другой парой, которая, так же дружно держась за руки, шла им навстречу. Это были Тимур и Женя.

Растерявшись, обе пары вежливо на ходу раскланялись.

– Вот он! – дёргая Георгия за руку, с отчаянием сказала Ольга. – Это и есть тот самый мальчишка.

– Да, – смутился Георгий, – а главное, что это и есть Тимур – мой отчаянный племянник.

– И ты... вы знали! – рассердилась Ольга. – И вы мне ничего не говорили!

Откинув его руку, она побежала по аллее. Но ни Тимура, ни Жени уже видно не было.

Она свернула на узкую, кривую тропку, и только тут она наткнулась на Тимура, который стоял перед Фигурой и Квакиным.

– Послушай, – подходя к нему вплотную, сказала Ольга. – Мало вам того, что вы облазили и обломали все сады, даже у старух, даже у осиротевшей девчурки; мало тебе того, что от вас бегут даже собаки, – ты портишь и настраиваешь против меня сестрёнку. У тебя на шее пионерский галстук, но ты просто... негодяй!

Тимур был бледен.

– Это неправда, – сказал он. – Вы ничего не знаете.

Ольга махнула рукой и побежала разыскивать Женю.

Тимур стоял и молчал.

Молчали озадаченные Фигура и Квакин.

– Ну что, комиссар? – спросил Квакин, – Вот и тебе, я вижу, бывает невесело?

– Да, атаман, – медленно поднимая глаза, ответил Тимур. – Мне сейчас тяжело, мне невесело. И лучше бы вы меня поймали, исколотили, избили, чем мне из-за вас слушать... вот это.

– Чего же ты молчал? – усмехнулся Квакин. – Ты бы сказал: это, мол, не я. Это они. Мы тут стояли, рядом.

– Да! Ты бы сказал, а мы бы тебе за это наподдали, – вставил обрадованный Фигура.

Но совсем не ожидавший такой поддержки Квакин молча и холодно посмотрел на своего товарища. А Тимур, трогая рукой стволы деревьев, медленно пошёл прочь.

– Гордый, – тихо сказал Квакин. – Хочет плакать, а молчит.

– Давай-ка сунем ему по разу, вот и заплачет, – сказал Фигура и запустил вдогонку Тимуру еловой шишкой.

– Он... гордый, – хрипло повторил Квакин, – а ты... ты – сволочь! – И, развернувшись, он ляпнул Фигуре кулаком по лбу.

Фигура опешил, потом взвыл и кинулся бежать. Дважды нагоняя его, давал ему Квакин тычка в спину.

Наконец Квакин остановился, поднял оброненную фуражку; отряхивая, ударил её о колено, подошёл к мороженщику, взял порцию, прислонился к дереву и, тяжело дыша, жадно стал глотать мороженое большими кусками.

На поляне возле стрелкового тира Тимур нашёл Гейку и Симу.

– Тимур, – предупредил его Сима, – тебя ищет (он, кажется, очень сердит) твой дядя.

– Да, иду, я знаю.

– Ты сюда вернёшься?

– Не знаю.

– Тима! – неожиданно мягко сказал Гейка и взял това-

рища за руку. – Что это? Ведь мы же ничего плохого никому не сделали. А ты знаешь, если человек прав...

– Да, знаю... то он не боится ничего на свете. Но ему всё равно больно.

Тимур ушёл.

К Ольге, которая несла домой аккордеон, подошла Женя.

– Оля!

– Уйди! – не глядя на сестру, ответила Ольга. – Я с тобой больше не разговариваю. Я сейчас уезжаю в Москву, и ты без меня можешь гулять с кем хочешь, хоть до рассвета.

– Но, Оля...

– Я с тобой не разговариваю. Послезавтра мы переедем в Москву. А там подождём папу.

– Да! Папа, а не ты – он всё узнает! – в гневе и слезах крикнула Женя и помчалась разыскивать Тимура.

Она разыскала Гейку, Симакова и спросила, где Тимур.

– Его позвали домой, – сказал Гейка. – На него за что-то из-за тебя очень сердит дядя.

В бешенстве топнула Женя ногой и, сжимая кулаки, вскричала:

– Вот так... ни за что... и пропадают люди!

Она обняла ствол берёзы, но тут к ней подскочили Таня и Нюрка.

– Женька! – закричала Таня. – Что с тобой? Женя, бежим! Там пришёл баянист, там начались танцы – пляшут девчонки.

Они схватили её, затормошили и подтащили к кругу, внутри которого мелькали яркие, как цветы, платья, блузки и сарафаны.

– Женя, плакать не надо! – так же, как всегда, быстро и сквозь зубы сказала Нюрка. – Меня когда бабка колотит, и то я не плачу! Девочки, давайте лучше в круг!.. Прыгнули!

– «Пр-рыгнули!»! – передразнила Нюрку Женя.

И, прорвавшись через цепь, они закружились, завертелись в отчаянно весёлом танце.

Когда Тимур вернулся домой, его подозвал дядя.

– Мне надоели твои ночные похождения, – говорил Георгий. – Надоели сигналы, звонки, верёвки. Что это была за странная история с одеялом?

– Это была ошибка.

– Хороша ошибка! К этой девочке ты больше не лезь: тебя её сестра не любит.

– За что?

– Не знаю. Значит, заслужил. Что это у тебя за записки? Что это за странные встречи в саду на рассвете? Ольга говорит, что ты учишь девочку хулиганству.

– Она лжёт, – возмутился Тимур, – а ещё комсомолка! Если ей что непонятно, она могла бы позвать меня, спросить. И я бы ей на всё ответил.

– Хорошо. Но пока ты ей ещё ничего не ответил, я запрещаю тебе подходить к их даче, и вообще, если ты будешь самовольничать, то я тебя сейчас же отправлю домой к матери.

Он хотел уходить.

– Дядя, – остановил его Тимур, – а когда вы были мальчишкой, что вы делали? Как играли?

– Мы?.. Мы бегали, скакали, лазили по крышам, бывало, что и дрались. Но наши игры были просты и всем понятны.

...Чтобы проучить Женю, к вечеру, так и не сказав сестрёнке ни слова, Ольга уехала в Москву.

В Москве никакого дела у неё не было. И поэтому, не заезжая к себе, она отправилась к подруге, просидела у неё дотемна и только часам к десяти пришла на свою квартиру. Она открыла дверь, зажгла свет и тут же вздрогнула: к двери в квартиру была пришпилена телеграмма. Ольга сорвала телеграмму и прочла её. Телеграмма была от папы.

К вечеру, когда уже разъезжались из парка грузовики, Женя и Таня забежали на дачу. Затевалась игра в волейбол, и Женя должна была сменить туфли на тапки.

Она завязывала шнурок, когда в комнату вошла женщина – мать белокурой девчурки. Девочка лежала у неё на руках и дремала.

Узнав, что Ольги нет дома, женщина опечалилась.

– Я хотела оставить у вас дочку, – сказала она. – Я не знала, что нет сестры... Поезд приходит сегодня ночью, и мне надо в Москву – встретить маму.

– Оставьте её, – сказала Женя. – Что же Ольга... А я не человек, что ли? Кладите её на мою кровать, а я на другой лягу.

– Она спит спокойно и теперь проснётся только утром, – обрадовалась мать. – К ней только изредка нужно подходить и поправлять под её головой подушку.

Девчурку раздели и уложили. Мать ушла. Женя отдёргнула занавеску, чтобы видна была через окно кроватка, захлопнула дверь террасы, и они с Таней убежали играть в волейбол, условившись после каждой игры прибегать по очереди и смотреть, как спит девочка.

Только что они убежали, как на крыльцо вошёл почтальон. Он стучал долго, и так как ему не откликались, то он вернулся к калитке и спросил у соседа, не уехали ли хозяйева в город.

– Нет, – отвечал сосед, – девчонку я сейчас тут видел. Давай я приму телеграмму.

Сосед расписался, сунул телеграмму в карман, сел на скамью и закурил трубку. Он ожидал Женю долго.

Прошло часа полтора. Опять к соседу подошёл почтальон.

– Вот, – сказал он. – И что за пожар, спешка? Прими, друг, и вторую телеграмму.

Сосед расписался. Было уже совсем темно. Он прошёл через калитку, поднялся по ступенькам террасы и заглянул

в окно. Маленькая девочка спала. Возле её головы на подушке лежал рыжий котёнок. Значит, хозяева были где-то около дома.

Сосед открыл форточку и опустил через неё обе телеграммы. Они аккуратно легли на подоконник, и вернувшаяся Женя должна была бы заметить их сразу.

Но Женя их не заметила. Придя домой, при свете луны она поправила сползшую с подушки девчурку, турнула котёнка, разделась и легла спать.

Она лежала долго, раздумывая о том: вот она какая бывает, жизнь! И она не виновата, и Ольга как будто бы тоже. А вот впервые они с Ольгой всерьёз поссорились.

Было очень обидно. Спать не спалось, и Жене захотелось булки с вареньем. Она спрыгнула, подошла к шкафу, включила свет и тут увидела на подоконнике телеграммы. Ей стало страшно. Дрожащими руками она оборвала заклепку и прочла.

В первой было:

«Буду сегодня проездом от двенадцати ночи до трёх утра тчк Ждите на городской квартире папа».

«Приезжай немедленно ночью папа будет в городе Ольга».

С ужасом глянула на часы. Было без четверти двенадцать. Накинув платье и схватив сонного ребёнка, Женя как полоумная бросилась к крыльцу. Одумалась. Положила ребёнка на кровать. Выскочила на улицу и помчалась к дому старухи молочницы. Она грохала в дверь кулаком и ногой до тех пор, пока не показалась в окне голова соседки.

– Чего стучишь? – сонным голосом спросила она. – Чего озоруеть?

– Я не озорую, – умоляюще заговорила Женя. – Мне нужно молочницу, тётю Машу. Я хотела ей оставить ребёнка.

– И что городишь? – захлопывая окно, ответила соседка. – Хозяйка ещё с утра уехала в деревню гостить к брату.

Со стороны вокзала донёлся гудок приближающегося поезда. Женя выбежала на улицу и столкнулась с седым джентльменом, доктором.

– Простите! – пробормотала она. – Вы не знаете, какой это гудит поезд?

Джентльмен вынул часы.

– Двадцать три пятьдесят пять, – ответил он. – Это сегодня на Москву последний.

– Как последний? – глотая слёзы, прошептала Женя. – А когда следующий?

– Следующий пойдёт утром, в три сорок. Девочка, что с тобой? – хватая за плечо покачнувшуюся Женю, участливо спросил старик. – Ты плачешь? Может быть, я тебе чем-нибудь смогу помочь?

– Ах, нет! – сдерживая рыдания и убегая, ответила Женя. – Теперь уже мне не может помочь никто на свете!

Дома уткнулась головой в подушку, но тотчас же вскочила и гневно посмотрела на спящую девчурку. Опомнилась, одёрнула одеяло, столкнула с подушки рыжего котёнка.

Она зажгла свет на террасе, в кухне, в комнате, села на диван и покачала головой. Так сидела она долго и, кажется, ни о чём не думала. Нечаянно она задела валявшийся тут же аккордеон. Машинально подняла его и стала перебирать клавиши. Зазвучала мелодия, торжественная и печальная. Женя грубо оборвала игру и подошла к окну. Плечи её вздрагивали.

Нет! Остаться одной и терпеть такую муку сил у неё больше нет. Она зажгла свечку и, спотыкаясь, через сад пошла к сараю.

Вот и чердак. Верёвка, карта, мешки, флаги. Она зажгла фонарь, подошла к штурвальному колесу, нашла нужный ей провод, зацепила его за крюк и резко повернула колесо.

...Тимур спал, когда Рита тронула его за плечо лапой. Толчка он не почувствовал. И, схватив зубами одеяло, Рита стащила его на пол.

Тимур вскочил.

– Ты что? – спросил он, не понимая, – Что-нибудь случилось?

Собака смотрела ему в глаза, шевелила хвостом, мотала мордой. Тут Тимур услышал звон бронзового колокольчика.

Недоумевая, кому он мог понадобиться глухой ночью, он вышел на террасу и взял трубку телефона.

– Да, я, Тимур, у аппарата. Это кто? Это ты... Ты, Женя?

Сначала Тимур слушал спокойно. Но вот губы его зашевелились, по лицу пошли красноватые пятна. Он задыхался часто и отрывисто.

– И только на три часа? – волнуясь, спросил он. – Женя, ты плачешь? Я слышу... Ты плачешь. Не смей! Не надо! Я приду скоро...

Он повесил трубку и схватил с полки расписание поездов.

– Да, вот он, последний, в двадцать три пятьдесят пять. Следующий пойдёт только в три сорок. – Он стоит и кусает губы. – Поздно! Неужели ничего нельзя сделать? Нет! Поздно!

Но красная звезда днём и ночью горит над воротами Жениного дома. Он зажгёт её сам, своей рукой, и её лучи, прямые, острые, блестят и мерцают перед его глазами.

Дочь командира в беде! Дочь командира нечаянно попала в засаду.

Он быстро оделся, выскочил на улицу, и через несколько минут он уже стоял перед крыльцом дачи седого джентльмена. В кабинете доктора ещё горел свет.

Тимур постучался. Ему открыли.

– Ты к кому? – сухо и удивлённо спросил его джентльмен.

– К вам, – ответил Тимур.

– Ко мне? – Джентльмен подумал, потом широким жестом распахнул дверь и сказал: – Тогда... прошу пожаловать!..

Они говорили недолго.

– Вот и всё, что мы делаем, – поблёскивая глазами, закончил свой рассказ Тимур. – Вот и всё, что мы делаем, как играем, и вот зачем мне нужен сейчас ваш Коля.

Молча старик встал. Резким движением он взял Тимура за подбородок, поднял его голову, заглянул ему в глаза и вышел.

Он прошёл в комнату, где спал Коля, и подёргал его за плечо.

– Вставай, – сказал он, – тебя зовут.

– Но я ничего не знаю, – испуганно тараща глаза, заговорил Коля. – Я, дедушка, право, ничего не знаю.

– Вставай, – сухо повторил ему джентльмен. – За тобой пришёл твой товарищ.

...На чердаке на охапке соломы, охватив колени руками, сидела Женя. Она ждала Тимура. Но вместо него в отверстие окна просунулась взъерошенная голова Коли Колокольчикова.

– Это ты? – удивилась Женя, – Что тебе надо?

– Я не знаю, – тихо и испуганно отвечал Коля. – Я спал. Он пришёл. Я встал. Он послал. Он велел, чтобы мы с тобой спустились вниз, к калитке.

– Зачем?

– Я не знаю. У меня самого в голове какой-то стук, гудение. Я, Женя, и сам ничего не понимаю.

...Спрашивать позволения было не у кого. Дядя ночевал в Москве. Тимур зажёл фонарь, взял топор, крикнул собаку Риту и вышел в сад. Он остановился перед закрытой дверью сарая. Он перевёл взгляд с топора на замок. Да! Он знал – так делать было нельзя, но другого выхода не было. Сильным ударом он сшиб замок и вывел мотоцикл из сарая.

– Рита! – горько сказал он, становясь на колени и целуя собаку в морду. – Ты не сердись! Я не мог поступить иначе.

...Женя и Коля стояли у калитки. Издалека показался быстро приближающийся огонь. Огонь летел прямо на них, послышался треск мотора. Слеплённые, они зажмурились, попятились к забору, как вдруг огонь погас, мотор заглох и перед ними очутился Тимур.

– Коля, – сказал он, не здороваясь и ничего не спрашивая, – ты останешься здесь и будешь охранять спящую девчонку. Ты отвечаешь за неё перед всей нашей командой. Женя, садись. Вперёд! В Москву!

Женя вскрикнула, что было у неё силы обняла Тимура и поцеловала.

– Садись, Женя, садись! – стараясь казаться суровым, кричал Тимур. – Держись крепче! Ну, вперёд! Вперёд, двигаем!

Мотор затрещал, гудок рывкнул, и вскоре красный огонёк скрылся из глаз растерявшегося Коли. Он постоял, поднял палку и держа её наперевес, как ружьё, обошёл вокруг ярко освещённой дачи.

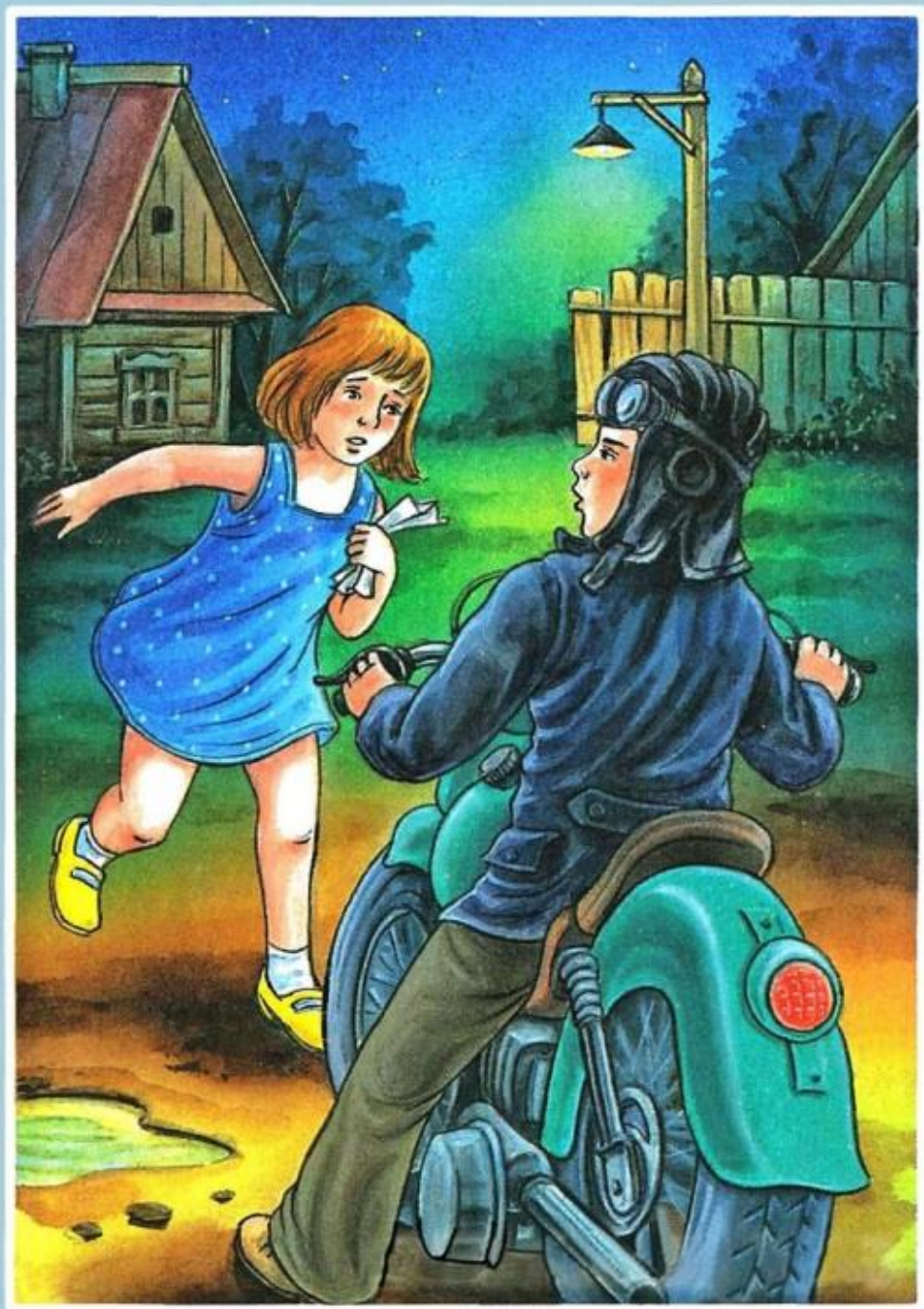
– Да, – важно шагая, бормотал он. – Эх, и тяжела ты, солдатская служба! Нет тебе покоя днём, нет и ночью!

...Время подходило к трём ночи. Полковник Александров сидел у стола, на котором стоял остывший чайник и лежали обрезки колбасы, сыра и булки.

– Через полчаса я уеду, – сказал он Ольге. – Жаль, что так и не пришлось мне повидать Женьку. Оля, ты плачешь?

– Я не знаю, почему она не приехала. Мне её так жалко, она тебя так ждала! Теперь она совсем сойдёт с ума. А она и так сумасшедшая.

– Оля, – вставая, сказал отец, – я не знаю, я не верю, чтобы Женька могла попасть в плохую компанию, чтобы её испортили, чтобы ею командовали. Нет! Не такой у неё характер.

— Садись, Женя, садись! — стараясь казаться суровым, кричал Тимур. — Держись крепче! Ну, вперед! Вперед, двигаем!

– Ну вот! – огорчилась Ольга. – Ты ей только об этом скажи. Она и так заладила, что характер у неё такой же, как у тебя. А чего там такой! Она залезла на крышу, спустила через трубу верёвку. Я хочу взять утюг, а он прыгает кверху. Папа, когда ты уезжал, у неё было четыре платья. Два – уже тряпки. Из третьего она выросла, одно я ей носить пока не даю. А три новых я ей сама сшила. Но всё на ней так и горит. Вечно она в синяках, в царапинах. А она, конечно, подойдёт, губы бантиком сложит, глаза голубые вытаращит. Ну конечно, все думают – цветок, а не девочка. А пойдика. Ого! Цветок! Тронешь – и обожжёшься. Папа, ты не выдумывай, что у неё такой же, как у тебя, характер. Ей только об этом скажи! Она три дня на трубе плясать будет.

– Ладно, – обнимая Ольгу, согласился отец. – Я ей скажу. Я ей напишу. Ну и ты, Оля, не жми на неё очень. Ты скажи ей, что я её люблю и помню, что мы вернёмся скоро и что ей обо мне нельзя плакать, потому что она дочь командира.

– Всё равно будет, – прижимаясь к отцу, сказала Ольга. – И я дочь командира. И я буду тоже.

Отец посмотрел на часы, подошёл к зеркалу, надел ремень и стал одёргивать гимнастёрку. Вдруг наружная дверь хлопнула. Раздвинулась портьера. И, как-то угловато сдвинув плечи, точно приготовившись к прыжку, появилась Женя.

Но вместо того чтобы вскрикнуть, подбежать, прыгнуть, она бесшумно, быстро подошла и молча спрятала лицо на груди отца. Лоб её был забрызган грязью, помятое платье в пятнах.

И Ольга в страхе спросила:

– Женя, ты откуда? Как ты сюда попала?

Не поворачивая головы, Женя отмахнулась кистью руки, и это означало: «Погоди!.. Отстань!.. Не спрашивай!..»

Отец взял Женю на руки, сел на диван, посадил её к

себе на колени. Он заглянул ей в лицо и вытер ладонью её запачканный лоб.

– Да, хорошо! Ты молодец человек, Женя!

– Но ты вся в грязи, лицо чёрное! Как ты сюда попала?
– опять спросила Ольга.

Женя показала ей на портьеру, и Ольга увидела Тимура.

Он снимал кожаные автомобильные краги. Висок его был измазан жёлтым маслом. У него было влажное усталое лицо честно выполнившего своё дело рабочего человека. Здороваясь со всеми, он наклонил голову.

– Папа! – вскакивая с колен отца и подбегая к Тимуру, сказала Женя. – Ты никому не верь! Они ничего не знают. Это Тимур – мой очень хороший товарищ.

Отец встал и, не раздумывая, пожал Тимуру руку. Быстрая и торжествующая улыбка скользнула по лицу Жени – одно мгновение испытующе глядела она на Ольгу. И та, растерявшаяся, всё ещё недоумевающая, подошла к Тимуру:

– Ну... тогда здравствуй...

...Вскоре часы пробили три.

– Папа, – испугалась Женя, – ты уже встаёшь? Наши часы спешат.

– Нет, Женя, это точно.

– Папа, и твои часы спешат тоже. – Она подбежала к телефону, набрала «время», и из трубки донёлся ровный металлический голос:

– Три часа четыре минуты!

Женя взглянула на стену и со вздохом сказала:

– Наши спешат, но только на одну минуту. Папа, возьми нас с собой на вокзал, мы тебя проводим до поезда!

– Нет, Женя, нельзя. Мне там будет некогда.

– Почему? Папа, ведь у тебя билет уже есть?

– Есть.

– В мягком?

– В мягком.

– Ох, как и я хотела бы с тобой поехать далеко-далеко в мягком!..

И вот не вокзал, а какая-то станция, похожая на подмосковную товарную, пожалуй, на Сортировочную. Пути, стрелки, составы, вагоны. Людей не видно. На линии стоит бронепоезд. Приоткрылось железное окно, мелькнуло и скрылось озарённое пламенем лицо машиниста. На платформе в кожаном пальто стоит отец Жени – полковник Александров. Подходит лейтенант, козыряет и спрашивает:

– Товарищ командир, разрешите отправляться?

– Да! – Полковник смотрит на часы: три часа пятьдесят три минуты. – Приказано отправляться в три часа пятьдесят три минуты.

Полковник Александров подходит к вагону и смотрит. Светает, но в тучах небо. Он берётся за влажные поручни. Перед ним открывается тяжёлая дверь. И, поставив ногу на ступеньку, улыбнувшись, он сам себя спрашивает:

– В мягком?

– Да! В мягком...

Тяжёлая стальная дверь с грохотом захлопывается за ним. Ровно, без толчков, без лязга вся эта броневая громада трогается и плавно набирает скорость. Проходит паровоз. Плывут орудийные башни. Москва остаётся позади. Туман. Звёзды гаснут. Светает.

...Утром, не найдя дома ни Тимура, ни мотоцикла, вернувшийся с работы Георгий тут же решил отправить Тимура домой к матери. Он сел писать письмо, но через окно увидел идущего по дорожке красноармейца.

Красноармеец вынул пакет и спросил:

– Товарищ Гараев?

– Да.

– Георгий Алексеевич?

– Да.

– Примите пакет и распишитесь.

Красноармеец ушёл.

Георгий посмотрел на пакет и понимающе свистнул. Да! Вот и оно, то самое, чего он уже давно ждал. Он вскрыл пакет, прочёл и скомкал начатое письмо. Теперь надо было не отсылать Тимура, а вызывать его мать телеграммой сюда, на дачу.

В комнату вошёл Тимур – и разгневанный Георгий стукнул кулаком по столу. Но следом за Тимуром вошли Ольга и Женя.

– Тише! – сказала Ольга. – Ни кричать, ни стучать не надо. Тимур не виноват. Виноваты вы, да и я тоже.

– Да, – подхватила Женя, – вы на него не кричите. Оля, ты до стола не дотрагивайся. Вон этот револьвер у них очень громко стреляет.

Георгий посмотрел на Женю, потом на револьвер, на отбитую ручку глиняной пепельницы. Он что-то начинает понимать, он догадывается, и он спрашивает:

– Так это тогда ночью здесь была ты, Женя?

– Да, это была я. Оля, расскажи человеку всё толком, а мы возьмём керосин, тряпку и пойдём чистить машину.

На следующий день, когда Ольга сидела на террасе, через калитку прошёл командир. Он шагал твёрдо, уверенно, как будто бы шёл к себе домой, и удивлённая Ольга поднялась ему навстречу. Перед ней в форме капитана танковых войск стоял Георгий.

– Это что же? – тихо спросила Ольга. – Это опять... новая роль оперы?

– Нет, – отвечал Георгий. – Я на минуту зашёл проститься. Это не новая роль, а просто новая форма.

– Это, – показывая на петлицы и чуть покраснев, спросила Ольга, – то самое?.. «Мы бьём через железо и бетон прямо в сердце»?

– Да, то самое. Спойте мне и сыграйте, Оля, что-нибудь на дальнюю путь-дорогу.

Он сел. Ольга взяла аккордеон:

...Лётчики-пилоты! Бомбы-пулемёты!
Вот и улетели в дальний путь.
Вы когда вернётесь?
Я не знаю, скоро ли,
Только возвращайтесь... хоть когда-нибудь.
Гей! Да где б вы ни были,
На земле, на небе ли,
Над чужими ль странами –
Два крыла,
Крылья краснозвёздные,
Милые и грозные,
Жду я вас по-прежнему,
Как ждала.

Вот, – сказала она. – Но это всё про лётчиков, о танкистах я такой хорошей песни не знаю.

– Ничего, – попросил Георгий, – а вы найдите мне и без песни хорошее слово.

Ольга задумалась, и, отыскивая нужное хорошее слово, она притихла, внимательно поглядывая на его серые и уже не смеющиеся глаза.

Женя, Тимур и Таня были в саду.

– Слушайте, – предложила Женя, – Георгий сейчас уезжает. Давайте соберём ему на проводы всю команду. Давайте грохнем по форме номер один позывной сигнал общий. То-то будет переполоху!

– Не надо, – отказался Тимур.

– Почему?

– Не надо! Мы других так никого не провожали.

– Ну, не надо так не надо, – согласилась Женя. – Вы тут посидите, я пойду воды напиться.

Она ушла, а Таня рассмеялась.

– Ты чего? – не понял Тимур.

Таня рассмеялась ещё громче.

– Ну и молодец, ну и хитра у нас Женька! «Я пойду воды напиться»!

– Внимание! – раздался с чердака звонкий, торжествующий голос Жени. – Подаю по форме номер один позывной сигнал общий.

– Сумасшедшая! – подскочил Тимур. – Да сейчас сюда примчится сто человек! Что ты делаешь?

Но уже закрутилось, заскрипело тяжёлое колесо, вздрогнули, задёргались провода: «Три – стоп», «три – стоп», остановка! И загремели под крышами сараев, в чуланах, в курятниках сигнальные звонки, трещотки, бутылки, жестянки. Сто не сто, а не меньше пятидесяти ребят быстро мчались на зов знакомого сигнала.

– Оля, – ворвалась Женя на террасу, – мы пойдём провожать тоже! Нас много. Выгляни в окошко.

– Эге, – отдёргивая занавеску, удивился Георгий. – Да у вас команда большая. Её можно погрузить в эшелон и отправить на фронт.

– Нельзя! – вздохнула, повторяя слова Тимура, Женя. – Крепко-накрепко всем начальникам и командирам приказано гнать оттуда нашего брата по шее. А жаль! Я бы и то куда-нибудь там... в бой, в атаку. Пулемёты на линию огня!.. Пер-р-вая!

– Пер-р-вая... ты на свете хвастунишка и атаман! – передразнила её Ольга, и, перекидывая через плечо ремень аккордеона, она сказала: – Ну что ж, если провожать, так провожать с музыкой.

Они вышли на улицу. Ольга играла на аккордеоне. Потом ударили склянки, жестянки, бутылки, палки – это вырвался вперёд самодельный оркестр, и грянула песня.

Они шли по зелёным улицам, обрастая всё новыми и новыми провожающими.

Ольга играла на аккордеоне. Потом ударили склянки, жестянки, бутылки, палки — это вырвался вперёд самодельный оркестр, и грянула песня. Они шли по улицам, обрастая всё новыми провожающими.

Сначала посторонние люди не понимали: почему шум, гром, визг? О чём и к чему песня? Но, разобравшись, они улыбались и кто про себя, а кто вслух желали Георгию счастливого пути.

Когда они подходили к платформе, мимо станции, не останавливаясь, проходил военный эшелон.

В первых вагонах были красноармейцы. Им замахали руками, закричали. Потом пошли открытые платформы с повозками, над которыми торчал целый лес зелёных оглобель. Потом – вагоны с конями. Кони мотали мордами, жевали сено. И им тоже закричали «ура». Наконец промелькнула платформа, на которой лежало что-то большое, угловатое, тщательно укутанное серым брезентом. Тут же, покачиваясь на ходу поезда, стоял часовой.

Эшелон исчез, подошёл поезд. И Тимур попрощался с дядей.

К Георгию подошла Ольга.

– Ну, до свиданья! – сказала она. – И, может быть, надолго?

Он покачал головой и пожал ей руку:

– Не знаю... Как судьба!

Гудок, шум, гром оглушительного оркестра. Поезд ушёл.

Ольга была задумчива. В глазах у Жени большое и ей самой не понятное счастье.

Тимур взволнован, но он крепится.

– Ну вот, – чуть изменившимся голосом сказал он, – теперь я и сам остался один. – И тотчас же, выпрямившись, он добавил: – Впрочем, завтра ко мне приедет мама.

– А я? – закричала Женя. – А они? – Она показала на товарищей. – А это? – И она ткнула пальцем на красную звезду.

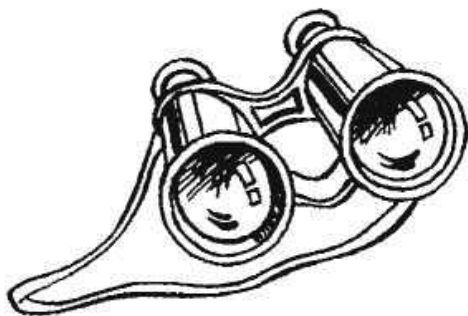
– Будь спокоен! – отряхиваясь от раздумья, сказала Тимуру Ольга. – Ты о людях всегда думал, и они тебе отплатят тем же.

Тимур поднял голову.

Ах, и тут, и тут не мог он ответить иначе, этот простой и милый мальчишка!

Он окинул взглядом товарищей, улыбнулся и сказал:

– Я стою... я смотрю. Всем хорошо! Все спокойны. Значит, и я спокоен тоже!

Серия «Школьная библиотека»

Гайдар Аркадий Петрович

ТИМУР И ЕГО КОМАНДА

Для среднего школьного возраста

Художник

Лемко Дмитрий Михайлович

Главный редактор А. Алир
Технический редактор М.В.Юдаева
Компьютерная вёрстка Д.А.Володин
Корректор С.П.Мосейчук
Ответственный за выпуск И.Н.Полякова

Подписано в печать 26.07.2013.

Формат 60x90 1/16. Бумага офсетная.

Печать офсетная. Усл. п. л. 9.

Гарнитура «Ньютон».

Тираж 20 000 экз. Заказ № 1893.

Издательство «Самовар»

125047, Москва, ул. Александра Невского, д. 1.

Информация о книгах на сайте www.knigi.ru

Оптовая продажа: ООО «Атберг 98»

(495) 925-51-39 www.atberg.aha.ru

Интернет-магазин: www.books-land.ru

Отпечатано в филиале «Тверской полиграфический комбинат
детской литературы» ОАО «Издательство «Высшая школа».

170040, Тверь, проспект 50 лет Октября, 46.

Тел.: +7(4822)44-85-98. Факс: +7(4822)44-61-51

Артикул К-ШБ-73

ISBN 978-5-9781-0620-6

© Издательство «Самовар»,
составление, серийное оформление.
© РИО «Самовар 1990», иллюстрации.

ШКОЛЬНАЯ

БИБЛИОТЕКА

Серия рекомендована
Департаментом
общего среднего образования
Министерства
общего и профессионального образования
Российской Федерации

Художник
Дмитрий Лемко

